

4

9/3)

511

П. Г И Р О

ЧАСТНАЯ и ОБЩЕСТВЕННАЯ
ЖИЗНЬ ГРЕКОВЪ

Вып. III

ЗДАНИЕ ТВА О. Н. ПОПОВОЙ
С-ПЕТЕРБУРГЪ

Акрополь.
Парсенонъ.

Пропилеи.
Статуя Афины-Паллады.

Ареопагъ.

Агора въ Аѣинахъ. (Проектъ возстановленія).

9(38)
ГСИ
9(3)
928
ГСИ

П. ГИРО

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ
ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ

ЧАСТНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГРЕКОВЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО ФРАНЦУЗСКАГО ИЗДАНІЯ
Н. И. ЛИХАРЕВОЙ

76
СЪ 20-Ю РИСУНКАМИ

ВЫПУСКЪ III

Н. И. Л.
БИБЛИОТЕКА
при СГУ
III отд. Истфак

282574

Пр.65

ПОГАСЕНО

ПР. 58

Изданіе Т-ва О. Н. ПОЛОВОЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

38

Оглавленіе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Рабство.

	СТР.
1. Первобытное рабство	5
2. Мнѣніе Аристотеля о рабствѣ	7
3. Источники рабства	8
4. Продажа рабовъ	9
5. Стоимость рабовъ	11
6. Мѣстности, поставлявшія рабовъ	13
7. Число рабовъ	14
8. Положеніе раба	16
9. Характеръ раба	19
10. Общественные рабы	21
11. Бѣглые рабы	23
12. Возстаніе рабовъ	24
13. Отпущеніе на волю	26
14. Актъ отпущенія на волю	28
15. Другой актъ отпущенія на волю	29

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Трудъ и богатство.

1. Мнѣніе грековъ о трудѣ	30
2. Похвала земледѣлію	34
3. Крѣпостное право	36
4. Арендный договоръ	38
5. Мелкіе землевладѣльцы	39
6. Крупные землевладѣльцы	41
7. Земледѣльческіе продукты	44
8. Скотоводство	47
9. Промышленность Греціи	49

	СТР.
10. Раздѣленіе промышленнаго труда	51
11. Организація промышленнаго труда	52
12. Рудники	56
13. Торговля Греціи	57
14. Рынки въ греческихъ городахъ	58
15. Приемы торговцевъ	61
16. Ярмарки	61
17. Торговое законодательство	62
18. Аѣинская политика и хлѣбная торговля	63
19. Денежныя операціи	64
20. Банкиръ Пасіонъ	67
21. Богатый городъ Великой Греціи	75
22. Богатство въ Аѣинахъ	76
23. Подробности относительно имуществъ нѣкоторыхъ аѣинянъ	78
24. Соціализмъ	79

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Общественная жизнь.

1. Жизнь въ Аѣинахъ на открытомъ воздухѣ	83
2. Уличные типы	85
3. Черты греческихъ нравовъ	86
4. Общительность аѣинянъ	89
5. Приглашеніе	90
6. Сообщества	91
7. Общества взаимопомощи	92
8. Нѣкоторыя греческія игры	93
9. Коттабъ	97
10. Пѣтушій бой	99
11. Танцы	100
12. Вокальная и инструментальная музыка	104
13. Музыка въ Спартѣ	108
14. Лавочки парикмахеровъ	110
15. Ссора между молодыми людьми	110
16. Охота	111
17. Путешествіе	114
18. Гостепріимство	116

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Р а б с т в о .

Содержаніе: 1. Первобытное рабство.—2. Мнѣніе Аристотеля о рабствѣ.—3. Источники рабства.—4. Продажа рабовъ.—5. Стоимость рабовъ.—6. Мѣстности, поставлявшія рабовъ.—7. Число рабовъ.—8. Положеніе раба.—9. Характеръ раба.—10. Общественные рабы.—11. Бѣглые рабы.—12. Возстаніе рабовъ.—13. Отпущеніе на волю.—14. Актъ отпущенія на волю.—15. Другой актъ отпущенія на волю.

1. Первобытное рабство.

Рабы въ Греціи назывались δμῶες. Рабомъ можно было сдѣлаться въ силу рожденія, войны или запродажной. Геродотъ ¹⁾ заявляетъ, что въ первобытной Греціи рабство было неизвѣстно. Тимей ²⁾, не заходя такъ далеко въ своихъ утвержденіяхъ, указываетъ тѣмъ не менѣе, что древніе греки не пользовались „рабами, прибрѣтенными за деньги“. Однако, достаточно открыть гомеровскія поэмы, чтобы убѣдиться въ неправильности этого двойного свидѣтельства. Справедливо лишь то, что въ древне-греческомъ обществѣ рабство имѣло гораздо меньшее значеніе, чѣмъ впослѣдствіи. Ученые сдѣлали подсчетъ рабовъ, которыми долженъ былъ владѣть Одиссей; ихъ оказалось около сотни, причемъ половина, т. е. пятьдесятъ, состояла изъ женщинъ, занятыхъ работой внутри дома. Эта цифра, разумѣется, совсѣмъ не такъ велика, если принять во вниманіе, что число стадъ Одиссея достигало 72 и что 24 стада свиней включали тысячу двѣсти головъ.

Въ большинствѣ богатыхъ домовъ штатъ рабовъ далеко не доходилъ до такихъ громадныхъ размѣровъ, и нерѣдко

¹⁾ Геродотъ—см. вып. I, стр. 5, прим. 2.

²⁾ Тимей—греческій историкъ, жившій отъ 352 до 256 г. до Р. Х.

случалось, что землевладѣльцы совершенно не имѣли рабовъ. У Одиссея рабы занимались преимущественно при-
смотромъ за скотомъ. Въ Итакѣ были, на примѣръ, пастухи
для свиней, козъ, воловъ и овецъ. Между ними существо-
вала извѣстная іерархія. Такъ, у Эвмея было четыре под-
чиненныхъ. Кромѣ того есть указанія на должность глав-
наго надсмотрщика надъ волами и главнаго пастуха.

Хотя рабы и находились въ подчиненіи у господина, кото-
рый пользовался по отношенію къ нимъ полной властью,
положеніе ихъ было довольно сносно. Они являлись какъ бы
членами семьи, и въ большинствѣ случаевъ съ ними обра-
щались хорошо. Эвмей, пастухъ Одиссея, воспитывался съ
дочерью царя Лаэрта, Клименой. „Я съ нею“, говоритъ онъ,
„росъ и, почти какъ она, былъ любимъ въ ихъ семействѣ“.
Когда Климена вышла замужъ, Эвмей „былъ награжденъ
красивой хламидой, новымъ хитономъ, также для ногъ
получилъ и сандалии“. Его отправили въ поле, но Антикля
продолжала матерински относиться къ нему: она даже
„дружелюбнѣе прежняго стала“. Со времени же отъѣзда
Одиссея „все миновалось“, говоритъ Эвмей:

„Отъ моей госпожи ничего ужъ веселаго нынѣ
Мнѣ не бываетъ съ тѣхъ поръ...
...Намъ же, рабамъ, иногда такъ утѣшно
Было-бъ ее навѣстить, про себя ей все высказать, свѣдать
Все про нее и, за царскимъ столомъ отобѣдавъ, съ подачей
Весело въ поле, домой, на всedневный свой трудъ возвратиться“¹⁾.

Эвмей, которому было поручено веденіе самостоятель-
наго дѣла, жилъ очень независимо. Для угощенія своихъ
гостей и для своего собственнаго стола онъ могъ пользо-
ваться свиньями, находящимися на его попеченіи; онъ, не
спрашивая ни у кого разрѣшенія, строилъ хлѣвы; у него
были деньги, которыя дали ему возможность купить раба;
онъ страдалъ только потому, что боялся смерти Одиссея
и расхищенія его имущества женихами Пенелопы. Слѣдуетъ
отмѣтить, что эта картина отношеній не представляетъ
чего-то идеальнаго, исключительнаго. Всюду рабъ любитъ

¹⁾ Одиссея, пер. Жуковского, пѣснь XV, ст. 65 и далѣе.

своего господина и, въ свою очередь, любимъ имъ. Рабы принимаютъ участіе въ печаляхъ и радостяхъ хозяина; ихъ обращеніе съ нимъ носитъ характеръ фамиллярности и почтительности, и на его благосклонность рабы отвѣчаютъ безграничной преданностью.

(Guiraud. La propriété en Grèce, стр. 71—73).

2. Мнѣніе Аристотеля о рабствѣ.

Аристотель ¹⁾ говоритъ, что семья состоитъ „изъ людей свободныхъ и изъ рабовъ“. Не довольствуясь указаніемъ на этотъ фактъ, онъ провозглашаетъ его законность. „Нѣкоторые люди“, говоритъ онъ, „утверждаютъ, что власть господина противна природѣ; по ихъ мнѣнію, если одинъ человѣкъ — рабъ, а другой — свободный, то это происходитъ только благодаря установленію закона, по природѣ же между ними нѣтъ никакой разницы, и рабство является результатомъ не справедливости, а насилія“. Аристотель не раздѣляетъ этого взгляда. „Человѣкъ“, говоритъ онъ, „не можетъ обойтись безъ орудій, даже чтобы добывать лишь необходимое для поддержанія жизни. Среди этихъ орудій одни — одушевленные, другія — неодушевленные. Для кормчаго корабля руль — орудіе неодушевленное, а матросъ, бодрствующій на носу — орудіе одушевленное; точно такъ же всякій предметъ владѣнія представляетъ собой полезное для жизни орудіе, а собственность является совокупностью этихъ орудій. Рабъ — это одушевленная собственность и самое совершенное изъ орудій“.

Аристотель идетъ еще дальше. Онъ охотно признаетъ, что нѣкоторые люди впали въ рабство только благодаря случайности (такowymi очень часто были военнопленные), но полагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что многіе созданы быть рабами и въ этомъ — ихъ истинное назначеніе. Всякое человеческое существо устроено, по его словамъ, такимъ образомъ, что душа повелѣваетъ, а тѣло повинуется; такъ и человѣкъ: „если онъ стоитъ ниже себѣ подобныхъ въ такой степени, какъ тѣло ниже души или животное ниже человѣка, то онъ

¹⁾ Аристотель — см. вып. I, стр. 4, прим. 3.

является рабомъ по природѣ, и для него же лучше быть въ рабствѣ. Подобными людьми являются всѣ тѣ, кого судьба обрекла добывать себѣ средства пропитанія при помощи своихъ физическихъ силъ и кто не имѣетъ никакой возможности заниматься чѣмъ-нибудь лучшимъ“.

Если подобныя идеи провозглашалъ такой великій умъ, какъ Аристотель, нетрудно догадаться, каковы должны были быть общепринятые взгляды. Греки никогда не сомнѣвались въ необходимости и законности рабства.

3. Источники рабства.

Въ V и IV вѣкахъ до Р. Х. рабство пополнялось нѣсколькими различными источниками.

Прежде всего, были рабы, родившіеся въ домѣ (οἰχογενεῖς). Они принадлежали не своимъ отцамъ или матерямъ, которые, какъ рабы, были лишены права владѣть чѣмъ бы то ни было, а господину своихъ отцовъ или матерей. Число такихъ рабовъ вообще было не очень велико.

Послѣ каждой войны побѣдитель продавалъ своихъ плѣнниковъ, какъ рабовъ. Стоитъ только просмотрѣть сочиненія Фукидида ¹⁾, чтобы найти тамъ множество примѣровъ. „Двѣсти платейцевъ были умерщвлены, а женщины ввергнуты въ рабство“ (III, 68). „Аѳиняне обратили въ рабство женщинъ и дѣтей торонейцевъ“ (V, 3). Большая часть аѳинянъ, принимавшихъ участіе въ сицилійскомъ походѣ, погибли или попали въ рабство; такихъ было не менѣе 7.000 (VII, 87).

Нѣкоторыя лица обращали въ ремесло похищеніе людей на морѣ или на сушѣ и продажу ихъ въ рабство. Это занятіе никогда вполне не исчезало, несмотря на тяжесть наказаній, которыя оно влекло за собой. Одинъ аѳинскій законъ, стремясь противодѣйствовать этому преступленію, постановлялъ, „чтобы никто не смѣлъ вступать въ торговую сдѣлку съ продавцомъ рабовъ, не истребовавъ у него предьявленія свидѣтельства, удостоверяющаго,

¹⁾ Фукидидъ—см. вып. I, стр. 4, прим. 2.

что продаваемый человѣкъ былъ уже рабомъ такого-то, названнаго по имени, господина“.

До Солона должникъ былъ отвѣтственъ за долги своею личностью, и нерѣдко бывало, что въ случаѣ несостоятельности онъ становился рабомъ; Солонъ отмѣнилъ этотъ обычай. Нищета заставляла иногда взрослого человѣка жертвовать своей свободой, и законъ не мѣшалъ этому. Ребенокъ, отъ котораго отецъ отказывался при его рожденіи ¹⁾, былъ обыкновенно обреченъ на рабство, и это явленіе случалось, надо думать, нерѣдко, потому что въ развязкахъ комедій очень часто идетъ о немъ рѣчь. Въ Аѳинахъ отецъ семьи имѣлъ право продать свою дочь, если она вела дурную жизнь.

Наконецъ, потеря свободы могла быть результатомъ постановленія суда. Такъ наказывали иностранцевъ, которые скрывали свое положеніе и пытались путемъ обмана проникнуть въ число гражданъ. Гражданинъ, выкупленный изъ плѣна кѣмъ-нибудь изъ своихъ соотечественниковъ, лишался свободы, если не вносилъ суммы своего выкупа; но сомнительно, чтобы эта угроза когда-нибудь приводилась въ исполненіе. Одно постановленіе, изданное городомъ Галикарнассомъ около 457 года до Р. Х., какъ временная мѣра, допускаетъ возможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ продавать людей въ чужіе края.

4. Продажа рабовъ.

Греческій писатель Лукіанъ ²⁾ въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ „Распродажа душъ“ (*Ψυχῶν πρῶσις*), даетъ сатирическую картину продажи Зевсомъ философовъ, при-мѣняя къ этому торгу пріемы, употреблявшіеся при продажѣ рабовъ.

Зевсъ.—Эй, ты! разставляй скамьи, приготовляй мѣста для приходящихъ, распредѣли по порядку различныя секты; но сначала позаботься принарядить философовъ, чтобы они имѣли хорошій видъ и привлекли бы много покупа-

¹⁾ См. вып. I, стр. 55, § 16.

²⁾ Лукіанъ Самосатскій—см. вып. I, стр. 30, прим.

телей. Ты, Гермесь, будь глашатаемъ, сзывай покупателей; пусть въ добрый часъ они пожалуютъ на рынокъ. Мы будемъ продавать съ аукціона философскія секты разнаго рода и различныхъ направленій. Кто не въ состояніи заплатить наличными деньгами, пусть представитъ поручительство.

Гермесь.—Кого ты хочешь пустить въ продажу первымъ?

Зевсъ.—Этого іонійца съ длинными волосами; у него видъ почтеннаго человѣка.

Гермесь.—Эй, пифагореецъ ¹⁾, сойди сюда и покажись собравшимся здѣсь.

Купецъ.—Откуда ты?

Пифагореецъ.—Съ о. Самоса.

Купецъ.—Гдѣ ты воспитывался?

Пифагореецъ.—Въ Египтѣ, у мѣстныхъ мудрецовъ...

Купецъ.—Сними съ себя одежду: я хочу видѣть тебя обнаженнымъ. Въ какую сумму онъ оцѣненъ?

Гермесь.—Въ десять минъ (около 370 руб.).

Купецъ.—Вотъ онѣ; я беру его.

Зевсъ.—Какъ имя покупателя и его отечества?

Гермесь.—Я думаю, это какой-нибудь италіецъ изъ Кротоны или изъ Тарента.

Зевсъ.—Пусть онъ беретъ купленнаго, и приведите другого раба.

Гермесь.—Не хочешь ли вотъ того грязнаго человѣка родомъ съ Понта?

Зевсъ.—Хорошо.

Гермесь.—Эй, ты! человѣкъ съ сумой и въ туникѣ безъ рукавовъ, поди-ка сюда и обойди кругомъ это помѣщеніе. Кто хочетъ купить его?

Купецъ.—На что можетъ быть пригоденъ такой грязный и обтрепанный человѣкъ? Изъ него можно сдѣлать только землекопа или водовоза.

Гермесь.—Сдѣлай его привратникомъ; онъ будетъ охранять тебя лучше собаки.

¹⁾ Пифагореецъ—послѣдователь философа и математика Пифагора, жившаго въ VI в. до Р. Х.

Купецъ.—Я дамъ за него самое большее два обола (около 12 коп.).

Зевсъ.—Ведите другого раба. Позови того киренца, разодѣтаго въ пурпуръ и съ вѣнкомъ на головѣ.

Гермесъ.—Послушайте, обратите всѣ вниманіе! это превосходный предметъ, требующій богатаго покупателя.

Купецъ.—Но какой же благоразумный человѣкъ купитъ такого испорченного и развращеннаго раба? Какъ отъ него несеть духами! Какая у него невѣрная и колеблющаяся походка! А ну-ка ты, Гермесъ, скажи, каковы его таланты и что онъ можетъ дѣлать.

Гермесъ.—Онъ умѣетъ отлично готовить печенья: это превосходный поваръ. Получивъ воспитанье въ Аѳинахъ, онъ служилъ въ Сициліи у тиранновъ, которые очень цѣнили его.

Купецъ.—Я не въ состояніи купить его.

Гермесъ.—Боюсь, что онъ останется непроданнымъ.

Зевсъ.—Уведи его отсюда и приведи другого.

(Лукіанъ. Распродажа душъ, 1—3).

5. Стоимость рабовъ.

Обычную цѣну рабовъ, употребляемыхъ при добычѣ серебра или на самыхъ тяжелыхъ полевыхъ работахъ, можно опредѣлить въ двѣ или въ двѣ съ половиной мины (около 74—93 руб.). Стоимость раба-ремесленника должна была въ среднемъ быть выше—отъ трехъ до четырехъ минъ (около 110—148 руб.), иногда она доходила до четырехъ съ половиной минъ (около 167 руб.); главные же мастера стоили отъ пяти до шести минъ (около 185—222 руб.). Одинъ грекъ заплатилъ за своего управляющаго даже талантъ (около 2.200 руб.), но это былъ случай исключительный.

Стоимость домашнихъ рабовъ измѣнялась, какъ и стоимость рабовъ-чернорабочихъ, въ зависимости отъ того, предназначались ли они для самыхъ обыкновенныхъ работъ или для должностей, предполагавшихъ большее умственное развитіе или извѣстную близость къ господамъ. Демосеенъ ¹⁾

¹⁾ Демосеенъ—см. вып. I, стр. 3, прим. 3.

въ одной своей рѣчи упоминаетъ о рабѣ цѣнностью въ двѣ мины (около 74 руб.), но не указываетъ его назначенія; въ другой рѣчи одна рабыня оцѣнена въ пять минъ (около 185 руб.); эта цифра, получившаяся путемъ судебной оцѣнки, можетъ разсматриваться какъ наивысшая въ данномъ случаѣ. Впрочемъ, цѣна въ пять минъ была довольно обычной, если рабъ отличался какимъ-нибудь талантомъ. Рабы, служащіе для удовлетворенія потребностей роскоши, цѣнились, разумѣется, дороже. Самый плохой поваръ при наймѣ получалъ не менѣе 6 оболовъ (около 36 коп.) въ день.

Въ надписяхъ, относящихся къ актамъ отпущенія на волю, находится множество указаній на цѣны. Самая обычная цѣна—отъ 3-хъ до 4-хъ минъ (около 110—148 руб.). Въ одномъ сборникѣ надписей (Вешера и Фукарта) упоминается, во-первыхъ, приблизительно о 150 невольникахъ, изъ которыхъ половина состояла изъ мужчинъ, половина изъ женщинъ, проданныхъ по три мины за каждого, и, во-вторыхъ, о 120—цѣною по 4 мины. И выше и ниже этихъ цѣнъ цифры сильно падаютъ или повышаются. Такъ, 45 рабовъ—изъ нихъ 20 женщинъ—проданы по 2 мины (около 74 руб.), 14—въ большинствѣ молодыя дѣвушки или юноши—по 1 минѣ съ небольшимъ (около 40 руб.), трое или четверо—менѣе, чѣмъ по минѣ. Съ другой стороны, тутъ указывается, что 40 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, были проданы по 5 минъ (около 180 руб.); 20—25 человѣкъ—по 6 минъ (около 222 руб.); 1 человѣкъ за 7 минъ (около 259 руб.); одинъ невольникъ и одинъ уроженецъ Сидона—за 8 минъ (около 296 руб.); еще одинъ—за 9 минъ (около 333 руб.); три женщины, родившіяся дома,—за 7, 8 и 10 минъ (около 259, 296 и 370 руб.); еще одна—за 8 минъ; другая, флейтистка или изготовительница флейтъ,—за 10 минъ; юноша, родившійся дома,—за 10 минъ; женщина, родившаяся дома,—за 15 минъ (около 555 руб.). Варвары продаются иногда также по самой высокой цѣнѣ. Изъ пяти человѣкъ, оцѣненныхъ по 10 минъ, два были еракійцы и одинъ уроженецъ Галаты. Стоимость одного армянина достигаетъ 18 минъ (около 666 руб.).

Слѣдуетъ прибавить, что отпущенія на волю этихъ рабовъ были обставлены тяжелыми условіями и что для многихъ изъ нихъ къ денежному выкупу присоединялись другія обязательства: то вольноотпущенникъ вынужденъ былъ оставаться на опредѣленное время или на всю жизнь у продавца, то долженъ выплачивать этому продавцу, или за него — какому-нибудь другому лицу, извѣстный оброкъ; подобныя условія составляли какъ бы дополнительную плату, которая неизбѣжно должна была уменьшить основную сумму.

Кромѣ того, надо отмѣтить, что среди упомянутыхъ документовъ нѣкоторые относятся къ римской эпохѣ и ни одинъ не древнѣе македонскаго періода ¹⁾). Они составлены, слѣдовательно, въ то время, когда деньги сдѣлались менѣе рѣдкими, что повысило цѣну различныхъ предметовъ. Такимъ образомъ, для IV вѣка эти цифры должны быть немного понижены.

(Wallon. Histoire de l'esclavage, т. I, стр. 210—218; 2-е изд.).

6. Мѣстности, поставлявшія рабовъ.

Два рода документовъ даютъ указанія на то, откуда обыкновенно доставляли рабовъ.

Одна аѳинская надпись конца V вѣка перечисляетъ рабовъ нѣкоего Кефисодора—иностранца, поселившагося въ Пирей ²⁾). Вотъ перечень этихъ рабовъ и ихъ цѣнъ; впрочемъ, надо замѣтить, что обыкновенно стоимость рабовъ была выше. (Corpus inscriptionum Atticarum, т. I, 277).

Θρακiянка		165	драхмъ (около 61 руб.)
Θρακiянка		135	" " 50 "
Θρακiецъ		170	" " 63 "
Сиpіецъ		240	" " 89 "
Каріецъ		105	" " 39 "
Иллиpіецъ		161	" " 60 "
Θρακiянка		220	" " 81 "

¹⁾ Римская эпоха—время завоеванія Греціи Римомъ (со II в. до Р. X.). Македонская эпоха—періодъ господства Македоніи (въ IV в. до Р. X.).

²⁾ Пирей—гавань близъ Аѳинъ.

Оракіецъ	115	драхмъ (около 43 руб.)
Скиѣъ	144	" " 53 "
Иллиріецъ	121	" " 45 "
Колхидецъ	153	" " 57 "
Молодой каріецъ	174	" " 64 "
Мальчикъ-каріецъ	72	" " 27 "
Сиріецъ	301	" " 111 "
Θεσσαліецъ	151	" " 56 "
Лидіецъ	?	

Съ другой стороны, имѣется много дельфійскихъ ¹⁾ надписей III и II вѣка до Р. Х., въ которыхъ указано происхожденіе раба.

Согласно изслѣдованіямъ Валлона ²⁾ (т. I, стр. 171—173), среди трехсотъ рабовъ насчитывается 18 оракійцевъ (7 мужчинъ и 11 женщинъ), 15 сирійцевъ (изъ нихъ 10 женщинъ), 2 фригійца и 2 лидійца (изъ нихъ по одной женщинѣ на каждую страну), 7 уроженцевъ Галаты, 3 каппадокійца, 4 армянина (изъ которыхъ одна женщина), 4 иллирійца (изъ нихъ 3 женщины), 3 сармата (изъ нихъ 2 женщины), одна уроженка страны бастарновъ, 2 араба, 1 еврей и 1 еврейка. Изъ Мизіи, Виоиніи, Пафлагоніи, земли тибареновъ, Меотиды, Сидона, Кипра, Египта было доставлено по одному рабу. Встрѣчаются также и рабы греческаго происхожденія. Отечествомъ ихъ являются Македонія, Эпиръ, Пеонія, Перребія, Атаманія, Беотія, Фокида, Локрида, Халкидика, Мегара, Лаконія (6 мужчинъ и 3 женщины), Гераклея Понтійская, Александрія, Апамея и т. п. И эти рабы были не варвары, привезенные изъ этихъ странъ, а мѣстные уроженцы, греки, впавшіе въ рабство.

7. Число рабовъ.

Официальная перепись 309 г. до Р. Х. въ Аттікѣ насчитывала 400.000 рабовъ на 550.000 человѣкъ всей суммы

¹⁾ Въ Дельфахъ, славившихся своимъ оракуломъ и храмомъ Аполлона, было найдено много различныхъ надписей, которыя имѣютъ важное значеніе при изученіи исторіи Греціи.

²⁾ В а л л о нъ (Wallon)—французскій историкъ XIX вѣка, написавшій сочиненіе о рабствѣ въ древности (Histoire de l'esclavage dans l'antiquité).

населенія. Въ Атикѣ, какъ и во всякой другой странѣ, этихъ рабовъ приспособляли къ самымъ разнообразнымъ занятіямъ: къ земледѣлію, торговлѣ, промышленности, разработкѣ рудниковъ, домашней службѣ и т. п. Вотъ что говоритъ историкъ Валлонъ о числѣ рабовъ, употреблявшихся для работъ по дому: „Платонъ указываетъ, что въ богатыхъ домахъ находилось обыкновенно болѣе пятидесяти рабовъ. Этого числа было достаточно для широкаго обслуживанія всѣхъ отраслей домашней службы. Теренцій ¹⁾, который часто просто переводитъ Менандра ²⁾, даетъ въ нѣкоторыхъ своихъ комедіяхъ указанія, какъ распредѣлялись различныя должности домашней службы между довольно большимъ числомъ рабовъ.

„Тѣмъ не менѣе греки охотно придерживались правила Аристотеля, что большое число прислуги представляетъ неудобство. У самого Аристотеля было тринадцать рабовъ; три другіе философа (Феофрастъ, Стратонъ и Ликонъ) имѣли отъ 6 до 12 рабовъ каждый. Надо думать изъ уваженія къ логикѣ, что эти числа не выходили изъ границъ умѣренности, предписываемой всѣми этими философами. Но было ли это обычной нормой? Конечно, нѣтъ: иные могли удовлетвориться меньшимъ числомъ. При среднемъ же достаткѣ количество рабовъ рѣдко опускалось ниже трехъ или четырехъ. Во всѣхъ сценахъ комедіи, происходящихъ внутри дома, рабы играютъ такую роль, для выполненія которой предполагается не меньшая цифра ихъ; а то, что можно наблюдать въ театрѣ, такъ вѣрно отражающемъ жизнь греческаго общества, находится и въ тѣхъ картинахъ дѣйствительной жизни, которыя рисуютъ намъ ораторы. Ксенофанъ ³⁾ жалуется, что его бѣдность не позволяетъ ему имѣть даже двухъ рабовъ.

„Къ этому надо прибавить, что кромѣ тѣхъ рабовъ,

¹⁾ Теренцій (Публій)—римскій писатель II в. до Р. Х., представитель древне-римской комедіи.

²⁾ Менандръ (см. вып. I, стр. 40, прим.) написалъ около 100 недошедшихъ до насъ комедій.

³⁾ Ксенофанъ — греческій философъ. жившій въ концѣ VI и первой половинѣ V в.

которыми владѣли въ качествѣ собственности, часто держали еще и наемныхъ. Были граждане, желавшіе удовлетворить свои тщеславныя наклонности болѣе дешевой цѣной; они нанимали особыхъ прислужницъ, составлявшихъ свиту ихъ женъ, или слугъ, которые сопровождали на прогулку ихъ самихъ. Къ найму рабовъ прибѣгали особенно часто при какихъ-нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ, въ дни свадебъ или большихъ празднествъ. Тогда нанимали поваровъ, приготовлявшихъ ѣду, танцовщицъ и флейтистокъ, завершавшихъ пиршества“.

(Wallon. Histoire de l'esclavage, т. I, стр. 188—189 и 235—238, 2 изд.).

8. Положеніе раба.

Рабъ въ извѣстномъ отношеніи былъ членомъ семьи. Когда онъ вступалъ въ какое-нибудь аѳинское семейство, его по обычаю сажали у очага и бросали ему на голову сухія фиги, финики и печенья, какъ бы пріобщая его къ домашней религіи. Тѣмъ не менѣе благодаря этой церемоніи онъ не получалъ никакихъ положительныхъ правъ. Въ принципѣ рабъ былъ ничто и не пользовался правомъ владѣть какимъ бы то ни было имуществомъ. Онъ былъ въ полной власти своего господина, который могъ по произволу распоряжаться личностью своего раба и взять себѣ даже мелкія его сбереженія. Зависимость раба была безгранична; законъ, правосудіе не существовали для него; хотя на него смотрѣли какъ на человѣческое существо, но обращались съ нимъ, какъ съ предметомъ собственности.

Однако, на практикѣ слишкомъ суровыя постановленія закона часто смягчались. Нѣкоторые греки полагали даже, что въ Аѳинахъ заходили слишкомъ далеко въ этомъ отношеніи. „Рабамъ предоставляется тамъ“, говорилъ одинъ писатель V вѣка, „невѣроятная вольность; ихъ не позволяютъ бить, и рабъ не подумаетъ и пошевелиться для васъ. Причина этого совершенно ясна. Если бы обычай

разрѣшалъ свободному человѣку бить раба, то нерѣдко били бы по ошибкѣ аѣинскаго гражданина, принявъ его за невольника, потому что въ ихъ одѣянїи нѣтъ разницы. Доходятъ даже до того, что рабамъ позволяютъ жить въ роскоши и вести широкой образъ жизни“. (Ксенофонтъ (?)¹⁾, Аѣинское государство, гл. I, § 10—11). Платонъ²⁾ также жалуется, что въ демократическихъ государствахъ „рабы и того и другого пола свободны въ такой же мѣрѣ, какъ тѣ, кто ихъ купилъ“. (Республика, кн. VIII).

Обычай охотно допускалъ, „чтобы рабъ имѣлъ жену и имущество и чтобы онъ пользовался въ предѣлахъ, допускаемыхъ верховными правами господина, нѣкоторой властью надъ своей женой, дѣтьми и имуществомъ“. (Wallon, I, 331). „Рабу предоставляли извѣстную часть доходовъ и старались такимъ образомъ поощрить его усердіе къ поддержанію домашняго благосостоянія и увеличить его трудоспособность. Такъ, рабъ, управляющій помѣстьемъ, получалъ лично для себя кусокъ земли, пастухъ — овцу. Рабамъ, употребляемымъ въ промышленности или торговлѣ, предоставлялся извѣстный процентъ съ предметовъ, которые они должны были производить или продавать.

„Къ этому надо добавить тѣ мелкіе доходы, которые они имѣли отъ близкихъ знакомыхъ ихъ господъ, дававшихъ имъ „на водку“, а также то, чѣмъ они сами сумѣли завладѣть благодаря великодушію или недосмотру ихъ хозяевъ. Когда господинъ былъ мотомъ, расточавшимъ свое имущество, „оберегать его — значило бы причинять себѣ убытки безъ пользы для него“, говоритъ одно дѣйствующее лицо у Менандра³⁾. Рабъ, такимъ образомъ, спасалъ изъ этой бездонной всепоглощающей бочки то, что могъ; при всякомъ удобномъ случаѣ онъ вѣсилъ въ свою пользу двойной налогъ съ расходовъ господина, воруя, грабя и урывая часть изъ чужой добычи“. (Тамъ же, стр. 291—292).

Рабъ, живя въ постоянномъ общенїи съ господиномъ и

¹⁾ Ксенофонтъ — см. вып. I, стр. 44, прим.

²⁾ Платонъ — см. вып. I, стр. 8, прим. 2.

³⁾ Менандръ — см. вып. I, стр. 40, прим.

являясь свидѣтелемъ всѣхъ его поступковъ, долженъ былъ оказывать на него извѣстное вліяніе. Одинъ изъ кліентовъ оратора Лизія¹⁾ стремился доказать своимъ судьямъ, что онъ не могъ совершить преступленія, въ которомъ его обвиняли; онъ указывалъ, что подобная неосторожность съ его стороны была бы очень неблагоразумна. „Поступивъ такимъ образомъ, я попалъ бы въ зависимость отъ моихъ рабовъ; съ этого времени я не имѣлъ бы возможности наказывать ихъ даже за самые важные проступки, потому что моя строгость могла бы побудить ихъ искать мщенія путемъ доноса“ (VII, 16). Съ рабами обходились бережно потому, что ихъ содѣйствіе было необходимо во всемъ, и потому, что господа постоянно нуждались въ ихъ помощи или ихъ соучастіи.

Конечно, рабовъ можно было принудить ко всему страхомъ, такъ какъ у господина не было недостатка въ средствахъ принужденія. Но аѳиняне предпочитали заслужить ихъ привязанность хорошимъ обращеніемъ. „Желаете ли вы“, говоритъ Плавтъ²⁾, „болѣе вѣрнымъ способомъ сохранить у себя раба и помѣшать ему убѣжать? Вамъ стоитъ только плѣнить его хорошей пищей и хорошимъ виномъ; привяжите его за морду къ столу съ хорошими кушаньями. Если вы будете давать ему ѣсть и пить каждый день вволю, сколько онъ пожелаетъ, никогда ему и въ голову не придетъ убѣжать отъ васъ, если даже онъ будетъ подвергаться опасности смертной казни. Вотъ чѣмъ надо привязать раба, чтобы легче сохранить его. Удивительна эластичность этихъ связей, сплетенныхъ изъ ѣды! Чѣмъ болѣе ихъ расширять, тѣмъ тѣснѣе и сильнѣе онѣ обхватываютъ“ (Menecmi, 11 и сл.).

Самый законъ, по крайней мѣрѣ законъ аѳинскій, предоставлялъ рабу извѣстныя гарантіи. „Онъ охранялъ раба личность и его жизнь, защищая его, какъ и свободного чело-вѣка, отъ оскорбленій и наказывая за его смерть такъ же, какъ и за смерть гражданина. Законъ дѣлалъ даже больше:

¹⁾ Лизій — см. вып. I, стр. 38, прим. 3.

²⁾ Плавтъ (254 — 184 г. до Р. Х.) — римскій писатель, авторъ комедій.

онъ проникалъ внутрь господскаго дома, чтобы наблюдать, какъ господинъ осуществлялъ свои права. Рабъ принадлежалъ ему, но онъ не могъ лишить этого раба жизни по произволу. Законъ запрещалъ это подъ страхомъ изгнанія и религіознаго покаянія; правда, наказаніе за убійство раба было меньше, чѣмъ въ случаяхъ убійства другихъ людей. Даже тогда, когда рабъ заслуживалъ смерти, если онъ, напри-мѣръ, убивалъ своего господина, родственники умершаго не должны были лишать жизни убійцу, а обязаны были передать его въ руки должностныхъ лицъ.

Господинъ не могъ злоупотреблять даже мѣрами дисциплинарнаго воздѣйствія; рабъ, имѣвшій справедливыя основанія для жалобы, могъ требовать, чтобы его продали, и получалъ возможность перейти такимъ образомъ по постановленію суда въ болѣе мягкія руки. Законъ даровалъ ему право имѣть оффиціального защитника, а нѣкоторыя святилища, именно Тезея, Эвменидъ и Эрехтеи, открывали передъ нимъ до постановленія суда двери своихъ убѣжищъ“.

(Wallon, т. I, стр. 313—314).

9. Характеръ раба.

Греческая комедія даетъ намъ довольно точное понятіе о роли и характерѣ рабовъ.

Въ древней комедіи (т. е. до конца V вѣка) рабъ выступаетъ еще мало: онъ не играетъ въ ней главной роли, какъ не игралъ ея и въ дѣйствительной жизни. Онъ появляется лишь въ качествѣ неизбѣжной подробности или же въ интермедіи для того, чтобы развлекать и забавлять публику своими воплями, когда его били. Однако въ *Осахъ* и въ *Мирѣ* Аристофана ¹⁾ рабамъ отводится уже большая роль въ діалогахъ и въ ходѣ пьесы. Въ *Лягушкахъ* и въ *Плутосѣ* того же автора они своимъ присутствіемъ и комическими выходками одушевляютъ все дѣйствіе. Въ *Лягушкахъ* такимъ лицомъ является Ксантій со своими грубыми словечками и смѣлы-

¹⁾ Аристофанъ—см. вып. I, стр. 38, прим. 2.

ми отвѣтами; онъ смѣется надъ хвастливыми выходками своего господина и первенствуетъ надъ нимъ своей твердостью въ минуту опасности. Въ Плуто сѣ въ началѣ пьесы появляется Каріонъ; онъ сокрушается о печальномъ положеніи раба, который связанъ съ судьбой своего господина и фатальнымъ образомъ вовлекается въ послѣдствія его безумствъ, но пытается исправить случившееся, спрашиваетъ, совѣтуетъ, проявляетъ желаніе вмѣшаться и дѣйствительно вмѣшивается во все.

Рабъ Аристофана—всегда одинъ и тотъ же типъ: любопытный и назойливый, беззащѣнный насмѣшникъ; онъ хочетъ быть на равной ногѣ со своимъ господиномъ; это стремленіе проявляется въ вопросахъ, которые онъ предлагаетъ господину, и въ совѣтахъ, которые онъ ему даетъ; рабъ какъ бы соперничаетъ со своимъ повелителемъ въ авторитетѣ.

Эти черты еще явственнѣе проявляются въ новой комедіи IV и III вѣковъ. Изображая частную жизнь, она естественно должна была отвести больше мѣста и рабу. Чаше всего рабъ тутъ является основной пружиной интриги и попадаетъ, такимъ образомъ, въ самый центръ дѣйствія; благодаря этому новая комедія сумѣла выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ отношенія, связывающія его съ другими людьми и особенно съ господиномъ. Эта комедія не дошла до насъ, но мы знакомы съ нею по Плавту и Теренцію, которые заимствовали изъ нея большинство своихъ сюжетовъ. Почти у всѣхъ рабовъ Плавта проявляется по отношенію къ ихъ господамъ тотъ легкій и фамиллярный тонъ, который, какъ общераспространенный обычай, былъ гораздо болѣе свойственъ Аѳинцамъ, чѣмъ Риму. Таковы именно Эпидикъ и Псевдолъ въ двухъ пьесахъ того же наименованія: Эпидикъ утверждаетъ, что онъ заставитъ поступать по-своему своего господина и его друга—двухъ умнѣйшихъ людей въ Совѣтѣ, и затѣмъ встрѣчаетъ ихъ гнѣвъ такими откровенными признаніями и дерзкою покорностью, что заставляеть ихъ опасаться новой ловушки. Псевдолъ нагло появляется передъ Симономъ и, сообщая о своемъ намѣреніи обмануть его въ теченіе того же самаго дня,

предлагаетъ ему побиться съ нимъ объ закладъ, что тотъ не сможетъ помѣшать ему; когда же рабъ одерживаетъ побѣду, то заставляетъ Симона положить ему на плечи выигранныя имъ 20 минъ.

Таковы также рабы Теренція, которые то безпечно и насмѣшливо относятся къ страданіямъ своего молодого господина, какъ Биррій изъ Андріенны, то, проникнутые преданностью, берутъ въ свои руки господскія дѣла, какъ Давъ изъ Андріенны или Сиръ изъ пьесы *Heautontimorumenos*; одинъ проявляетъ самоотверженность, которая была вызвана добротой Памфила по отношенію къ нему, другой—авторитетъ, который онъ приобрѣлъ благодаря своимъ заслугамъ.

(Wallon. Hist. de l'esclavage dans l'antiquité, I, стр. 300—304).

10. Общественные рабы.

Въ Аѳинахъ и въ большинствѣ греческихъ городовъ выполненіе нѣкоторыхъ низшихъ общественныхъ должностей возлагалось на общественныхъ рабовъ. Это были метельщики улицъ, палачи, люди, производившіе пытки. Къ этому разряду рабовъ принадлежали также 300 человекъ стражи, учрежденной послѣ Саламинской битвы¹⁾, а позднѣе—1000 и 1200 стражниковъ, составлявшихъ въ Аѳинахъ нѣчто вродѣ жандармеріи; по мѣсту ихъ родины они носили названіе скиѳовъ. Одинъ ученый (Vöckh) полагаетъ, что ихъ надо было покупать ежегодно отъ тридцати до сорока человекъ, цѣной отъ трехъ до четырехъ минъ (около 110—148 руб.); такимъ образомъ, ежегодный расходъ на нихъ равнялся суммѣ отъ полутора до двухъ талантовъ (около 3.330—4.440 руб.); и если предположить, что ежедневно имъ выдавалось по 3 обола (около 18 коп.), бюджетъ государства увеличивался благодаря этому на 37—38 талантовъ (около 82.140—84.360 руб.). Общественные рабы были приставлены также охранять образцовые мѣры и вѣсы и слѣдить за тщательнымъ изготовленіемъ тѣхъ экземпляровъ ихъ, кото-

¹⁾ Саламинская битва въ 480 г. до Р. X.

рые могли понадобиться должностнымъ лицамъ или частнымъ людямъ. Иные изъ этихъ рабовъ выполняли обязанности глашатаевъ, секретарей, писцовъ и счетчиковъ. Иные, наконецъ, были государственными рабочими, на примѣръ, на монетномъ дворѣ.

Стражникъ-скиѣъ.

Въ одномъ отчетѣ о расходахъ, произведенныхъ въ 329—328 году, упоминалось о 17 рабахъ, употреблявшихся при строительныхъ работахъ. Государство расходовало на человѣка въ день около трехъ оболовъ (около 18 коп.); одежда ихъ также покупалась на государственный счетъ, потому что упоминается о 17 шляпахъ (*πίλοι*) цѣною около 5 драхмъ (около 1 руб. 85 коп.) и о подшивкѣ новыхъ подметокъ у 17 паръ обуви, цѣной по 4 драхмы (около 1 руб.

50 коп.) за пару; государство доставляло имъ также и ихъ инструменты. Намъ неизвѣстно, много ли рабочихъ такого рода было въ Аѣинахъ. Въ Эпидамнѣ, въ Иллиріи, общественныя работы были въ ихъ рукахъ.

Положеніе этихъ людей, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, было гораздо лучше положенія частныхъ рабовъ. Тѣ изъ нихъ, которые служили по административной части, пользовались извѣстнымъ почетомъ. Демосѣенъ утверждаетъ даже, что на рабахъ, называвшихся *ἐγρόσται* и представленныхъ къ должностному лицу, которое завѣдывало государственнымъ казначействомъ, въ значительной мѣрѣ лежала обязанность контролировать дѣйствія этого послѣдняго.

Скиѣы были расквартированы въ палаткахъ, разбитыхъ сначала на агорѣ ¹⁾, а впослѣдствіи перенесенныхъ на Ареопагъ ²⁾. Другіе рабы жили, гдѣ хотѣли; у нихъ были свои дома, движимость и свое хозяйство. Ихъ небольшія сбе-

¹⁾ Агора—см. вып. I, стр. 13, прим. 6.

²⁾ Ареопагъ—часть города въ Аѣинахъ.

реженія составляли ихъ собственность. Поэтъ Эсхинъ ¹⁾ рассказываетъ объ одномъ рабѣ, который былъ богатъ и велъ широкой образъ жизни. Но мало вѣроятно, чтобы эти рабы пользовались правомъ являться въ судъ. Если имъ приходилось вести процессъ, они должны были обращаться къ посредничеству гражданина, бывшего ихъ патрономъ. Они допускались къ религіознымъ церемоніямъ, и государство доставляло имъ все необходимое, чтобы они могли присутствовать тамъ съ честью. Въ одной надписи перечисляются слѣдующіе расходы: за одну жертву, которую общественные рабы принесли во время одного праздника (χοσι),—23 драхмы (около 8 руб. 50 коп.); за посвященіе двухъ общественныхъ рабовъ въ малыя мистеріи ²⁾—30 драхмъ (около 11 руб.).

(Caillemet. Dict. des antiq., II, стр. 91—93).

11. Бѣглые рабы.

Нерѣдко бывало, что рабъ убѣгалъ отъ своего хозяина, несмотря на всѣ предосторожности, которыя принимались по отношенію къ подозрѣваемымъ въ недобромъ намѣреніи, т. е. несмотря на ножные кандалы, цѣпи на рукахъ, ошейники на шеѣ, а иногда клейма на лбу. Рабы пользовались для побѣга малѣйшими неурядицами, переживаемыми государствомъ—войнами или внутренними волненіями; нѣкоторые не ожидали даже и такихъ случаевъ. Владѣльцы стремились поймать ихъ, потому что всякій рабъ представлялъ собой извѣстный капиталъ, который никому не хотѣлось утрачивать. За рабами отправляли погоню; требовали ихъ выдачи отъ государствъ, въ которыхъ они скрывались бѣгствомъ; дѣлали объявленія, обещающія приличное вознагражденіе тому, кто приведетъ ихъ обратно. Вотъ образчикъ подобнаго объявленія; оно найдено въ Египтѣ, но написано по-гречески и касается раба изъ Александріи, города вполне греческаго.

„Одинъ рабъ Аристогена, сына Хризиппа изъ Алабанды

¹⁾ Эсхинъ—см. вып. I, стр. 84, прим.

²⁾ Мистеріи—см. вып. IV, § 33.

(въ Малой Азіи), скрылся изъ Александріи. Зовутъ его Гермонъ, но онъ носитъ также прозвище Нилоса; онъ родомъ сиріецъ, изъ города Бамбика; ему около 18 лѣтъ; онъ средняго роста, безъ бороды, со стройными ногами; на подбородкѣ у него ямочка, около лѣвой ноздри родимое пятно; пониже лѣваго угла рта—шрамъ; на правой рукѣ изображены варварскія буквы.

„Въ моментъ его бѣгства на немъ былъ поясъ съ тремя золотыми монетами цѣною въ одну мину и 10 жемчужинъ; у него было желѣзное кольцо съ лекиѡмъ ¹⁾ и скребницей; одеждой ему служили хламида и передникъ.

„Доставившій его получить 2 таланта мѣдью и 3.000 драхмъ; тотъ же, кто только укажетъ его убѣжище, получить 1 талантъ и 2.000 драхмъ, если бѣглець находится въ священномъ мѣстѣ; если же онъ скрывается въ домѣ состоятельнаго человѣка, подлежащаго взысканію, то — 3 таланта и 5.000 драхмъ.

„Если кто желаетъ сдѣлать заявленіе объ этомъ, пусть обратится къ служащимъ у стратега.

„Съ нимъ вмѣстѣ скрылся еще Біонъ, рабъ Калликрата; ростъ низкій, плечи широкія, глаза зеленоватые. Когда онъ бѣжалъ, на немъ былъ гиматіонъ ²⁾, короткій рабскій плащъ, и женская шкатулка цѣною въ 6 талантовъ и 5.000 драхмъ мѣдью.

„Доставившій его получить столько же, какъ и въ первомъ случаѣ. Заявленія относительно этого раба дѣлать также служащимъ стратега“.

(L e t r o n n e. Journal des Savants, 1833 г., стр. 329).

12. Возстаніе рабовъ.

„Рабъ“, говоритъ Платонъ,—„имущество крайне безпкойное. Опытъ доказывалъ это неоднократно; частые бунты въ Мессеніи, бѣдствія въ государствахъ, въ которыхъ скопляется много рабовъ, говорящихъ на одномъ

¹⁾ Лекиѡ—см. вып. II, стр. 16.

²⁾ Гиматіонъ—см. вып. II, стр. 23.

языкъ, а также событія въ Итали, гдѣ рабы-бродяги производятъ различныя разбойничьи нападенія—подтверждаютъ высказанную мысль болѣе, чѣмъ достаточно. Неудивительно, что въ виду всѣхъ затрудненій не знаешь, какъ лучше поступить. Со своей стороны, я вижу только два средства: во-первыхъ, если господа хотятъ, чтобы рабы легче переносили свою неволю,—не держать рабовъ одной и той же націи, а по возможности приобрѣтать такихъ, которые говорятъ на различныхъ языкахъ; во-вторыхъ, хорошо обращаться съ ними, что важно не только для рабовъ, но еще болѣе для нашихъ собственныхъ интересовъ“. (Законы, книга VI).

Историкъ Нимфодоръ ¹⁾ рассказываетъ о возстаніи рабовъ на островѣ Хіосѣ, гдѣ рабство было сильно развито. Впрочемъ, возможно, что этотъ рассказъ—только легенда.

„Рабы хіосцевъ покидаютъ своихъ господъ и убѣгаютъ въ горы; оттуда они толпами нападаютъ на помѣстья и разграбляютъ ихъ. Горная и лѣсистая мѣстность этого острова благоприятствуетъ имъ. Сами хіосцы рассказываютъ, что недавно въ горы убѣжалъ одинъ рабъ; онъ былъ храбрымъ и не безъ военныхъ способностей; онъ собралъ вокругъ себя бѣглыхъ рабовъ, образовалъ изъ нихъ войско и сталъ ихъ предводителемъ. Противъ него часто устраивались походы, но безуспѣшно. Въ концѣ концовъ Дримакъ (такъ было его имя) обратился къ хіосцамъ съ такой рѣчью:

„Бѣдствія, причиняемая вамъ вашими бывшими рабами, не прекратятся; это предсказываетъ намъ божественный оракулъ. Послушайте меня: оставьте насъ въ покоѣ, и вамъ будетъ только лучше“. Тогда съ нимъ вступили въ переговоры, и между обѣими сторонами было заключено перемиріе; Дримакъ послѣ этого приказалъ сдѣлать себѣ собственные мѣры, вѣсы и печать. Онъ показалъ ихъ хіосцамъ и сказалъ: „Все, что я получу отъ васъ, я буду перемѣривать и перевѣшивать; когда у меня будетъ всего достаточно, я наложу печати на ваши амбары. Если кто-

¹⁾ Нимфодоръ—греческій лѣтописецъ III вѣка до Р. Х.

нибудь изъ вашихъ рабовъ убѣжитъ, я разберу его дѣло; я оставлю у себя тѣхъ, у которыхъ окажутся достаточныя основанія жаловаться на своихъ господъ; другихъ я буду отправлять обратно“.

Съ тѣхъ поръ число побѣговъ уменьшилось, потомъ всѣ боялись его приговоровъ. Рабы, находящіеся около него, боялись его гораздо больше, чѣмъ своихъ господъ, и повиновались ему, какъ предводителю войска. Онъ наказывалъ за нарушеніе дисциплины и не позволялъ никому грабить поля и причинять безъ его приказа жителямъ какой-либо вредъ. Въ дни праздниковъ онъ раздѣлывалъ по помѣстьямъ и получалъ отъ хозяевъ вино, откормленныхъ жертвенныхъ животныхъ и другіе дары; если онъ узнавалъ, что кто-нибудь ихъ нихъ замышлялъ погубить его, онъ наказывалъ виновнаго. Впослѣдствіи хіосское государство назначило вознагражденіе за его голову.

„Я достаточно пожилъ“, сказалъ онъ одному изъ своихъ друзей: „ты молодъ и во цвѣтѣ лѣтъ; убей меня; ты будешь богатъ, свободенъ и счастливъ“. Другъ его не соглашался, но потомъ Дримакъ убѣдилъ его, и онъ принесъ хіосцамъ голову своего предводителя. Но хіосцы снова оказались жертвой грабежей бѣглыхъ рабовъ; тогда они вспомнили о справедливости Дримака и воздвигли ему, какъ полубогу, надгробіе. До сихъ поръ бѣглые рабы отдаютъ ему часть своей первой добычи. Разсказываютъ, что онъ часто является во снѣ многимъ господамъ, чтобы предупредить ихъ о недобрыхъ замыслахъ ихъ рабовъ. Тѣ, кому онъ оказываетъ эти услуги, совершаютъ на его могилѣ жертвоприношенія.

(Н и м ф о д о р ъ. *Fragmenta historicorum graecorum*, изд. Didot, т. II, fragm. 12).

13. Отпущеніе на волю.

Аѳинскій рабъ могъ получить свободу или въ силу постановленія государства, или путемъ выкупа, или благодаря отпускнуой, дарованной ему его господиномъ.

1. Если рабъ оказывалъ крупную услугу государству,

напримѣръ, доносилъ о преступленіи или сражался на войнѣ, государство въ видѣ вознагражденія даровало ему свободу. Такъ, рабы, принявшіе участіе въ битвѣ при Аргинусскихъ островахъ ¹⁾, были объявлены свободными. Въ этомъ случаѣ хозяинъ раба имѣлъ право на вознагражденіе, выплачиваемое ему изъ государственныхъ средствъ.

2. Рабъ могъ также купить свою свободу на свои сбереженія или на чужія деньги. Неизвѣстно, однако, былъ ли обязанъ господинъ принять выкупъ раба или онъ имѣлъ право отказать въ этомъ.

3. Чаще всего отпущеніе на волю происходило по завѣщанію господина, который, умирая, освобождалъ рабовъ, хорошо ему служившихъ. Но освобожденіе раба могло произойти также и благодаря дѣйствию господина при жизни. Потому-то и встрѣчаются отпущенія, объявлявшіяся на судѣ или передъ народнымъ собраніемъ.

Внѣ Аттики примѣнялись и другія формы отпущенія на волю. Въ Мantineѣ и во многихъ ѳессалійскихъ городахъ государство гарантировало вольноотпущеннику свободу подъ условіемъ уплаты имъ налога, взимаемаго одинъ разъ навсегда. Въ другихъ мѣстахъ, а именно въ Беотіи и Фокидѣ, часто случалось, что господинъ посвящалъ своего вольноотпущенника какому-нибудь божеству; въ этомъ случаѣ было запрещено ввергать его снова въ рабство; жрецъ и должностныя лица должны были защищать его отъ попытокъ такого рода. Прибѣгали также къ слѣдующему приему. Господинъ и рабъ приходили къ дверямъ храма; тамъ жрецы принимали раба, какъ бы отдаваемого богу, и выплачивали господину при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ условленную сумму. Рабъ въ этомъ случаѣ принадлежалъ божеству, и такъ какъ выкупъ за освобожденіе вручался богу, то свобода раба охранялась самимъ этимъ божествомъ.

Вольноотпущенный занималъ среднее положеніе между рабомъ и свободнымъ человѣкомъ. Онъ приравнивался къ ме-

¹⁾ Битва при Аргинусскихъ островахъ въ 406 г. до Р. Х.

тэкамъ; поэтому онъ выплачивалъ государству ежегодную подать и былъ обязанъ имѣть патрона¹⁾, которымъ обыкновенно дѣлался его прежній господинъ. Онъ не имѣлъ никакихъ политическихъ правъ и даже не пользовался всѣми гражданскими правами. Въ Аеинахъ онъ не могъ владѣть землей; онъ не имѣлъ также права завѣщать свое имущество; если онъ умиралъ бездѣтнымъ, его достояніе неизбѣжно доставалось его патрону.

Патронъ пользовался даже правомъ по своему усмотрѣнію ограничивать свободу вольноотпущеннаго, какъ это будетъ видно изъ нижеслѣдующихъ документовъ. Вольноотпущенникъ при всѣхъ обстоятельствахъ былъ обязанъ по отношенію къ патрону послушаніемъ и почтеніемъ; онъ долженъ былъ предлагать ему при всякомъ случаѣ свои услуги, совѣтоваться съ нимъ, желая вступить въ бракъ, и отказаться отъ женитьбы, не одобряемой господиномъ. Если онъ не выполнялъ этихъ обязанностей, то по постановленію суда могъ быть снова ввергнутъ въ рабство.

(По Caillemer et Foucart. Dict. des antiquités, I, стр. 301 и сл.).

14. Актъ отпущенія на волю.

„Праксій, сынъ Теона, отпускаетъ на волю Евпраксію и ея маленькаго ребенка, по имени Доріона. Пусть никто не лишитъ ихъ какимъ-либо образомъ свободы. Пусть они живутъ у Праксія и жены его Афродизіи до конца жизни послѣднихъ; пусть они похороняютъ своихъ господъ и воздадутъ имъ погребальныя почести. Если они не выполняютъ этого долга, отпускная потеряетъ силу, и они принуждены будутъ заплатить пеню въ 30 минъ серебромъ (около 1.100 руб.). Если кто-нибудь завладѣетъ ими или поработитъ ихъ, это порабощеніе будетъ недействительно и подлежитъ проклятію, а виновный заплатитъ штрафъ въ 30 минъ, которыя будутъ раздѣлены пополамъ между патрономъ вольноотпущенныхъ и богомъ Асклепіемъ. Всякій

¹⁾ Патронъ — покровитель.

фокеецъ, желающій взять ихъ подъ свое покровительство, можетъ быть ихъ патрономъ“.

(Dittenberger. Sylloge inscript. graecar., 445).

15. Другой актъ отпущенія на волю.

„Эпихаридъ, сынъ Эвдама изъ Лелеи, продалъ богу на слѣдующихъ условіяхъ одну женщину, родомъ сиріянку, по имени Азію. Согласно условію между Азіей и богомъ, цѣна ея равняется тремъ съ половиной минамъ серебра (около 130 руб.). Она будетъ свободной, и ея свобода должна быть защищена отъ посягательствъ въ теченіе всей ея жизни; она можетъ дѣлать, что ей угодно, но при условіи жить въ Лелеѣ. Поручители: Діодоръ, сынъ Геракона, и Тимоклъ, сынъ Тразеи,—дельфійцы.

„Если кто-нибудь попытается обратить Азію въ рабство, Эпихаридъ и его поручители обязаны отстаивать дѣйствительность покупки, совершенной богомъ. Если они не сдѣлаютъ этого, то подлежатъ отвѣтственности согласно договору и законамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если кто-нибудь встрѣтитъ Азію, можетъ силою вернуть ей свободу, безъ страха судебного процесса или какого-либо наказанія. Безъ позволенія Эпихарида Азія не имѣетъ права жить внѣ Лелеи; въ противномъ случаѣ продажа ея (божеству) дѣлается недѣйствительной. Ей строго воспрещается также отчуждать какую-либо часть ея имущества; въ противномъ случаѣ продажа Азіи (богу) недѣйствительна.

„Если она умретъ, ея имущество цѣликомъ перейдетъ къ Эпихариду или его наслѣдникамъ.

„Свидѣтели: 3 должностныхъ и 6 частныхъ лицъ. Купчая хранится у фокейца Кафисона, сына Эвклида изъ Лелеи, и у дельфійца Мантія, сына Дамохара“.

(Dittenberger. Sylloge, 465).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Трудъ и богатство.

Содержаніе: 1. Миѣніе грековъ о трудѣ.—2. Похвала земледѣлію.—3. Крѣпостное право.—4. Арендный договоръ.—5. Мелкіе землевладѣльцы.—6. Крупные землевладѣльцы.—7. Земледѣльческіе продукты.—8. Скотоводство.—9. Промышленность Греціи.—10. Раздѣленіе промышленнаго труда.—11. Организациа промышленнаго труда.—12. Рудники.—13. Торговля Греціи.—14. Рынки въ греческихъ городахъ.—15. Приѣмы торговцевъ.—16. Ярмарки.—17. Торговое законодательство.—18. Аѣинская политика и хлѣбная торговля.—19. Денежныя операциі.—20. Банкиръ Пасіонъ.—21. Богатый городъ Великой Греціи.—22. Богатство въ Аѣинахъ.—23. Подробности о нѣсколькихъ аѣинскихъ состояніяхъ.—24. Соціализмъ.

1. Миѣніе грековъ о трудѣ.

Грекъ гомеровской эпохи не испытывалъ по отношенію къ физическому труду и къ людямъ, посвящавшимъ этому труду свою жизнь, того презрѣнія, какое появилось въ болѣе позднюю эпоху. Наиболѣе прославленные герои древности охотно занимались физическимъ трудомъ. Парисъ строить свой домъ съ помощью самыхъ умѣлыхъ троянскихъ мастеровъ. Одиссей на островѣ Калипсо рубить деревья, обрѣзываетъ на нихъ вѣтви, обтесываетъ ихъ и выравниваетъ по шнурку; потомъ онъ просверливаетъ въ нихъ отверстія, съ помощью гвоздей и болтовъ прилаживаетъ ихъ другъ къ другу и дѣлаетъ изъ нихъ корабль; онъ выкраиваетъ паруса для своего корабля и

приготавливаетъ всѣ снасти; онъ же совершенно самостоятельно дѣлаетъ кровать для своей брачной комнаты.

Въ ту эпоху ремесленники по специальности, какъ оружейники, кожевники, плотники, золотыхъ дѣлъ мастера, носили почетное наименованіе: они были *δημιουργοί*, т. е. трудящіеся для общества, какъ и врачи, прорицатели, музыканты и герольды. Почему же ихъ стали бы презирать? Каждый глава семьи въ то время, какъ женщины занимались тканьемъ, обрабатывалъ поля и изготовлялъ со своими слугами всѣ предметы домашняго обихода, оружіе, домашнюю утварь или земледѣльческія орудія, не нуждавшіяся въ особомъ искусствѣ. Къ ремесленникамъ обращались только въ томъ случаѣ, когда работа требовала специальныхъ навыковъ.)

(Гезіодъ ¹⁾) совѣтовалъ всѣмъ трудиться. „Человѣкъ праздный внушаетъ отвращеніе и богамъ и людямъ; онъ подобенъ тому насѣкомому безъ жала, тому жадному трутню, который откармливается работою пчелъ, самъ ничего не дѣлая... Человѣкъ работающій видитъ, какъ увеличиваются его стада и растетъ его благосостояніе. Своимъ трудомъ ты станешь любезенъ богамъ и людямъ, потому что они не выносятъ праздности. Работать не стыдно; постыдна только лѣнь“...)

Съ теченіемъ времени нравы высшаго класса измѣнились. Крупные землевладѣльцы захватили въ свои руки управленіе государствомъ и образовали землевладѣльческую аристократію. Доходы съ ихъ помѣстій, обрабатываемыхъ фермерами или колонами, позволяли имъ посвящать себя исключительно интересамъ государства и ношенію оружія и сложить всѣ житейскія заботы на плечи рабовъ или бѣдныхъ рабочихъ. Эти богатые собственники, уже относившіеся свысока къ мелкимъ землевладѣльцамъ, глубоко презирали тѣхъ, чьими услугами они пользовались. Рабочій, говорили они, долженъ только повиноваться; онъ не способенъ распоряжаться, пока необходимость добывать себѣ пропитаніе трудомъ своихъ рукъ ставитъ его

¹⁾ Гезіодъ—греческій поэтъ VIII в. до Р. Х.

въ зависимость отъ тѣхъ, кто имъ пользуется. Аристотель былъ вѣрнымъ истолкователемъ подобныхъ чувствъ, когда писалъ слѣдующія строки: „Ремесленники — почти рабы; никогда ни одно благоустроенное государство не допуститъ ихъ въ разрядъ гражданъ, а если и допуститъ, то не дастъ имъ гражданскихъ правъ во всемъ ихъ объемѣ; эти права должны быть предоставлены тѣмъ, кто не имѣетъ надобности зарабатывать себѣ пропитаніе“. По-этому въ истинно-аристократическихъ республикахъ ремесленникъ не могъ быть гражданиномъ, а если и пользовался гражданскими правами, то не могъ занять общественную должность.

Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ власть принадлежала богатымъ, положеніе труда было нѣсколько лучше; тамъ, чтобы получить доступъ къ общественнымъ должностямъ, достаточно было приобрести богатство. Такъ, напримѣръ, въ Аѣинахъ Солонъ не выказывалъ нерасположенія къ ремесленникамъ. Приписываемые ему законы служатъ доказательствомъ, что онъ не имѣлъ предубѣжденія даже противъ ручного труда. Согласно его законамъ сынъ не обязанъ содержать своего отца, если послѣдній не обучилъ его какому-нибудь ремеслу. Человѣкъ, не обладавшій собственными средствами и ничего не дѣлавшій, привлекался судомъ къ отвѣтственности. Если иностранцы переселялись въ Аѣины, чтобы заниматься тамъ ремесломъ, имъ давалось право гражданства. Бѣдные ремесленники не могли занимать общественныхъ должностей, но они имѣли доступъ въ народное собраніе и даже на трибуну. Было запрещено попрекать кого бы то ни было его профессіей, какъ бы низменна она ни была.

Въ демократіяхъ люди, занимающіеся физическимъ трудомъ, были по закону приравнены къ другимъ гражданамъ. „У насъ“, говорилъ Периклъ (Фукидидъ, II, 40), „не стыдно признаться въ бѣдности; стыдно только ничего не предпринимать, чтобы выйти изъ нея. Въ Аѣинахъ одни и тѣ же люди заботятся о своихъ собственныхъ нуждахъ и объ интересахъ государства, и простые ремесленники тамъ достаточно свѣдуши въ политическихъ вопросахъ“.

Въ одномъ сочиненіи Ксенофонта есть цѣлая глава, гдѣ отъ лица Сократа свободнымъ людямъ съ недостаточными средствами дается совѣтъ увеличивать свое благосостояніе физическимъ трудомъ; Сократъ доказываетъ, что они, поступая такъ, принесутъ пользу и себѣ и своимъ согражданамъ.

Θемистокль¹⁾, чтобы побудить гражданъ заниматься ремесломъ, совѣтуетъ освободить ремесленниковъ отъ всякихъ налоговъ. Наконецъ Перикль²⁾ ставитъ себѣ въ заслугу то, что онъ предпринялъ крупныя общественныя работы и, направивъ такимъ путемъ дѣятельность аѳинянъ къ искусствамъ и промышленности, способствовалъ обогащенію города, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его украшенію.

Но общественное мнѣніе въ этомъ отношеніи не легко поддавалось внушеніямъ Θемистокла и Перикла. Геродотъ, рассказавъ, что въ Египтѣ воины живутъ въ праздности, прибавляетъ: „Не знаю, заимствовали ли греки эти обычаи у египтянъ, такъ какъ я вижу, что и ѳракійцы, и скиѳы, и персы, и лидійцы, и почти всѣ варвары относятся къ гражданамъ, занимающимся механическими искусствами, и къ ихъ потомкамъ, какъ къ людямъ, не заслуживающимъ особаго уваженія, и считаютъ болѣе благородными людей, которые освободились отъ ручного труда, особенно тѣхъ, кто посвящаетъ себя военному дѣлу. Эти же понятія раздѣляются всѣми греками, особенно лакедемонянами; коринѳяне менѣе другихъ презираютъ ремесленниковъ“ (II, 167).

Подобный предразсудокъ поддерживали самые знаменитые философы, которые въ этомъ отношеніи только развивали взгляды высшихъ классовъ. „Ремесла“, говоритъ Ксенофонтъ (О домоводствѣ. IV, 2), „по справедливости пользуются дурной славой, потому что они истощаютъ тѣло тѣхъ, кто ими занимается; такой трудъ заставляетъ поневолѣ вести сидячій образъ жизни, оставаться въ темнотѣ, а иногда проводить все время близъ огня; а когда тѣла ослаблены, души скоро утрачиваютъ всю свою энер-

¹⁾ Θемистокль—см. вып. I, стр. 41, прим. 2.

²⁾ Перикль—см. вып. I, стр. 13, прим. 4.

гію“. „Ремесла“, говорить Аристотель, „не оставляють времени думать о дѣлахъ государства; они не даютъ умственнымъ способностямъ возможности свободно развиваться и возвышаться“. Поэтому философъ запрещаетъ молодымъ людямъ „занятія ремесленниковъ“. По его мнѣнію, между свободнымъ рабочимъ и рабомъ существуетъ лишь незначительная разница. „Работать на отдѣльнаго человѣка—значитъ быть рабомъ, работать для публики—значитъ быть рабочимъ и наемникомъ“.

(Caillemet. Dict. des antiq. I, стр. 441—443).

2. Похвала земледѣлію.

Сократъ: „Земледѣліе является источникомъ и удовольствія, и домашняго благосостоянія, и физическихъ упражненій, благодаря которымъ тѣло дѣлается способнымъ выполнять всѣ обязанности свободного человѣка. Земля даетъ обрабатывающему ее все необходимое для жизни, прибавляя еще и то, что услаждаетъ существованіе. Наконецъ, она же производитъ пріятныя по запаху и восхитительныя по виду украшенія для алтарей и статуй, а также для самихъ людей. Къ этому надо добавить множество видовъ пищи, которые она доставляетъ или развитію которыхъ она способствуетъ; такъ, скотоводство тѣсно связано съ земледѣліемъ; благодаря этому мы получаемъ возможность приносить жертвы для угожденія богамъ и удовлетворенія нашихъ собственныхъ потребностей.

„Кромѣ того, доставляя намъ все въ изобиліи, земледѣліе не поощряетъ лѣности; оно учитъ насъ переносить зимній холодъ и лѣтнюю жару. Физическія упражненія, необходимыя для тѣхъ, кто собственными руками обрабатываетъ землю, даютъ имъ силу; тѣхъ же, кто руководитъ работами, земледѣліе закаляетъ, заставляя ихъ рано вставать и много ходить...

„Земля побуждаетъ земледѣльцевъ защищать ихъ страну съ оружіемъ въ рукахъ, потому что ея плоды предоставлены въ распоряженіе всѣхъ желающихъ и дѣлаются добычей наиболѣе сильныхъ. Существуетъ ли, затѣмъ,

такое искусство, которое такъ успѣшно учило бы людей бѣгать, метать въ цѣль, прыгать, которое такъ щедро вознаграждало бы тѣхъ, кто имъ занимается, которое, наконецъ, доставляло бы больше наслажденій?... Я былъ бы

Пахари.

очень удивленъ, если бы свободный человѣкъ нашелъ какое-нибудь состояніе болѣе привлекательнымъ или какое-нибудь занятіе болѣе пріятнымъ и полезнымъ для жизни. Но это не все; земля учитъ быть справедливымъ того, кто умѣетъ пользоваться уроками, потому что блага, даруемая ею, находятся въ зависимости отъ заботъ, прилагаемыхъ къ ней.

„Земледѣліе научаетъ насъ также оказывать другъ другу помощь. Для выступленія противъ враговъ нужны совмѣстныя дѣйствія людей, то же самое и при обработкѣ земли. Человѣкъ, желающій быть хорошимъ земледѣльцемъ, долженъ подготовить для себя дѣятельныхъ и послушныхъ работниковъ; точно такъ же и человѣкъ, идущій противъ враговъ, долженъ умѣть вознаграждать людей дѣятельныхъ и наказывать нарушающихъ долгъ

повиновенія. Земледѣлецъ долженъ ободрять своихъ работниковъ не рѣже, чѣмъ предводитель войска—своихъ солдатъ. Надежда для рабовъ не менѣе необходима, чѣмъ для людей свободныхъ, даже больше, потому что она привязываетъ ихъ къ господину.

„Истинно сказано, что земледѣліе есть мать и кормилица всѣхъ другихъ искусствъ. Если процвѣтаетъ земледѣліе, процвѣтаютъ и остальные искусства; тамъ же, гдѣ оно не развивается, увядаютъ и прочія искусства“.

(Ксенофонтъ. О домоводствѣ, гл. V).

3. Крѣпостное право.

Земля въ Греціи обрабатывалась то крѣпостными (сервами или колонами), то свободными фермерами, то непосредственно самими землевладѣльцами.

Крѣпостные или колоны существовали во всѣхъ аристократическихъ государствахъ, т. е. тамъ, гдѣ законъ и нравы запрещали гражданину физическій трудъ. Въ демократическихъ же государствахъ, особенно въ Аѣинахъ, крѣпостничество исчезло довольно рано.

Въ Лаконіи крѣпостные носили наименованіе илотовъ. Владѣльцемъ ихъ въ извѣстномъ отношеніи было государство, потому что освобожденіе ихъ могло имѣть мѣсто только по предложенію или съ согласія государственной власти; въ этомъ смыслѣ Страбонъ ¹⁾ и называетъ ихъ „общественными рабами“. Но это не препятствовало каждому изъ илотовъ имѣть и своего особаго господина.

Было запрещено продавать илота, какъ обыкновеннаго раба, за границу; обычно илоты были прикрѣплены къ опредѣленному участку земли, съ котораго они никогда не сходили и который переходилъ къ ихъ дѣтямъ. Илотъ долженъ былъ выплачивать ежегодный налогъ; величина его измѣнялась, повидимому, въ зависимости отъ того, жилъ ли крѣпостной въ Мессеніи или въ Лаконіи. Въ первомъ случаѣ господинъ получалъ половину всего урожая; во вто-

¹⁾ Страбонъ—см. вып. I, стр. 97, прим. 1.

ромъ—часть эта была нѣсколько меньше; она устанавливалась разъ навсегда съ самаго начала, и владѣлецъ, который пытался увеличить ее, подвергался религіозному проклятію. Это, по словамъ Плутарха, дѣлалось съ цѣлью заинтересовать илота въ земледѣліи, такъ какъ только на его долю падала выгода отъ все возрастающей съ теченіемъ времени цѣны на земледѣльческіе продукты. Повидимому, оброкъ не былъ особенно тяжелъ, потому что онъ давалъ возможность многимъ изъ илотовъ прикапливать кой-какія деньги. Въ срединѣ III вѣка до Р. Х. царь Клеомень предложилъ всѣмъ желающимъ изъ илотовъ выкупиться на свободу за пять минъ (около 185 руб.) съ человѣка; шесть тысячъ человѣкъ приняли это предложеніе.

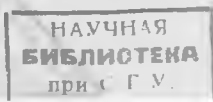
Илоты должны были нести также и другую повинность: они служили въ войскѣ, и не случайно, а несли регулярную воинскую повинность. Правда, въ случаѣ доблестнаго поведенія ихъ иногда въ награду за храбрость отпускали на волю. Различные писатели сообщаютъ, что съ ними обращались съ преднамѣренной суровостью, но это утвержденіе, повидимому, крайне преувеличено. На дѣлѣ спартіаты боялись ихъ по той причинѣ, что знали ихъ многочисленность и склонность къ возстаніямъ. Поэтому они учредили за илотами очень тщательный надзоръ и путемъ многочисленныхъ полицейскихъ мѣропріятій стремились помѣшать ихъ тайнымъ собраніямъ и предотвратить ихъ заговоры; если же вспыхивало возстаніе, спартіаты проявляли при подавленіи его полную безпощадность, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда были не въ состояніи усмирить бунтъ силой и когда благоразумнѣе было пойти на уступки.

Положеніе пенестовъ въ Фессаліи, маріандиновъ въ Гераклеѣ Понтійской, кларотовъ на островѣ Критѣ было почти такое же. Законъ Гортины ¹⁾ рисуетъ намъ нѣсколько новыхъ подробностей относительно кларотовъ. Крѣпостной о. Крита могъ вступать въ бракъ и разводиться, не испрашивая на это ничьего разрѣшенія. Жена его должна

¹⁾ Гортина—см. вып. I, стр. 61, прим. 1.

Лавровъ

282574

была принадлежать къ тому же сословію, но онъ могъ выбирать ее не только среди крѣпостныхъ женщинъ своего господина. Какъ отецъ, онъ не пользовался всѣми родительскими правами. Ребенокъ, рожденный отъ брака крѣпостныхъ, принадлежалъ господину мужа, а въ случаѣ его отказа—владѣльцу жены. Крѣпостной пользовался правомъ пріобрѣтать и владѣть, по крайней мѣрѣ, движимымъ имуществомъ и скотомъ. Но мы не знаемъ, были ли указанныя черты свойственны крѣпостнымъ всѣхъ другихъ греческихъ государствъ.

4. Арендный договоръ.

Многіе владѣльцы сдавали свою землю въ аренду. Приводимый ниже договоръ можетъ дать понятіе объ обычныхъ условіяхъ аренды; въ этомъ договорѣ рѣчь идетъ объ имуществѣ, принадлежащемъ одной аттической демѣ¹⁾. Когда землевладѣльцемъ былъ частный человѣкъ, срокъ аренды назначался довольно короткій; но въ этомъ отношеніи не существовало никакихъ правилъ.

„Вотъ на какихъ условіяхъ айксонская дема сдаетъ землю Феллеиду изъ Автоклы и его сыну Автею. Земля отдается на 40 лѣтъ за 152 драхмы (около 56 руб.) въ годъ съ условіемъ, что арендаторы будутъ обрабатывать ее, но могутъ дѣлать это какимъ угодно способомъ.

„Арендная плата вносится въ мѣсяцѣ Гекатомбеонѣ²⁾; если же это не будетъ выполнено, айксонцы имѣютъ право завладѣть урожаемъ арендуемаго участка земли и всякимъ другимъ имуществомъ, принадлежащимъ арендаторамъ.

„До истеченія 40 лѣтъ айксонцы не имѣютъ права ни продавать, ни сдавать въ аренду свою землю.

„Если непріятель помѣшаетъ обработкѣ земли или произведетъ разореніе, айксонцы получаютъ вмѣсто арендной платы половину всего урожая.

„По истеченіи 40 лѣтъ арендаторы должны передать половину земли незасѣянною, съ тѣмъ же количествомъ

¹⁾ Демы—см. вып. I, стр. 88, прим. I.

²⁾ Гекатомбеонъ—см. вып. I, стр. 18.

деревьевъ, что и въ настоящее время. Въ послѣднія пять лѣтъ айксонцы могутъ воспользоваться правомъ посылать на эту землю своего виноградаря.

„Арендный срокъ для хлѣба начинается съ архонтства Эмбула (345—344 г. до Р. Х.); для другихъ растений—со слѣдующаго года.

„Казначей дѣмы должны высѣчь договоръ на каменныхъ столбахъ и поставить одинъ изъ нихъ внутри храма Гебы, другой на портикѣ. Они должны также поставить на землѣ межевые столбы, по два съ каждой стороны, не менѣе какъ въ три фута вышиной.

„Если государство обложить землю какимъ-нибудь налогомъ (*εἰσφορά*), то платить его будутъ айксонцы; если же его внесутъ арендаторы, онъ будетъ включенъ въ арендную плату.

„Запрещается перевозить срытую землю въ какое бы то ни было мѣсто за предѣлами даннаго участка.

„Если кто-нибудь предложитъ произвести измѣненіе въ этомъ договорѣ до истеченія сорокалѣтняго срока и проведетъ это измѣненіе, арендаторы имѣютъ право вчинить этому лицу искъ объ убыткахъ“.

(*Corpus inscriptionum Atticarum*, т. II, 1055).

5. Мелкіе землевладѣльцы.

Въ Греціи существовалъ цѣлый классъ мелкихъ собственниковъ, которые обрабатывали свою землю сами съ помощью своей семьи и нѣсколькихъ рабовъ. Геродотъ далъ намъ точную картину ихъ положенія, нравовъ и понятій. Описываемый имъ землевладѣлецъ имѣетъ два плуга, изъ которыхъ одинъ запасной, пару быковъ и штатъ прислуги. Онъ не довольствуется отдачей приказаній и надзоромъ надъ своими

Плугъ.

работниками; онъ самъ работаетъ среди нихъ, принимая участіе въ ихъ трудѣ: онъ сѣетъ, жнетъ и самъ изготавляетъ рабочія орудія. Онъ особенно ярко проявляетъ ту жажду наживы, тотъ эгоизмъ, духъ порядка и экономіи, которые обыкновенно свойственны крестьянину.

„Тотъ, кто имѣетъ честнаго сосѣда, можетъ считаться баловнемъ судьбы... Не бери въ долгъ у своего сосѣда слишкомъ много и при отдачѣ возвращай ему столько же; если можешь, отдавай даже больше, чтобы обезпечить себѣ помощь въ день нужды“. „Если малое постоянно прибавлять къ малому, то скоро получится много. Если будешь прибавлять къ тому, что у тебя уже имѣется, можешь навѣрно избѣжать голода. То, что хранится у тебя въ домѣ, не причиняетъ заботъ. Надежнѣе хранить свое добро у себя, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Пріятно брать изъ того, что у тебя есть; тяжело не имѣть, откуда взять... Большое имущество требуетъ большихъ заботъ, но оно даетъ и большія выгоды“. „Снабжай всегда свое жилище земледѣльческими орудіями; никогда не занимай ихъ у другихъ: если тебѣ откажутъ въ нихъ, ты потеряешь удобный моментъ, благопріятное время для работы. Не откладывай дѣла до завтра и до послѣ-завтра. Кто боится труда, кто медлитъ его выполнить, тотъ никогда не наполнитъ своей житницы. Работа идетъ впередъ только благодаря прилежанію, а лѣнивый всегда борется съ нуждой“.

У многихъ комическихъ поэтовъ являлась мысль вывести на сцену аѣинскаго деревенскаго жителя, и намъ извѣстно, по крайней мѣрѣ по названію, множество пьесъ съ подобнымъ содержаніемъ; это служить доказательствомъ, что классъ мелкихъ землевладѣльцевъ пользовался извѣстнымъ значеніемъ въ Атикѣ. Къ нему принадлежатъ: Дерсетъ въ пьесѣ Аристофана „Ахарняне“, который жалуется, что беотійцы отняли у него пару быковъ; Хремилъ въ „Плутосѣ“, который питается тѣмъ же дикимъ лукомъ, что и его рабы; Хремъ, несомнѣнно заимствованный Теренціемъ у Менандра, который постоянно возится съ какой-нибудь работой, точно у него совсѣмъ

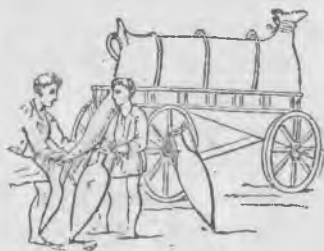
нѣтъ работниковъ. Къ нимъ можно присоединить Клитона и Геронакса въ Антологіи ¹⁾, которые говорятъ такими словами: „Эта маленькая ферма — собственность Клитона; ему же принадлежатъ эти нѣсколько бороздъ, которыя

Крестьянинъ, ѣдущій на рынокъ.

надо засѣять, этотъ лежащій близъ нихъ маленькій виноградникъ и этотъ маленькій лѣсокъ, гдѣ можно нарубить нѣсколько охапокъ дровъ. И въ этомъ маленькомъ имѣніи Клитонъ прожилъ 80 лѣтъ“.

„Деметръ, покровительницѣ вѣяльщиковъ, богинямъ-покровительницамъ посѣвовъ земледѣлецъ Геронаксъ посвящаетъ изъ своей скудной жатвы эту охапку колосьевъ и различныхъ овощей. Онъ возлагаетъ на этотъ каменный треножникъ этотъ скромный даръ, удѣленный изъ его скуднаго урожая; онъ владѣетъ только самымъ ничтожнымъ наслѣдіемъ на этомъ печальномъ холмѣ“.

Разливка вина.

6. Крупные землевладѣльцы.

Ксенофонтъ въ своемъ сочиненіи „Домоводство“ изображаетъ намъ типъ богатаго землевладѣльца, который хотя и ведетъ самостоятельное хозяйство на своихъ земляхъ, но ограничивается только руководствомъ всѣми работами, не принимая въ нихъ непосредственнаго участія. Мѣстожительство Исхомаха—Аѳины, но онъ ежедневно посѣщаетъ свое имѣніе, расположенное недалеко отъ города. Всѣ работы выполняются тамъ рабами или вольноотпущенниками. Онъ покупаетъ еще плохо обученныхъ рабовъ и

¹⁾ Антологія—см. вып. II, стр. 32, прим. 1.

самъ старается приучить ихъ къ дѣлу. Онъ знаетъ свое хозяйство въ совершенствѣ; ни одна отрасль земледѣлія не остается неизученной имъ. Онъ отличается не только духовными качествами хорошаго агронома, а обладаетъ и всѣми техническими знаніями. Убѣжденный въ томъ, что хозяйскій глазъ незамѣнимъ, онъ—всегда среди своихъ работниковъ: то сдѣлаетъ замѣчаніе, то похвалитъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ служитъ для всѣхъ образцовымъ примѣромъ прилежанія и усердія; со всѣми онъ обходится по заслугамъ и владѣетъ, наконецъ, высшимъ даромъ толково распоряжаться.

Не всѣ аѳиняне обладали такой внимательностью и такой опытностью. Нѣкоторые не питали къ землѣ любви и стремились освободиться отъ нея. Иные посѣщали свои хозяйства только черезъ большіе промежутки времени, на примѣръ, въ періодъ посѣва или жатвы, и возлагали завѣдываніе имѣніемъ на управляющаго изъ рабовъ.

Но на-ряду съ землевладѣльцами, которыхъ отвлекали отъ деревни политическіе интересы, торговыя или промышленныя дѣла, или, наконецъ, ихъ собственные вкусы, не было недостатка въ такихъ, которые находили въ сельской жизни много прелести или большую выгоду и принимали горячо къ сердцу свое хозяйство. Стрепсиадъ въ комедіи Аристофана, человѣкъ, который, несмотря на бракъ съ женщиной изъ хорошаго общества, продолжаетъ жить въ предмѣстьѣ и отъ котораго попрежнему пахнетъ виноградникомъ, сыромъ и шерстью,—не выдуманное лицо. Ораторы даютъ указанія и относительно другихъ землевладѣльцевъ, жизнь которыхъ складывалась болѣе или менѣе такъ же. Многіе богатые люди, хотя и имѣли домъ въ городѣ, дѣлали мѣстомъ своего постоянного жительства деревню. Въ началѣ Пелопоннесской войны¹⁾, когда поселяне должны были бѣжать передъ непріателемъ и укрыться въ Аѳинахъ, переселеніе въ городъ приняло широкіе размѣры. Фукидидъ, очевидецъ этого зрѣлища, заявляетъ,

¹⁾ Пелопоннесская война—431—404 г.

что большинство старинныхъ фамилій обыкновенно всегда жили въ теченіе цѣлаго года на своихъ земляхъ; переѣздъ оттуда казался для нихъ настоящимъ изгнаніемъ.

Θεокритъ ¹⁾ своимъ описаніемъ помѣстій Авгія даетъ понятіе о земельномъ строѣ въ Сициліи. Въ отсутствіе хозяина обязанности управляющаго выполняетъ довѣренный рабъ, которому помогаетъ многочисленный штатъ служащихъ. Но Авгій входитъ, насколько возможно, самъ въ дѣла своего помѣстья, думая такимъ путемъ извлечь побольше дохода, и рассказъ начинается какъ разъ съ момента, когда Авгій наблюдаетъ за работами. Ксенофонтъ изображаетъ намъ аристократовъ Мантинеи; они живутъ среди своихъ владѣній и занимаются сами обработкой ихъ. Филопемуну принадлежитъ прекрасная ферма въ окрестностяхъ Мегалополиса; онъ ѣздитъ туда, какъ только у него находится свободное отъ общественныхъ дѣлъ время; ему доставляетъ истинное удовольствіе видѣть своихъ пастуховъ и винодѣловъ за работой. Одинъ историкъ хвалитъ земледѣльческое хозяйство на Корцирѣ, красоту деревенскихъ домовъ, прекрасное состояніе сельскихъ построекъ, многочисленность стадъ и рабовъ; все это свидѣтельствуется, что рѣчь здѣсь идетъ скорѣе о системѣ непосредственной обработки земли владѣльцемъ ея, чѣмъ о сдачѣ ея въ аренду.

Земледѣліе.

Сельско-хозяйственныя работы чаще всего выполнялись рабами; во главѣ ихъ стоялъ управитель, который самъ былъ или рабомъ или вольноотпущеннымъ. Но иногда пользовались для работъ и свободными рабочими (*μισθοτοί*).

(По Guiraud. *La propriété en Grèce*, кн. III, гл. IV).

¹⁾ Θεокритъ—греческій поэтъ III в. до Р. X.

7. Земледѣльческіе продукты.

Хлѣбныя растенія. — Единственными хлѣбными растеніями, извѣстными въ Греціи, были пшеница и ячмень. На основаніи текстовъ легко установить, что ихъ воздѣлывали повсюду. Тѣмъ не менѣе не вездѣ сѣяли въ одинаковой пропорціи одни и тѣ же сорта хлѣба. Въ Атикѣ въ теченіе IV вѣка ячменя производилось въ десять разъ

Сборъ оливъ.

больше, чѣмъ пшеницы, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, которыя примыкали къ Беотіи; тамъ это отношеніе равнялось двумъ къ одному. На о. Скиросѣ и въ Миринѣ на о. Лесбосѣ отношеніе это было три къ одному; въ Гефестіи—пять къ одному; въ Имбросѣ—одинъ къ двумъ; на Саламинѣ сѣяли только ячмень. Въ Танагрѣ и Анѣедонѣ было мало хлѣбныхъ растеній; то же самое происходило, очевидно, и въ странахъ съ обширными пастбищами, какъ, напримѣръ, Аркадія, Фессалія, Этолія, Акарнанія, или съ крупными виноградниками, какъ большинство острововъ.

Вино. — Вино еще съ гомеровскихъ временъ было въ Греціи обыкновеннымъ напиткомъ; имъ пользовались также при жертвоприношеніяхъ и погребальныхъ обрядахъ. Поэтому виноградники были очень распространены. Помѣстье считалось хорошо поставленнымъ только въ томъ случаѣ, если въ немъ были виноградники. Вино было различныхъ качествъ. Гомеръ восхваляетъ вино изъ Прамны, близъ

Смирны, и изъ Маронеи на Эракійскомъ берегу; это послѣднее можно было разбавлять въ двадцать разъ большимъ количествомъ воды. Во времена Аристофана вино было однимъ изъ главныхъ продуктовъ производства Аттики. Тогда умѣли различать достоинства и недостатки каждаго вина. „Давайте вашимъ друзьямъ въ праздники вино, называемое „сапріасъ“, а вашимъ врагамъ—пепаретское вино“, говоритъ одинъ комическій писатель. Наиболѣе славилось хіосское вино, особенно изъ аріузской области.

Азіатское побережье и большинство сосѣднихъ острововъ, за исключеніемъ Самоса, производили такія же вина; они очень цѣнились знатоками и прекрасно дѣйствовали на больныхъ; согласно Страбону подобными же винами были эфесскія, метрополисскія, месогисскія, тмольскія, катакекавменскія, киддскія и смиренскія. Тотъ же авторъ хвалитъ мессинское вино. Нѣкоторые сорта винъ содержали такое количество алкоголя, что могли сохраняться многіе годы.

Плоды и овощи.—Наиболѣе распространеннымъ плодовымъ деревомъ было оливковое. Греки иногда употребляли въ пищу самые плоды этого дерева, главнымъ образомъ въ соленомъ видѣ; но по преимуществу изъ нихъ дѣлали масло.)

Въ саду Алкиноя и въ огородѣ Лаэрта, описанныхъ въ „Одиссеѣ“, уже росли оливки. Ихъ было множество въ Атикѣ, гдѣ существовалъ даже законъ, воспрещавшій вырывать ихъ съ корнями. Воздѣлываніе ихъ приносило, несомнѣнно, большія выгоды, потому что нѣкоторыя частновладѣльческія земли были совершенно покрыты ими.

Діодоръ ¹⁾ сообщаетъ, что эти деревья занимали значительную часть территоріи Агригента и доставляли большую выгоду землевладѣльцамъ. Ксенофонтъ выражаетъ удивленіе, что ихъ нѣтъ въ одной прибрежной странѣ у Понта Эвксинскаго. Ихъ дѣйствительно можно было встрѣтить повсюду въ Греціи, въ Эпидамнѣ, въ Сикіонѣ,

¹⁾ Діодоръ — греческій историкъ I в. до Р. Х.

въ Малой Азіи, на Цикладскихъ островахъ, на о. Самосѣ, на о. Критѣ и въ Италіи.

Не менѣе богата была страна и фиговыми деревьями. Извѣстно, что фиги были однимъ изъ самыхъ любимыхъ яствъ грековъ, такъ что вывозъ ихъ былъ даже запрещенъ. Онѣ произрастали также въ Лаконіи и на островахъ: Цитерѣ, Родосѣ, Хіосѣ, Наксосѣ, Паросѣ и Итакѣ; самыя крупныя фиги шли съ Олинѳа.

Греки воздѣлывали и многія другія плодовые деревья, въ частности яблоню, грушу, айву, гранатъ, миндаль, каштанъ, орѣхъ, сливу.

(У нихъ было также множество овощей; достаточно указать на бобы, чечевицу, овечій горохъ, лупинъ, капусту, рѣпу, рѣдису, артишоки, салатъ, лукъ, чеснокъ, порей, огурцы, тыквы, дыни или арбузы, морковь.)

Прядильныя растенія.—Изъ прядильныхъ растений греческіе авторы упоминаютъ объ извѣстномъ сортѣ льна, который сѣяли на о. Аморгѣ и изъ котораго ткали матеріи, очень цѣнившіяся для женской одежды. Изъ Элиды вывозился подобный же матеріалъ, носившій наименованіе „биссось“, который служилъ для производства очень легкихъ тканей. Тѣмъ не менѣе греки предпочитали приобрѣтать ленъ за предѣлами своей страны, въ особенности въ Египтѣ и Колхидѣ. Плиній ¹⁾ хвалитъ коноплю изъ Алабанды и изъ Миласы въ Азіи, но онъ не говоритъ, что это растеніе привозилось только оттуда.

Лѣса.—Въ древности Эллада была очень лѣсиста. По видимому, лѣсъ на горахъ сохранился до временъ довольно близкихъ къ V вѣку. Но развитіе кораблестроенія и расчистка почвы подъ пашню мало-по-малу уничтожили строевой лѣсъ, за исключеніемъ Аркадіи, Эвбеи и областей Олимпа и Парнаса. Повсюду въ другихъ мѣстахъ остались только небольшіе лѣски, дававшіе въ лучшемъ случаѣ дерево для дровъ и углей. Что же касается строевого лѣса, то его приходилось вывозить изъ Македоніи, Фракіи или съ береговъ Чернаго моря.

(По Guiraud. La propriété en Grèce, кн. III, гл. VI.)

¹⁾ Плиній—см. вып. I, стр. 13, прим. 3.

8. Скотоводство.

(Пастбища въ эллинскомъ мірѣ не были рѣдкостью. Эврипидъ ¹⁾ называетъ Мессенію страной, которая „во всѣхъ направленіяхъ изборождена ручьями и очень удобна для разведенія быковъ и овецъ“. Дикеархъ ²⁾ говоритъ, что долина Оивъ очень благопріятствовала разведенію лошадей. Страбонъ восхваляетъ въ этомъ отношеніи Аркадію, Этолію, Акарнанію и Фессалію. Въ Херсонесѣ Фракійскомъ, по указанію Ксенофонта, встрѣчались прекрасныя пастбища. О долинахъ Малой Азіи, какъ, напримѣръ, Магnezіи и Колофона, можно сказать то же самое. Въ концѣ концовъ даже въ областяхъ съ самой суровой и бесплодной природой была возможность прокармливать овецъ и козъ.

(Греки занимались скотоводствомъ всюду, гдѣ это было только возможно по условіямъ почвы. Въ Орхоменѣ, въ Беотіи, общественныя пастбища отличались такой величиной, что каждый человѣкъ имѣлъ право выгонять туда по 220 головъ крупнаго скота и по 1000 мелкаго. Въ Фессаліи всегда было изобиліе лошадей, а въ Аркадіи—овецъ.

(Лошадьми мало пользовались при полевыхъ работахъ, но употребляли ихъ для верховой ѣзды и для упряжи. Аристократическій классъ отчасти изъ чувства гражданскаго долга, отчасти по собственной склонности охотно участвовалъ въ состязаніяхъ на общественныхъ играхъ, а извѣстно, что бѣга лошадей и колесницъ были главной приманкой этихъ празднествъ. Надо было, наконецъ, считаться съ потребностями войска. Главными центрами разведенія лошадей были: Этолія, Фессалія, Акарнанія, Эпиръ, Эвбея, Беотія, Сикіонъ, Эпидавръ, Аркадія, Элида, Сицилія, Киренаика и нѣкоторыя мѣстности Малой Азіи.

(Оселъ упоминается у Гомера только одинъ разъ, а у Гезіода—ни разу; поэтому можно думать, что въ древности имъ мало пользовались; впослѣдствіи же его начали цѣнить гораздо больше, въ качествѣ выючнаго и верхового

¹⁾ Эврипидъ—см. вып. I, стр. 3, прим. 3.

²⁾ Дикеархъ—см. вып. I, стр. 12, прим. 1.

животнаго; стали даже употреблять въ пищу его мясо. Лучшими ослами считались аркадскіе, но и киренскіе, ессалийскіе и эфирскіе также пользовались нѣкоторой извѣстностью.

Мулъ въ странѣ съ такой неровной поверхностью былъ въ высшей степени цѣннымъ животнымъ; онъ работалъ, таскалъ тяжести; его запрягали въ повозки и другія упряжки; наконецъ, онъ участвовалъ и на Олимпійскихъ играхъ.

Быкъ былъ по преимуществу животнымъ рабочимъ. Въ гомеровскую эпоху въ пищу употребляли много коровьяго мяса. Съ теченіемъ времени вкусы измѣнились, и, не отказываясь отъ коровьяго мяса вполне, мало-по-малу перешли къ другому способу питанія. Въ городахъ, гдѣ господствовало законодательство Пифагора, было запрещено посылать на бойню рабочихъ воловъ. Въ Атикѣ избѣгали приносить этихъ животныхъ въ жертву богамъ, когда это могло повредить земледѣльческимъ работамъ. Впрочемъ, повсюду можно было откармливать на убой состарившагося и обезсиленнаго быка. Лучшей породой быковъ была эфирская. На о. Эвбеѣ, въ Киренаикѣ, Мессеніи, Понтѣ, Беотіи были свои породы.

Изъ коровьяго молока дѣлали сыръ; впрочемъ, этотъ продуктъ началъ широко потребляться только въ два послѣдніе вѣка до Р. Х.

Какъ сообщаетъ историкъ Филохоръ ¹⁾, было время, когда аѳинскіе законы запрещали ѣсть ягнятъ; а другой писатель, Андротіонъ ²⁾, доходитъ до утвержденія, что нельзя было убивать овцы, которая не была ни разу острижена и не имѣла ягнятъ. Но если это правило и существовало, то оно скоро перестало соблюдаться. Тѣмъ не менѣе греки разводили овецъ больше для молока и шерсти, чѣмъ для мяса. Изъ всѣхъ овечьихъ сыровъ самымъ знаменитымъ былъ китносскій. Его превосходное качество объяснялось особымъ сортомъ травы, росшей на островѣ Китносѣ. Ее стали сѣять потомъ и на другихъ Цикладскихъ

¹⁾ Филохоръ—греческій историкъ III в. до Р. Х.

²⁾ Андротіонъ—греческій историкъ, жившій въ IV в. до Р. Х.

островахъ, а затѣмъ и въ остальной Греціи; производство сыра благодаря этому много выиграло. Лучшіе сорта шерсти шли изъ Эпира, Беотіи, Аркадіи, Сициліи, Мегары, Ахаіи, Эвбеи и острововъ Эгейскаго моря.

(Козы представляли ту выгоду, что ихъ очень легко было прокормить; поэтому ихъ разводили въ гористыхъ и безплодныхъ мѣстностяхъ.) Козъ было много на островахъ, а именно на Аргинусскихъ, на Скиросѣ, Икаріи и Наксосѣ. Онѣ были также очень многочисленны и въ Аттікѣ. Ихъ молоко давало возможность изготовлять большое количество сыру.)

Изъ одного мѣста сочиненій Платона слѣдуетъ, что свинопасы составляли значительную часть населенія государства-города. Дѣйствительно, въ Греціи очень любили свиное мясо. Въ аттическихъ деревняхъ почти не встрѣчалось такихъ даже маленькихъ хозяйствъ, которыя не имѣли бы своей свиньи. Если это животное откармливали, оно приносило большіе барыши. Особенно много свиней разводили въ Мегарѣ, Беотіи, Аркадіи, Этолїи, Акарнанїи, Сициліи.

Ко всѣмъ этимъ продуктамъ хозяйства надо прибавить еще домашнюю птицу, какъ, напримѣръ, павлиновъ, цесарокъ, фазановъ, куръ, голубей, гусей и утокъ.

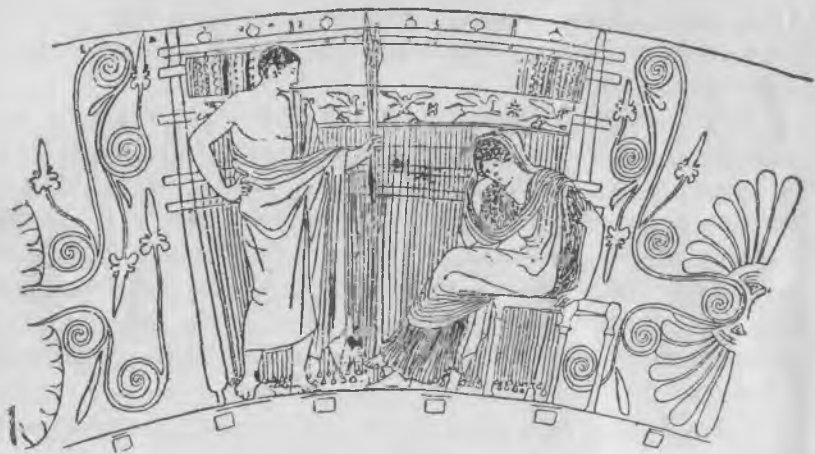
(По Guiraud, вышеуказанный трудъ, кн. III, гл. VI).

9. Промышленность въ Греціи.

Въ гомеровскую эпоху въ Греціи уже существовала промышленность, но она была еще въ зачаточномъ состояніи, и производство ограничивалось самыми обыкновенными и общераспространенными вещами. Всѣ предметы роскоши вывозились изъ-за границы. До половины VII вѣка „богатая семья одѣвалась въ египетскія и финикійскія ткани, полы въ своихъ жилищахъ покрывали коврами изъ Сардъ, пили и ѣли изъ металлической посуды, сдѣланной въ Тирѣ или Сидонѣ“. (Rayet. Histoire de la céramique grecque, стр. 41).

Однако, съ теченіемъ времени греческая промышленность развилась; сначала она находилась подъ сильнымъ

вліяніемъ восточныхъ произведеній, потомъ начала проявлять и собственную изобрѣтательность. Греки привлекли къ себѣ иностранныхъ мастеровъ, раздобыли изъ-за границы образцы и модели; когда же ихъ собственный вкусъ развился, они начали дѣлать все самостоятельно, а кончили тѣмъ, что перестали ввозить продукты чужой промышленности, свои же принялись вывозить во всѣхъ напра-

Женщина за ткацкимъ станкомъ.

вленіяхъ. Мы не будемъ изучать исторіи этого развитія; кромѣ того, въ различныхъ государствахъ оно проявлялось различно: все зависѣло отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилось каждое изъ этихъ государствъ, отъ его мѣстоположенія, естественныхъ богатствъ почвы, иногда же и отъ его правительства.

Раньше всего промышленность развилась въ Коринѣ; уже съ VIII вѣка разрисованныя коринѣскія вазы проникли даже въ Этрурію. Въ Аѣинахъ она появилась позднѣе, но, вступивъ на этотъ путь, аѣиняне затмили вскорѣ всѣхъ своихъ соперниковъ.

„Подъ вліяніемъ законовъ Солона и просвѣщенной власти Пизистрата, городъ, сначала маленькій и убогій, къ половинѣ V вѣка достигъ высокой степени благосостоянія. Благодаря разработкѣ серебряной руды въ Лавріонѣ, въ

рукахъ аѳинянъ оказалось большое количество серебра, и это новое богатство дало сильный толчокъ развитію промышленности и торговли. Свободное населеніе стремилось найти въ промышленности и мореплаваніи тѣ средства, которыхъ ему не давала скудная почва и которыя оно не желало добывать тяжелымъ трудомъ въ рудникахъ. Повсюду стали основываться фабрики мебели, оружія, матерій, а въ особенности—вазъ. Аѳины съ тѣхъ поръ сдѣлались городомъ мануфактурной промышленности, и завоеваніе Саламина, побѣдоносная война противъ Эгины дали имъ возможность выпустить безъ страха въ Эгейское море свои корабли, которые должны были развозить въ дальнія мѣстности произведенія ихъ мастерскихъ“. (Тамъ же, стр. 97).

Въ области промышленности греки проявили тѣ же качества, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: они обладали необычайной ловкостью рукъ, живой изобрѣтательностью, особой способностью угадывать вкусы своихъ потребителей и, наконецъ, поразительнымъ умѣньемъ отыскивать все новые пути для сбыта товаровъ.

10. Раздѣленіе промышленнаго труда.

Въ маленькихъ городахъ одни и тѣ же люди дѣлаютъ кровати, двери, плуги, столы и строятъ даже дома; они счастливы, если ихъ мастерство даетъ имъ возможность прокормиться, потому что невозможно, чтобы человѣкъ, занимающійся столькими ремеслами, зналъ ихъ всѣ хорошо. Наоборотъ, въ большихъ городахъ, гдѣ множество людей нуждается въ однихъ и тѣхъ же вещахъ, одно ремесло прокармливаетъ человѣка, занимающагося имъ; иногда достаточно знать даже только одну отрасль какого-нибудь ремесла: такъ, одинъ изготавляетъ мужскую, другой—женскую обувь; одинъ только шьетъ сандалии, другой кроитъ ихъ изъ кожи; одинъ выкраиваетъ хитоны, другой только сметываетъ ихъ части. Разумѣется, когда человѣкъ ограниченъ въ своей работѣ узкой областью, онъ долженъ дѣлать ее хорошо.

(Ксенофонтъ. Киропедія, VIII, 2—5).

11. Организація промышленнаго труда.

Въ Аѳинахъ было два разряда рабочихъ: рабы и люди свободные.

Рабы въ свою очередь подраздѣлялись на двѣ категоріи: одни работали за счетъ своего господина, другіе— за свой собственный счетъ. Въ первомъ случаѣ они занимались работой въ мастерскихъ. Въ Греціи были и фабрики, но онѣ отличались гораздо меньшими размѣрами, чѣмъ наши современные, потому что тамъ не существовало машинъ и все дѣлалось руками. Въ мастерской собиралось по 20, 30, 40, 100, 120 рабовъ— не больше; во всякомъ случаѣ намъ неизвѣстны цифры выше 120. Господинъ кормилъ этихъ людей и давалъ имъ кровъ и одежду, ему же шелъ весь доходъ съ ихъ труда.

Примѣняли также и другую систему. Чтобы не подвергать себя никакому риску и избавиться отъ хлопотъ по надзору, господинъ часто разрѣшалъ своимъ рабамъ наниматься на работу къ постороннимъ лицамъ, но при этомъ взыскивалъ въ свою пользу опредѣленную часть ихъ заработной платы. Такъ, одинъ грекъ отдавалъ въ наемъ арендаторамъ рудниковъ 1000 рабовъ, что приносило ему около 600 рублей чистаго дохода въ день. Иногда господинъ разрѣшалъ также рабамъ работать за ихъ собственный счетъ съ тѣмъ, чтобы они вносили ему опредѣленный оброкъ съ души за день. Такъ, на примѣръ, нѣкто Тимархъ имѣлъ десятокъ рабовъ-кожевниковъ, которые составляли своего рода кооперативное общество, управляемое однимъ изъ нихъ; каждый уплачивалъ Тимарху 2 обола въ день (около 12 коп.), а ихъ старшина—3 обола (около 18 коп.).

Такіе доходы были довольно высоки, если ихъ сравнить съ обычной стоимостью раба. Господа получали отъ работы раба на рудникахъ—40%, а въ другихъ отрасляхъ промышленности—15, 20, даже 30%. Мы знаемъ, что нормальнымъ процентомъ считалось 12; но въ виду того, что рабъ представлялъ собой капиталъ, который самъ подвергался порчѣ отъ работы, надо было брать добавочный процентъ, какъ вознагражденіе за этотъ убытокъ.

Крупные рабовладѣльцы, промышленявшіе рабскимъ трудомъ, были то граждане, то иностранцы, поселившіеся на постоянное жительство въ греческихъ государствахъ. Документы знакомятъ насъ съ довольно большимъ числомъ такихъ людей: Навсикидъ — мукомоль, Кирень — булочникъ, „ведшій широкій образъ жизни“; Демеадъ — владѣлецъ мастерской хламидъ, Клеонъ и Анить — кожевники, отецъ Демосоена — оружейникъ и мебельщикъ, банкиръ Пасіонъ — фабрикантъ щитовъ, Гиперболь — фабрикантъ лампъ, отецъ Исократъ — фабрикантъ музыкальныхъ инструментовъ, Клеофонъ — фабрикантъ лиръ; Леократъ, „который имѣетъ мастерскую рабочихъ-кузнецовъ“; Кефаль, отецъ оратора Лизія — фабрикантъ щитовъ.

Кромѣ того, и въ Аѣинахъ и въ другихъ мѣстахъ были мелкіе предприниматели. Такъ, на агорѣ можно было видѣть множество парикмахерскихъ, москательныхъ и сапожныхъ лавокъ и лавокъ съ другими произведеніями ремесла. Народное собраніе, по словамъ Ксенофонта, состояло въ большинствѣ изъ шерстобитовъ, сапожниковъ, каменщиковъ, котельщиковъ, земледѣльцевъ, торговцевъ и старьевщиковъ. Эти люди, обладающіе очень скромными средствами, обзаводились необходимыми принадлежностями и работали непосредственно на заказчиковъ. Имъ помогали въ работѣ то ихъ дѣти, то одинъ свободный рабочій, то собственный или наемный рабъ. Профессіи ремесленниковъ были обыкновенно наслѣдственными. Эта наслѣдственность занятій являлась обычной чертой обществъ, имѣющихъ простое устройство, какимъ и было эллинское общество; кромѣ того, такъ какъ по закону каждый бѣдный или малосостоятельный гражданинъ былъ обязанъ обучить своего сына какому-нибудь ремеслу, то, естественно, онъ обучалъ его тому, которымъ занимался самъ.

Нѣкоторыя указанія наводятъ на мысль, что конкуренція рабскаго труда была причиной постепеннаго упадка класса ремесленниковъ и что послѣ несчастной Пелопоннесской войны многіе мелкіе хозяева мастерскихъ опустились до положенія наемныхъ рабочихъ. Благодаря этому число такихъ наемныхъ работниковъ въ IV вѣкѣ было больше,

чѣмъ въ V, и они не всегда находили примѣненіе своимъ силамъ.

Въ Греціи отличали поденную работу и сдѣльную. У насъ есть одна надпись, въ которой указывается, что одни рабочіе получаютъ плату сдѣльно, тогда какъ другіе работаютъ поденно. На о. Паросѣ особый полицейскій чиновникъ, называвшійся агрономомъ, надзиралъ за тѣмъ,

Греческій сапожникъ.

„чтобы поденщики и ихъ хозяева не причиняли другъ другу никакихъ обидъ: первые должны были выполнять свои обязательства, вторые—платить имъ жалованье, не доводя дѣло до судебного разбирательства. (Rangabé. *Antiquités helléniques*, 770 B).

Платонъ высказываетъ пожеланіе, чтобы тяжбы этого рода разбирались полицейскими чиновниками (астиномами), если сумма иска не превосходитъ 50 драхмъ (около 18 р. 50 к.); если же она больше, то дѣло должно перейти въ судъ. (Законы, VIII). Мы не знаемъ, является ли это воспроизведеніемъ афинскаго закона.

Заработная плата была, разумѣется, очень различна.

Вотъ нѣсколько цифръ, которыя встрѣчаются въ документахъ. Носильщикъ зарабатывалъ въ день 4 обола (около 24 коп.); каменщикъ-чернорабочій—3 обола (около 18 коп.); пильщики камней, работающіе при постройкѣ храма Эрехтейона ¹⁾, получали по драхмѣ (около 37 коп.); то же самое платили рабочимъ на постройкѣ другого общественнаго зданія, можетъ быть, Парѳенона ²⁾ или Пропилей.

Греческій кузнецъ.

Ночныя работы оплачивались дороже; въ документѣ говорится о двухъ молодыхъ людяхъ, занятыхъ ночью на мельницѣ и получающихъ каждый по 2 драхмы (около 75 коп.).

При окраскѣ карниза Парѳенона за каждый футъ платили по 5 оболѣвъ (около 30 коп.); за выдалбливаніе ложбинокъ на колоннахъ давали отъ 18 до 20 драхмъ (около 6 р. 65 к.—7 р. 40 к.); плата за отдѣлку верхней части небольшихъ статуй равнялась 60 драхмамъ (около 22 руб.); за то, чтобы свалить сукно для гиматіона, брали не болѣе 3-хъ оболѣвъ (около 18 коп.).

¹⁾ Эрехтейонъ—храмъ въ аѳинскомъ акрополѣ.

²⁾ Парѳенонъ—храмъ богини Аѳины въ аѳинскомъ акрополѣ.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что женскій трудъ примѣнялся въ промышленномъ производствѣ главнымъ образомъ при тканѣ матерій.

(По Büchsenschütz. Besitz und Erwerb im griechischen Alterthume, стр. 336 и сл.; Brants. De la condition du travailleur libre dans l'industrie athénienne, стр. 6 и сл.; Caillemet. Dict. des antiq. т. I, стр. 321 и 445).

12. Рудники.

Въ Греціи добывали главнымъ образомъ три металла: мѣдь, золото и серебро. Мѣдь находилась по преимуществу на о. Кипрѣ и о. Эвбеѣ; золото на о. Сифнѣ, на о. Эазосѣ, во Фракіи, въ Македоніи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Фессаліи и Эпирѣ; серебро—на о. Сифнѣ, въ Македоніи, въ Эпирѣ и въ Атикѣ. Самой знаменитой изъ всѣхъ рудоносныхъ мѣстностей былъ Лавріонъ, въ южной Атикѣ, гдѣ существовали богатые мѣсторожденія серебра.

„Залежи металловъ“, говоритъ одинъ писатель IV в. до Р. Х., „не только не истощаются, но какъ будто бы съ каждымъ днемъ все растутъ; сколько бы ни бывало на рудникахъ рабочихъ рукъ, ни одинъ человѣкъ не оставался безъ работы; количество работы, наоборотъ, всегда превышало число рабочихъ. И даже въ настоящее время ни одинъ владѣлецъ рудниковъ не уменьшаетъ своего штата рабочихъ; каждый стремится насколько возможно даже увеличить его“. (Ксенофонтъ. Доходы Аѳинъ, гл. IV).

„Аѳинское законодательство, касающееся рудниковъ, коренилось на слѣдующихъ основаніяхъ. Государство уступало рудники частнымъ лицамъ за опредѣленную цѣну. Человѣкъ, получившій рудоносную землю, обязывался разрабатывать ее и выплачивать государству ежегодный налогъ, равный одной двадцать четвертой части добываемаго матеріала. Неисполненіе этого обязательства могло повести за собой потерю правъ на разработку руды. Объявленія относительно отдачи для разработки этихъ земель публиковались въ афишахъ. При раздачѣ участковъ руководились планомъ, на которомъ были указаны ихъ границы“. (Dareste. Plaidoyers civils de Démosthène, т. I, стр. 272).

Владѣльцемъ рудника былъ то одинъ человѣкъ, то группа акціонеровъ. Гиперидъ ¹⁾ сообщаетъ объ одномъ рудникѣ, „въ которомъ большая часть богатыхъ гражданъ имѣли свои доли“.

Примѣненіе машинъ было неизвѣстно, и вся работа выполнялась рабами. Существовало два способа разработки рудниковъ. Въ одномъ владѣлецъ рудника могъ сдавать его съ рабами или безъ нихъ въ аренду то одному, то нѣсколькимъ лицамъ; эти арендаторы выдавали владѣльцу заранѣе опредѣленную плату, а сами пользовались тѣмъ, что оставалось. Примѣръ этого находится въ рѣчи Демосфена „Противъ Пантенета“. Въ другихъ случаяхъ владѣлецъ самъ занимался разработкой рудника, приобретаая необходимое количество рабовъ путемъ покупки ихъ или найма; эта система примѣнялась чаще всего.

Аѳиняне, вслѣдствіе несовершенства ихъ металлургическихъ примѣровъ, не извлекали изъ рудъ всего заключавшагося въ нихъ серебра, такъ что и до сихъ поръ еще заводы Лавріона лишь перерабатываютъ оставшіеся отъ древнихъ грековъ шлаки. Тѣмъ не менѣе разработка рудниковъ давала большія выгоды. Авторъ „Доходовъ Аѳинъ“ ²⁾ свидѣтельствуетъ, что это обогатило многихъ частныхъ лицъ. Намъ, кромѣ того, извѣстно, что рабъ, отданный внаймы хозяину рудниковъ, давалъ своему господину доходъ, равнявшійся въ среднемъ 40% его стоимости.

13. Торговля въ Греціи.

Уже въ гомеровскія времена въ Греціи существовала извѣстная торговая дѣятельность. Но ея развитію мѣшали пираты, которые были очень многочисленны въ то время, и мы видимъ, что внѣшняя торговля велась главнымъ образомъ черезъ посредство иностранцевъ. Однако, мало-помалу греки освоились съ моремъ. Города азіатскаго побережья подали примѣръ въ этомъ отношеніи, а за ними послѣдовали и города собственно греческіе. Сильное коло-

¹⁾ Гиперидъ—аѳинскій ораторъ IV в. до Р. Х., ученикъ Платона.

²⁾ Т. е. Ксенофонтъ.

низационное движеніе, начавшееся въ VIII вѣкѣ, еще болѣе способствовало развитію склонности грековъ къ торговлѣ въ то же время было ярко выраженнымъ признакомъ этой послѣдней. Вскорѣ греки сдѣлались самыми главными торговцами восточной части Средиземнаго моря.

Ихъ корабли отыскивали продукты питанья и сырые матеріалы и развозили предметы національной промышленности повсюду, начиная съ отдаленныхъ береговъ Азовскаго моря и до современной Тосканы. Эгина, Коринѣ, города о. Эвбеи, о. Делосъ, Милетъ, о. Самосъ, Фокея, о. Родосъ, Эфесъ и большая часть городовъ Малой Азіи были въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ крупными торговыми пунктами. Но, начиная съ VI в. и особенно въ V, всѣхъ ихъ затмили Аѣины. „У насъ“, говорилъ одинъ аѣинянинъ, „сосредоточивается все, что есть лучшаго въ Сициліи, въ Италіи, на о. Кипрѣ, въ Египтѣ, въ Лидіи, въ Понтѣ, на Пелопоннесѣ и въ другихъ мѣстахъ“. Достаточно просмотрѣть защитительныя рѣчи Демосѣена по гражданскимъ дѣламъ, чтобы убѣдиться въ существованіи дѣловыхъ сношеній между Аѣинами и Босфоромъ (въ Крыму), Египтомъ, Родосомъ, Оракіей, Византіей, Калхедономъ, Киреной, Сициліей. Среди иностранцевъ, посѣщавшихъ Аѣинскій портъ—Пирей, по свѣдѣніямъ того же автора, были жители Марселя, Византіи, Финикіи, Фаселиды, Галикарнасса, Кипра, Гераклеи Понтійской. Распространеніе глиняныхъ вещей аттического производства позволяетъ намѣтить, такъ сказать, границы торговаго горизонта аѣинянъ. А эти глиняныя издѣлія встрѣчаются въ изобиліи въ Элевзинѣ, въ Танагрѣ, въ Оивахъ, Оеспіи и Оисбѣ въ Беотіи, въ Локридѣ и въ Фокидѣ, въ Тегеѣ на Пелопоннесѣ, въ Родосѣ на Кипрѣ, въ Киренаикѣ, въ Малой Азіи, въ Крыму, въ Сициліи и въ центральной Италіи.

14. Рынки въ греческихъ городахъ.

Въ греческихъ городахъ рынокъ, или агора, не былъ мѣстомъ, предназначеннымъ только для торговли. Въ Аѣинахъ на этой площади находились и важнѣйшія зданія:

высшее правительственное учрежденіе, суды, храмы; тамъ были устроены превосходныя аллеи платановъ и тополей, насаженныхъ по распоряженію Кимона ¹⁾; тамъ же возвышались статуи героев-эпонимовъ ²⁾, на пьедесталахъ которыхъ вывѣшивались официальные объявленія, и трибуна, откуда глашатай объявлялъ о различныхъ распоряженіяхъ и судебныхъ приговорахъ. Среди всѣхъ этихъ зданій и вокругъ нихъ располагались торговцы.

Крестьянинъ, идущій на рынокъ.

Для каждаго отдѣльнаго вида продуктовъ было отведено особое мѣсто, которое и носило наименованіе продукта, продававшагося здѣсь; такъ, существовали части—„сырная“ „рыбная“, „горшечная“, „винная“ и т. п. Торговцы размѣщались: одни—на открытомъ воздухѣ, другіе—въ скромныхъ палаткахъ изъ матеріи, третьи—въ небольшихъ переносныхъ лавочкахъ, сдѣланныхъ изъ сплетенныхъ вѣтвей или изъ камыша. У нѣкоторыхъ были и настоящіе магазины. Съ агорой сливались устраиваемыя прежде по сосѣдству

¹⁾ Кимонъ—см. вып. I, стр. 52, прим. 1.

²⁾ Герои-эпонимы—тѣ герои, именемъ которыхъ обозначались аттическія филы, т. е. группы населенія, состоящія изъ нѣсколькихъ родственныхъ родовъ.

съ нею различныя мастерскія. На самой площади располагались, сидя передъ своими конторами (*траπεζаи*), банкиры или траπεζиты. На нѣкоторомъ разстояніи можно было видѣть группы свободныхъ людей или рабовъ, предлагавшихъ въ наемъ свой трудъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ для рынковъ воздвигались спеціальныя зданія. Въ Аѳинахъ со временъ Перикла былъ построенъ такой рынокъ для мучной торговли, въ Мегарѣ— для торговли благовоніями. Въ иныхъ городахъ, въ особенности въ Малой Азіи, строили настоящіе базары, отдѣльныя зданія которыхъ разграничивались узкими улочками.

Богатая или состоятельная женщина никогда не ходила на рынокъ; она не посылала туда даже своихъ прислужницъ, потому что покупкой провизіи и отправкой ея домой съ посыльнымъ завѣдывалъ мужъ. Онъ выполнялъ эту обязанность лично или возлагалъ ее на своего раба. Нерѣдко можно было видѣть воина въ полномъ вооруженіи, торгующагося изъ-за сардинокъ или фигъ, или дѣйствительно встрѣтить, какъ это описано въ одной комедіи Аристофана, офицеровъ конницы, важно несущихъ въ своихъ каскахъ варенныя овощи.

Θεοφραστὴς и Поллуксъ ¹⁾ упоминаютъ, правда, о женскомъ рынкѣ, но это, конечно, былъ или рынокъ, гдѣ продавались различныя вещи женскаго обихода или гдѣ продавицами были женщины.

За выполненіемъ полицейскихъ постановленій на агорѣ слѣдили агораномы. Такъ, рыбный рынокъ могъ начинать торговлю только послѣ сигнала, подаваемого колоколомъ. Комическіе поэты упоминаютъ также о различныхъ подробностяхъ, напримѣръ, запрещеніи торговцамъ рыбой опрыскивать водой несвѣжую рыбу, продавцамъ вообще сбавлять съ цѣны, которую они спросили сначала. Но эти подробности, особенно во второмъ случаѣ, внушаютъ подозрѣніе.

(Caillemet. Dict. des antiq., т. I, стр. 15).

¹⁾ Θεοφραστὴς—см. вып. I, стр. 92. прим. 2.—Πολλукς—см. вып. I, стр. 31, прим. 1.

15. Приемы торговцевъ.

Вотъ одно мѣсто изъ сочиненій Платона, гдѣ авторъ намекаетъ на приемы, къ которымъ прибѣгали торговцы.

„Каждый человѣкъ долженъ считать равносильнымъ подмѣнъ товаровъ, ложь и обманъ и признать отвратительнымъ распространенное въ народной средѣ правило, будто бы проступки подобнаго рода законны, если они совершены при удобномъ случаѣ.

„Пусть никто не будетъ виновнымъ ни на словахъ, ни на дѣлѣ во лжи, обманѣ, подмѣнѣ товаровъ, въ особенности, когда боги призываются во свидѣтели, что обмана нѣтъ. Пусть тотъ, кто продаетъ на рынкѣ, никогда не назначаетъ за товаръ двѣ цѣны; если торговецъ не найдетъ покупателя на товаръ за объявленную цѣну, онъ долженъ унести его и вынести на продажу въ другой разъ, а въ одинъ и тотъ же день онъ не долженъ ни повышать, ни понижать объявленной цѣны. Пусть также продавецъ воздержится отъ сопровождаемыхъ клятвами восхваленій своего товара“.

(Платонъ. Законы, XI).

16. Ярмарки.

Ярмарки въ Греціи происходили около всѣхъ крупныхъ святилищъ, которыя, какъ извѣстно, привлекали множество богомольцевъ и любопытныхъ. Мы получаемъ понятіе о полицейскихъ правилахъ, дѣйствовавшихъ тамъ, по слѣдующимъ строкамъ одной пелопоннесской надписи:

„Мѣсто, гдѣ будетъ происходить торговля, назначать герои. Городской агораномъ долженъ слѣдить, чтобы торговцы продавали безъ обмана и чтобы тѣ мѣры и вѣсы, которыми они пользуются, согласовались съ государственными мѣрами и вѣсами. Агораномъ не долженъ назначать ни цѣнъ, ни времени торговли. Онъ не долженъ взыскивать съ продавцовъ никакихъ поборовъ за мѣсто. Торговцы, которые не будутъ выполнять этихъ предписаній, подверг-

нутя наказанію кнутомъ, если они рабы, и штрафу, если они люди свободные“.

(Dittenberger. Sylloge inscript. graec. 388, строки 99 и слѣд.).

17. Торговое законодательство.

Ввозъ товаровъ въ Аттику и вывозъ изъ нея оплачивался пошлиной, равняющейся 2% ихъ стоимости. Но пошлина эта не была покровительственной, а устанавливалась только въ интересахъ государственной казны, такъ какъ ею была обложена даже пшеница, мѣстное производство которой было гораздо ниже потребленія.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ законъ предписывалъ въ высшей степени суровыя запретительныя мѣры. Такъ, былъ запрещенъ вывозъ хлѣба, лѣса и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Была запрещена на нѣкоторое время всякая торговля съ Мегарой.

Въ Аѣинахъ не было ни монополій, ни привилегированныхъ торговыхъ компаній, и всякій человѣкъ, будь онъ гражданинъ или метэкъ ¹⁾, велъ торговлю по своему усмотрѣнію. Однако, это правило нарушалось, если были затронуты общественные интересы. Напримѣръ, нѣкоторымъ лицамъ запрещалось плаваніе по Геллеспонту или въ Іонію; можетъ быть, это вызывалось тѣмъ, что они совершили раньше какіе-нибудь проступки, вредящіе доброму имени Аѣинъ. Было запрещено давать деньги подъ залогъ корабля или его груза, если судовозяинъ не бралъ на себя обязательства привезти въ Пирей зерновой хлѣбъ или другіе продукты. Чтобы противодѣйствовать барышничеству съ хлѣбомъ, законъ опредѣлялъ то количество его, какое имѣло право пріобрѣсть каждое частное лицо.

Купцамъ предоставлялись особыя льготы. Обыкновенно они освобождались отъ воинской повинности. Въ одномъ

¹⁾ Метэки—лично свободные, но не имѣющіе гражданскихъ правъ жители Аттики. Въ этотъ классъ входили чужеземцы, переселившіеся въ Аттику, и вольноотпущенники. При Клизенѣ (въ VI в. до Р. Х.) имъ были дарованы права гражданъ.

текстъ есть указаніе на то, что ихъ освобождали и отъ налога на капиталъ, но это едва ли вѣроятно. Нигдѣ съ иноземными купцами не обходились такъ хорошо, какъ въ Аѣинахъ. Одинъ законъ, приводимый Демосѣеномъ, гласилъ, „что купцы и капитаны кораблей могли жаловаться ѳесмоѳетамъ ¹⁾, если имъ причинена какая-нибудь обида на торговой площади; виновные при этомъ подвергались заключенію въ тюрьмѣ до полной выплаты штрафа, наложеннаго на нихъ“.

Тотъ же авторъ приводитъ другой законъ, направленный противъ тѣхъ, кто пытался подвести подъ судъ владѣльцевъ кораблей и купцовъ: воспрещалось привлекать къ какому бы то ни было судебному процессу подобныхъ лицъ, „въ случаѣ если донощикъ не выказалъ полной увѣренности, что можетъ представить доказательства своихъ обвиненій“. Въ Аѣинахъ знали, что время—деньги. Поэтому судебные процессы въ IV вѣкѣ разбирались тамъ въ теченіе мѣсяца, слѣдовавшаго за подачей жалобы, и преимущественно зимой, когда навигація прекращалась.

18. Аѣинская политика и хлѣбная торговля.

Аѣины получали изъ-за границы большую часть потребляемаго ими хлѣба; поэтому для нихъ имѣло большое значеніе пользоваться доступомъ въ страны, наиболѣе изобилующія хлѣбомъ, а именно въ ту область Босфора Киммерійскаго, которая соотвѣтствуетъ южной Россіи. По этой причинѣ Периклъ и позаботился поставить тамъ въ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктахъ аѣинскіе гарнизоны. Послѣ пелопоннесской войны такіе отдаленные посты были уничтожены, но съ тѣхъ поръ въ аѣинской политикѣ можно видѣть постоянное стремленіе поддерживать самыя дружескія отношенія съ властителями этой страны. У насъ есть цѣлый рядъ декретовъ, постановленныхъ въ честь босфорскихъ царей: это доказываетъ, какое значеніе придавали союзу съ ними въ Аѣинахъ.

¹⁾ ѳесмоѳетъ — судья въ Аѣинахъ.

Кромѣ того, надо было позаботиться, чтобы сообщеніе съ портами хлѣбородныхъ земель было всегда свободно. Никогда англичане не охраняли путь въ Индію такъ бдительно, какъ аѳиняне путь въ Босфоръ. Существовала дорога, которая особенно нуждалась въ охранѣ: это были два пролива, которые соединяли Архипелагъ съ Чернымъ моремъ. Въ эпоху своего морского могущества (V в.) аѳиняне успѣли подчинить своей власти городъ Византію (Константинополь); кромѣ того, они послали въ Геллеспонтъ (Дарданеллы) военачальниковъ, конечно, съ войскомъ и съ эскадрой для несенія службы по охранѣ; наконецъ, Херсонесъ Тиракійскій (полуостровъ Галлиполи) былъ настоящей аѳинской колоніей, которая поддерживала постоянныя сношенія съ метрополіей. Окончательная побѣда Спарты положила предѣлъ такому порядку вещей. Но, какъ только аѳиняне оправились отъ пораженія, они снова устремили свои взоры на проливы, и однимъ изъ первыхъ городовъ, который они подчинили своему возстановленному вліянію, была Византія. Пропонтида (Мраморное море) являлась для аѳинянъ такимъ уязвимымъ мѣстомъ, что Филиппъ Македонскій ¹⁾ пустилъ въ ходъ всѣ свои военныя силы и всѣ усилія своей дипломатіи, чтобы вытѣснить ихъ оттуда, и Демосѳенъ, какъ намъ извѣстно, спѣшно предпринялъ путешествіе въ Византію, чтобы завоевать дружбу непостоянныхъ византійцевъ.

(Guiraud. *Études économiques sur l'antiquité*, стр. 9).

19. Денежныя операціи.

Аѳиняне, какъ и современные народы, были знакомы съ искусствомъ пользоваться денежными капиталами. Они различали „мертвый“ капиталъ и деньги „работающія“. Они отдавали себѣ отчетъ даже въ томъ, что кредитъ—душа торговли. „Не тотъ, кто беретъ въ долгъ, а тотъ, кто даетъ, способствуетъ благосостоянію всѣхъ морскихъ предпріятій“.

¹⁾ Филиппъ Македонскій—царь Македоніи (359—336 г. до Р. Х.)

Иногда при совершении денежных займовъ условія заключались только устно. Но чаще всего составлялся при свидѣтеляхъ письменный актъ, который хранился у третьяго лица.

Обыкновенно кредиторъ требовалъ обезпеченія: то онъ бралъ закладную на недвижимое имущество своего должника, то получалъ отъ него въ залогъ какую-нибудь вещь; наконецъ, почти всегда одно или нѣсколько лицъ поручались за состоятельность берушаго въ долгъ.

Въ договорахъ относительно долговыхъ обязательствъ отмѣчаются двѣ главнѣйшія статьи: одна обуславливала возвращеніе капитала въ опредѣленный срокъ, другая гласила объ уплатѣ процентовъ.

Невозвращеніе капитала въ срокъ влекло за собой различныя послѣдствія въ зависимости отъ того, была ли выдана закладная на недвижимое или какое-либо другое имущество, или закладной не было; въ первомъ случаѣ заимодавецъ дѣлался собственникомъ части заложеннаго имущества, равной суммѣ долга; во второмъ—сумма долга удаивалась.

Что касается процентовъ, то законъ не устанавливалъ высоты ихъ; она зависѣла отъ соглашенія сторонъ и измѣнялась смотря по обстоятельствамъ, особенно въ зависимости отъ риска, которому подвергался капиталъ. Есть примѣры, когда процентъ равнялся 3,14, но чаще всего высота его была 12; иногда же онъ доходилъ до 20, 30 и 36.

Среди частныхъ лицъ многія отдавали свои деньги взаймы. Въ описяхъ наслѣдствъ можно нерѣдко встрѣтить упоминаніе о долговыхъ обязательствахъ. Но былъ, кромѣ того, цѣлый разрядъ людей, которые специально занимались денежными сдѣлками. Это были банкиры, называемые трапезитами, потому что ихъ конторки носили наименованіе трапезъ (столовъ). Всѣ извѣстные намъ банкиры были иностранцами или вольноотпущенниками. Ихъ главные операціи состояли въ слѣдующемъ:

1. Они оказывали своимъ кліентамъ помощь въ составленіи договоровъ и принимали эти акты на храненіе.

2. Они брали на себя различныя денежныя уплаты то изъ денегъ, переданныхъ имъ должникомъ, то изъ своихъ собственныхъ средствъ, которыя они выдавали въ видѣ аванса. Напримѣръ: „Ликонъ изъ Гераклеи, уѣзжая въ Африку, привелъ въ порядокъ свои дѣла черезъ своего банкира и далъ ему распоряженіе уплатить оставленныя у него 16 минъ и 40 драхмъ (около 610 руб.) Кефисаду“. (Демосѳенъ. Противъ Каллиппа, 3). Тимофеемъ собирается покинуть Аѳины; но, ожидая прибытія лѣса изъ Македоніи, онъ условился со своимъ банкиромъ, чтобы тотъ, когда получится этотъ грузъ, уплатилъ расходы по перевозкѣ (1750 драхмъ—около 648 руб.); банкиръ уплатилъ и „записалъ Тимофея въ число своихъ должниковъ“. (Его же. Противъ Тимофея, 29—30).

3. Банкиры открывали своимъ кліентамъ текущій счетъ. Напримѣръ: одинъ молодой иностранецъ пріѣхалъ въ Аѳины; онъ ввѣряетъ банкиру Пасіону привезенныя имъ съ собою деньги и беретъ изъ этого капитала по мѣрѣ надобности (Исократъ¹⁾). Трапезитика, 4).

4. Банкиры устраивали денежные переводы. Одинъ аѳинянинъ поѣхалъ въ Милетъ и, не желая брать съ собою капиталовъ изъ страха потерять ихъ, внесъ извѣстную сумму банкиру, а тотъ написалъ въ Милетъ своему повѣренному, чтобы онъ перечислилъ эту сумму на текущій счетъ путешественника.

5. Банкиры давали въ долгъ деньги и частнымъ лицамъ и—хотя рѣже—городамъ.

Банкиръ производилъ различныя операціи и со своими собственными капиталами и съ капиталами своихъ кліентовъ. Чтобы внушить къ себѣ довѣріе публики, онъ вводилъ въ свое дѣло какъ бы соучастниковъ, снабжавшихъ его деньгами и бравшихъ на себя поручительство за него; они имѣли право на часть доходовъ и, взявъ этого, несли личную отвѣтственность передъ кредиторами. Нерѣдко такія предпріятія оказывались несостоятельными, и тогда происходила ликвидація дѣла или банкротство.

¹⁾ Исократъ—см. вып. II, стр. 6. прим. 2.

Въ виду этого осторожные люди помѣщали свои капиталы у нѣсколькихъ различныхъ банкировъ; такимъ образомъ они подвергались меньшему риску потери. Такъ, отецъ оратора Демосѳена имѣлъ „2400 драхмъ (около 890 руб.) въ банкѣ Пасіона, 600 (около 220 р.) въ банкѣ Пилада и 1600 (около 590 руб.) въ банкѣ Демомела“.

20. Банкиръ Пасіонъ.

Въ концѣ Пелопоннесской войны въ Пиреѣ былъ банкирскій домъ, принадлежавшій двумъ совладѣльцамъ, Архистрату и Антисѳену. У перваго былъ рабъ Пасіонъ, который съ ранняго возраста отличался большимъ умомъ. Архистратъ, въ концѣ концовъ, отпустилъ его на волю и, съ согласія своего компаньона, передалъ ему свое предпріятіе. Противъ этого Пасіона ораторъ Исократъ написалъ въ 394 г. до Р. Х. свою рѣчь подъ заглавіемъ Трапезитика. Онъ составилъ ее для сына нѣкоего Сопѣя, одного изъ тѣхъ греческихъ авантюристовъ, которые составляли себѣ состоянія при дворахъ полуварварскихъ царей Босфора Киммерійскаго и Фракіи. У Сопѣя былъ сынъ, стремившійся побывать въ Аѳинахъ. Отецъ предоставилъ въ его распоряженіе крупную сумму денегъ и отправилъ его въ Пирей съ большимъ грузомъ хлѣба и другихъ припасовъ. Высочкѣ хотѣлось, чтобы наслѣдникъ его состоянія сдѣлался видной персоной въ Аѳинахъ; но, пользуясь удовольствіями большого города, молодой человѣкъ не долженъ былъ пренебрегать дѣлами; отецъ желалъ, чтобы сынъ заботился о его товарахъ, поддерживалъ его связи, взыскивалъ деньги съ должниковъ и наблюдалъ за употребленіемъ его капиталовъ.

Все шло сначала превосходно. Сопѣй направилъ молодого человѣка къ Пасіону, который оказалъ ему самый теплый и почтительный пріемъ. И Пасіонъ и его компаньоны предоставили себя къ услугамъ путешественника. Они подыскиали ему друзей и позаботились о его удовольствіяхъ. Деньги, полученныя отъ продажи товаровъ, были взяты въ банкъ, и иностранцу пообѣщали участіе въ банковыхъ

предпріятіяхъ. Такимъ образомъ, сынъ министра полуварварскаго государя беззаботно предался наслажденіямъ этой долгожданной жизни, находя, что въ Аѳинахъ даже банкиры отличались большой любезностью.

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль распространился слухъ, что въ Понтѣ произошелъ дворцовый переворотъ. Сопэй, дѣйствительно, потерялъ расположеніе царя и попалъ въ тюрьму; его имущество было конфисковано, и царь Сатиръ послалъ въ Аѳины уполномоченныхъ, которые должны были разыскать всѣ капиталы, принадлежавшіе его бывшему министру, и конфисковать ихъ. Можетъ быть, царь желалъ также выдачи сына опальнаго сановника. Аѳины въ такой мѣрѣ нуждались для своей хлѣбной торговли въ хорошихъ отношеніяхъ съ этими босфорскими царями, что не стали бы рисковать ссорой съ Сатиромъ изъ-за такого пустяка.

Иностранецъ, ошеломленный случившимся, бросился къ своему доброму другу Пасіону и рассказалъ ему обо всемъ. Хитрецъ Пасіонъ сдѣлалъ видъ, будто принимаетъ большое участіе въ его горѣ. Для банка было важно, прежде всего, не лишиться суммъ, которыя были у него въ дѣлѣ. Поэтому Пасіонъ посовѣтовалъ молодому человѣку отдать безъ возраженій уполномоченнымъ Сатира товары и небольшую сумму денегъ, бывшую у него на рукахъ; что же касается капиталовъ, положенныхъ въ банкъ, то, слѣдуя совѣту Пасіона, онъ долженъ былъ отрицать ихъ существованіе и утверждать, что у него не только нѣтъ ничего, но что онъ еще долженъ банку и многимъ гражданамъ.

Иностранецъ былъ въ восторгѣ отъ этой мысли, не подозревая, что Пасіонъ готовился обмануть его. Но вскорѣ онъ убѣдился въ этомъ. Опасаясь тѣхъ дѣйствій, какія аѳиняне могли предпринять противъ него, онъ рѣшилъ уѣхать въ Византію, въ надеждѣ собрать въ этомъ городѣ какія-нибудь суммы отъ должниковъ его отца; во всякомъ случаѣ, ему казалось, что тамъ будутъ въ безопасности его свобода и жизнь. Византія получала хлѣбъ изъ Фракіи, а потому не имѣла нужды въ бос-

форскомъ хлѣбѣ и не боялась мелкихъ понтійскихъ царьковъ. Но передъ отъѣздомъ молодой человѣкъ пожелалъ взять отъ Пасіона принадлежащія ему деньги. Пасіонъ принялъ его очень вѣжливо, хотя имѣлъ смущенный видъ; онъ не отрицалъ своего долга, но признался, что въ интересахъ вкладчика пустилъ деньги въ оборотъ, и нужно было нѣкоторое время, чтобы вернуть ихъ обратно. Вкладчикъ согласился подождать; но такъ какъ при повторныхъ просьбахъ о выдачѣ денегъ банкиръ ссылаясь все на тѣ же причины, то у молодого человѣка явились подозрѣнія. Онъ послалъ къ Пасіону двухъ своихъ друзей. Тогда Пасіонъ измѣнилъ тонъ: онъ-де не понимаетъ, чего отъ него хотятъ: онъ ничего не получилъ и не имѣетъ никакихъ долговъ; напротивъ, ему должны 300 драхмъ (около 110 руб.).

Сомнѣнья не было: Пасіонъ рѣшилъ завладѣть состояніемъ несчастнаго. Жаловаться было невозможно. Письменныхъ документовъ не существовало, и свидѣтелемъ вклада былъ только одинъ рабъ, состоящій при кассѣ банка. Но развѣ ограбленный молодой человѣкъ не твердилъ повсюду, что у него ничего нѣтъ и что онъ живетъ въ долгъ? Пасіонъ былъ, такимъ образомъ, увѣренъ въ своей безнаказанности.

Вдругъ пришло новое извѣстіе, что Сопэй снова вошелъ въ милость у царя, который рѣшилъ даже обручить своего сына съ его дочерью. Это совершенно мѣняло положеніе кліента Пасіона; поэтому послѣдній и поспѣшилъ принять свои мѣры. Прежде всего необходимо было удалить кассира Китта, единственнаго свидѣтеля вклада иностранца. Пасіонъ отправляетъ его тайно за границу и затѣмъ, думая взять наглостью, обвиняетъ двухъ друзей истца, одного изъ которыхъ звали Менексеномъ, въ подкупъ его служащаго, похищеніи изъ банка при посредничествѣ этого раба шести талантовъ (около 13.300 руб.) и содѣйствіи бѣгству преступника. Иноземецъ былъ совершенно ошеломленъ такимъ неожиданнымъ нападеніемъ: онъ долженъ былъ внести залогъ, чтобы избѣжать заключенія въ тюрьму, и изъ обвинителя превратился въ обви-

няемаго. Ему теперь приходилось доказывать не то, что онъ сдѣлался жертвой грабежа, а что онъ не былъ совратителемъ и воромъ.

Къ счастью, другъ его Менексенъ былъ человѣкъ смѣтливый. Не думая отказываться отъ борьбы, онъ бросился на розыски Китта. Ему удалось поймать раба и привезти въ Аѣины. Тамъ онъ обратился къ Пасіону съ просьбой разрѣшить подвергнуть бѣглеца пыткѣ. Чтобы помѣшать возможности вынудить у раба признанія, Пасіонъ придумалъ слѣдующее. Онъ сталъ утверждать, что Киттъ—свободный человѣкъ, а потому съ нимъ нельзя обращаться, какъ съ рабомъ. Менексенъ, понимая, что Пасіонъ только хочетъ выиграть время, воспротивился предварительному освобожденію Китта, если только Пасіонъ не внесетъ залогъ въ суммѣ, равной той, какую банкъ былъ долженъ иностранцу. Пасіонъ согласился и внесъ 7 талантовъ (около 15.540 руб.), чтобы предотвратить пытку и обезпечить свободу своему служащему, котораго онъ недавно еще обвинялъ въ тяжкомъ нарушеніи довѣрія.

Непоследовательность поступковъ Пасіона была очевидна. Попавшись въ собственныя сѣти, Пасіонъ видимо противорѣчилъ самъ себѣ. Онъ почувствовалъ, что ему будетъ трудно объяснить всѣ свои поступки и что онъ попалъ въ тупикъ. Тогда онъ сдѣлалъ попытку обратиться вспять. Онъ заявилъ своимъ противникамъ, что они могутъ допрашивать Китта сколько имъ угодно. Тѣ согласились и условились встрѣтиться съ Пасіономъ, его рабомъ и лицами, которыя должны были заставить его говорить, въ одномъ храмѣ. Но въ назначенный день банкиръ формально воспротивился примѣненію пытки.

Это упорство произвело дурное впечатлѣніе, и Пасіонъ понялъ, что было благоразумнѣе пойти на мировую. Онъ добился тайнаго свиданья съ сыномъ Сопэя. Тутъ, вдали отъ нескромныхъ глазъ и ушей, Пасіонъ велъ себя иначе. Прикрывая лицо полой своего плаща, какъ человѣкъ, устыдившійся своего поведенія, онъ плакалъ и говорилъ, что рѣшился отрицать существованіе вклада иностранца благодаря серьезнымъ денежнымъ затрудненіямъ; онъ да-

валъ обязательство вернуть капиталъ молодому человѣку, прося только, чтобы около дѣла не подымали шума и не губили совершенно его репутаціи.

Иностранецъ повѣрилъ искренности раскаянія; онъ обѣщалъ Пасіону молчать и согласился дать ему отсрочку. Черезъ три дня при новыхъ переговорахъ было условлено, что Пасіонъ отправится со своимъ кліентомъ въ Босфоръ и тамъ возвратитъ ему деньги: такимъ образомъ, въ Аѳинахъ никто ни о чемъ не узнаетъ. Если же Пасіонъ не уплатитъ долга, то посредникомъ между нимъ и иноземцемъ будетъ царь Сатиръ, причемъ, въ случаѣ неблагопріятнаго для банкира приговора, банкъ долженъ будетъ, кромѣ основного долга, отдать еще половину требуемой съ него суммы. Статьи договора были закрѣплены письменно и документъ врученъ капитану корабля, по имени Пирону, изъ Феръ въ Фессаліи. Но Пасіонъ сейчасъ же подкупилъ одного изъ рабовъ капитана; онъ досталъ черезъ него текстъ договора, поддѣлалъ его и черезъ своего сообщника положилъ на прежнее мѣсто.

Тогда Пасіонъ снова поднимаетъ голову и начинаетъ дѣйствовать съ обычнымъ безстыдствомъ. При первыхъ же требованіяхъ своего кліента ѣхать съ нимъ, онъ заявилъ, что отказывается сдѣлать это. Сынъ Сопэя сталъ настаивать и потребовалъ предъявленія договора. Развертываютъ договоръ, но вмѣсто первоначальныхъ условій находятъ расписку въ полученіи денегъ, данную иностранцемъ своему банкиру. Ограбленному оставалось только одно: доказать, что Пасіонъ поддѣлалъ чужую подпись.

Однако дѣло еще затянулось. Иностранецъ въ сопровожденіи Китта отправился въ Босфоръ. Молодой человѣкъ и рабъ изложили дѣло Сатиру. Но царь объявилъ, что онъ не свѣдушъ въ такихъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе онъ выразилъ сыну своего любимца расположеніе: собралъ аѳинскихъ купцовъ, находившихся въ это время въ гавани, и обратилъ ихъ вниманіе на дѣло своего подданнаго; кромѣ того, онъ написалъ аѳинскому народу письмо и просилъ для молодого человѣка покровительства властей и присяжныхъ. Такимъ образомъ, пользуясь заступничествомъ

своего государя и его нравственной поддержкой, клієнтъ Пасіона по своемъ возвращеніи въ Аѣины подалъ жалобу въ судъ. Защитительную рѣчь для него написалъ ораторъ Исократъ; но мы не знаемъ, выигралъ ли иностранецъ это дѣло.

Общественное мнѣніе въ Аѣинахъ, повидимому, не относилось сурово къ плутовскимъ продѣлкамъ, подобнымъ описанной. Онѣ могли влечь за собой приговоръ объ уплатѣ убытковъ, но не уголовное наказаніе, а потому это и не казалось безчестіемъ. Кромѣ того, греки никогда не проявляли особенной строгости въ вопросахъ нравственности. Впрочемъ, нѣтъ никакихъ доказательствъ, что Пасіонъ былъ виновенъ. Мы знаемъ дѣло съ точки зрѣнія обвиненія, но не знаемъ его со стороны защиты. Возможно, что молодой человѣкъ былъ искателемъ приключеній, который трезвонилъ повсюду о вліяніи его отца на Сатира, друга аѣинянъ, надѣялся запугать Пасіона угрозой скандальнаго процесса и вынудить у него деньги.

Главнымъ мотивомъ, удерживающимъ насъ высказать сужденіе по этому дѣлу, является ростъ богатства Пасіона, что могло быть только результатомъ довѣрія, которое онъ сумѣлъ внушить множеству своихъ кліентовъ-аѣинянъ и иноземцевъ. Демосѣенъ, вспоминая сорокъ лѣтъ спустя ростъ этого вначалѣ очень скромнаго состоянія, говоритъ: „Пасіонъ пользовался довѣріемъ, а для людей, живущихъ на биржѣ и занимающихся биржевыми дѣлами, репутація человѣка трудолюбиваго и честнаго имѣетъ необычайно сильное вліяніе“.

Предположимъ даже, что въ первые годы своей карьеры Пасіонъ когда-нибудь и поддался искушенію, но зато онъ сумѣлъ впослѣдствіи воспользоваться урокомъ. Обладая большимъ умомъ, банкиръ скоро понялъ, что для него выгоднѣе быть честнымъ. Его бывший хозяинъ Архистратъ завѣщалъ свой капиталъ банку; подъ руководствомъ Пасіона этотъ банкирскій домъ сдѣлался первымъ въ Аѣинахъ; самые богатые и высокопоставленные люди, какъ Агиррій¹⁾, Демо-

¹⁾ Агиррій—вождь аѣинской черни въ концѣ IV вѣка.

сөөнъ-отецъ ¹⁾), Тимоѳей ²⁾), отдавали ему свои капиталы и брали у него деньги въ долгъ. Ему не разъ приходилось оказывать государству денежные услуги, а потому онъ легко добился званія гражданина.

Въ 372 г. онъ еще стоялъ во главѣ фирмы, а умеръ въ 370 г. послѣ долгой и мучительной болѣзни. Въ этотъ промежутокъ времени онъ, чувствуя себя старымъ и больнымъ, привелъ въ порядокъ свои дѣла и сдѣлалъ такія распоряженія относительно будущаго, что они дѣлають честь его уму. Его довѣреннымъ былъ тогда Форміонъ, рабъ иноземнаго происхожденія, какъ и Киттъ, который имѣлъ въ то время свое собственное предпріятіе. Форміонъ былъ отпущенъ на волю, а затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ хозяинъ старѣлъ, онъ получалъ въ банкѣ все большее и большее значеніе, и въ концѣ концовъ Пасіонъ поручилъ ему веденіе всего дѣла цѣликомъ.

Можно было бы предполагать, что Пасіонъ передастъ банкирскій домъ своему сыну Аполлодору. Но Аполлодоръ былъ полонъ другихъ плановъ. Отецъ воспиталъ его баблствомъ, далъ ему хорошее образованіе, разрѣшилъ посѣщать школы риторовъ, заводить связи среди честолубивой и богатой молодежи. Аполлодоръ мечталъ о политикѣ, почестяхъ, власти; быть можетъ, онъ сгорѣлъ бы со стыда, если бы ему пришлось сидѣть за отцовской конторкой. Но возможно, что и Пасіонъ не былъ особенно хорошаго мнѣнія о сынѣ, а потому не хотѣлъ сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. Во всякомъ случаѣ онъ остановилъ свой выборъ на Форміонѣ. Онъ сдалъ ему въ аренду сразу и банкъ и свою фабрику щитовъ. Аренда фабрики подразумѣвала и аренду всѣхъ ея орудій производства и рабовъ, обслуживающихъ ее; что касается банка, то тамъ аренда распространялась на его кліентовъ и на право пользованія вложенными капиталами.

Кромѣ того, Пасіонъ гарантировалъ Форміону уплату 11 талантовъ (около 24.400 руб.), выданныхъ банкомъ изъ

¹⁾ Т. е. отецъ знаменитаго оратора (см. вып. I, стр. 3, прим. 3).

²⁾ Тимоѳей—аѳинскій полководецъ IV в.

своихъ средствъ разнымъ лицамъ подъ залогъ недвижности. Форміонъ тогда былъ еще простымъ вольноотпущенникомъ, и ему было бы трудно добиваться судомъ уплаты этихъ долговъ; поэтому, не желая возбуждать опасеній вкладчиковъ относительно судьбы ихъ денегъ, Пасіонъ призналъ себя должникомъ банка въ упомянутой суммѣ.

Арендная плата за фабрику равнялась одному таланту (2.220 руб.), и, повидимому, эта сумма не ложилась тяжело на ея дѣла, но ежегодная уплата за банкъ опредѣлялась въ 100 минъ (около 3.700 руб.), и она была, вѣроятно, слишкомъ высока; по крайней мѣрѣ, когда по истеченіи 8 лѣтъ Форміонъ вышелъ изъ дѣла, наследники Пасіона не могли сдать банкъ въ аренду за болѣе высокую цѣну, хотя онъ находился въ прекрасномъ состояніи.

Незадолго до смерти Пасіонъ сдѣлалъ послѣднія распоряженія. Состояніе его равнялось значительной суммѣ: онъ имѣлъ на 20 талантовъ (около 44.400 руб.) недвижимой собственности и 40 талантовъ (около 88.800 руб.), вложенныхъ въ разныя дѣла, какъ ссуды подъ морскія предпріятія, закладныя и различные векселя, которые должны были имѣть, конечно, солидныя гарантіи. Въ общей сложности цѣнность состоянія достигала приблизительно 60 талантовъ (около 133.200 руб.).

Такъ какъ у Пасіона было два сына, изъ которыхъ одинъ еще не достигъ совершеннолѣтія, то онъ выбралъ Форміона опекуномъ; при этомъ отвѣтственность послѣдняго должны были раздѣлять нѣсколько друзей и родственниковъ Пасіона, привлеченныхъ къ участию въ опекѣ; но, чтобы еще болѣе быть увѣреннымъ въ Форміонѣ, Пасіонъ взялъ съ него слово жениться на своей вдовѣ Архиппеѣ; она получала приданое въ два таланта (4.440 руб.), помѣщенные въ Атикѣ и на о. Пепаретосѣ, кромѣ того, жилой домъ цѣнностью въ 100 минъ (около 3.700 руб.), обстановку этого дома, служанокъ, драгоценныя вещи и все, что нужно было для поддержанія привычнаго ей образа жизни. Мы знаемъ

со словъ Демосѣена, что многіе аѣинскіе, эгинскіе и другіе трапезиты поступали такъ же, какъ Пасіонъ.

По Исократу. Трапезитика; Демосѣенъ. Рѣчь въ защиту Форміона; Perrot. *Mémoires d'archéologie, d'épigraphie et d'histoire*, стр. 379—414).

21. Богатый городъ Великой Греціи ¹⁾.

Въ городѣ Сибарисѣ насчитывалось кромѣ рабовъ 300.000 свободныхъ жителей. Его окружность равнялась 9 километрамъ съ лишнимъ. Одинъ фактъ ярко рисуетъ богатство, развивавшееся вмѣстѣ съ ростомъ населенія города: въ торжественныхъ процессіяхъ Сибариса появлялось 5.000 всадниковъ, одѣтыхъ въ самые роскошные костюмы; а въ греческихъ городахъ всадниками могли сдѣлаться только люди, обладающіе большими доходами. Называя кого-нибудь всадникомъ, подразумѣвали, что это—богатый молодой человѣкъ, принадлежащій къ классу, который уплачиваетъ самыя высокіе налоги. Въ Аѣинахъ въ моментъ наибольшаго расцвѣта города насчитывалось не болѣе четвертой части числа всадниковъ Сибариса.

Благодаря большимъ земельнымъ работамъ сырая почва, на которой стоялъ городъ, была осушена. Хорошо устроенная система каналовъ отводила въ море воды низкой части равнины, въ настоящее время снова превратившейся въ болото. Каналы были судоходны, и сибариты пользовались ими для перевозки на лодкахъ въ городъ или въ портъ вина, которое въ изобиліи производилось на окружающихъ эту низменную область возвышенностяхъ и очень цѣнилось въ то время.

Почва Сибариса отличалась изумительнымъ плодородіемъ. Варронъ ²⁾ утверждаетъ, что пшеница родилась тамъ самъ-сотъ; однако, по словамъ Атенея ³⁾, мѣстнаго хлѣба едва хватало для потребленія города. Кромѣ винъ, слу-

¹⁾ Великая Греція—см. вып. II, стр. 29, прим.

²⁾ Варронъ (Маркъ Теренцій)—римскій ученый (116—27 г. до Р. Х.).

³⁾ Атенея—см. вып. I, стр. 31, прим. 3.

жившихъ предметомъ широко распространенной торговли, много продуктовъ для вывоза доставляло Сибарису и земледѣліе. Окружавшія городъ деревни занимались производствомъ масла. Сибарисъ поставлялъ на рынокъ кожи отъ стадъ, питавшихся его роскошными лугами; шерсть овецъ, пасшихся на окрестныхъ горахъ; лѣсъ, который росъ на его горахъ, особенно на Силѣ, и очень цѣнился для постройки судовъ; смолу, добывавшуюся въ тѣхъ же горахъ и считавшуюся лучшею во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря; воскъ отъ разводимыхъ въ большомъ количествѣ пчелъ. Городъ владѣлъ также серебряными рудниками; этимъ объясняется большое количество сибаритскихъ монетъ.

Наконецъ, сибариты, имѣя гавань въ Лаосѣ на Тирренскомъ морѣ и будучи союзниками съ одной стороны—милетцевъ, съ другой—этрусковъ, являлись торговыми посредниками между этими народами. Милетскіе корабли привозили свои товары въ самый Сибарисъ; этруски отправляли свои въ Лаосъ; между этими пунктами сухопутной перевозкой товаровъ занимались сибариты. Организовать это дѣло было нетрудно, потому что и разстояніе не было велико, и существовало даже горное ущелье, облегчавшее путь. Этотъ городъ въ такой степени стремился удержать за собой положеніе международнаго рынка, что освобождалъ отъ всякой таможенной пошлины наиболѣе цѣнимые продукты Малой Азіи и Этруріи.

(F. Lenormant. La Grande-Grèce, II, стр. 260—262, 274—275).

22. Богатство въ Аѣинахъ.

Въ V и въ IV в. до Р. X. въ Аѣинахъ было множество людей, владѣвшихъ небольшимъ состояніемъ. Сколько насчитывалось собственниковъ, имущество которыхъ стоило менѣе таланта (около 2.220 руб.), даже менѣе 10 минъ (около 370 руб.)! Таланта было достаточно, чтобы поддерживать свое существованіе и не опускаться до положенія людей нуждающихся. Очень часто встрѣчается упоминаніе о со-

стояніяхъ отъ 2 до 5 талантовъ (около 4.440—11.100 руб.). Наслѣдство оратора Эсхина равнялось 5 талантамъ. Состояніе Критовула¹⁾ оцѣнивалось Ксенофонтomъ въ 500 минъ (около 18.500 руб.), и онъ считался человѣкомъ богатымъ.

Аѣинянинъ Тимократъ владѣлъ 10 талантами (22.200 руб.). Ежегодный доходъ нѣкоего Дикеогена составлялъ 80 минъ (около 2.960 руб.), что предполагаетъ капиталъ около 11 талантовъ (около 24.400 руб.), и такое состояніе считалось уже значительнымъ. Одинъ купецъ, по имени Діодотъ, имѣлъ 14 талантовъ (около 31.000 руб.); отецъ оратора Демосеена оставилъ послѣ себя 15 талантовъ (около 33.300 руб.). Человѣкъ, обладавшій такимъ состояніемъ, былъ уже довольно богатымъ, принимая во вниманіе высокіе проценты и низкія цѣны на продукты. Однако, многіе изъ аѣинянъ владѣли еще большими капиталами: Онеторъ имѣлъ 30 талантовъ (66.600 руб.); Кононъ—40 (88.800 руб.); Стефанъ, сынъ Талла, и банкиръ Пасіонъ—по 50 талантовъ (111.000 р.) каждый.

Въ первомъ ряду самыхъ богатыхъ фамилій стояло семейство Никіа. Имущество этого человѣка оцѣнивалось въ 100 талантовъ (около 222.000 руб.). Его сынъ Никератъ считался самымъ богатымъ аѣиняниномъ; это и послужило причиной его гибели при Тридцати Тираннахъ²⁾. Фамилія Калліевъ была еще богаче. Каллій I скупалъ имущество Пизистрата всякій разъ, когда этотъ послѣдній подвергался изгнанію; онъ тратилъ громадныя деньги на конскій заводъ, былъ побѣдителемъ на Олимпійскихъ играхъ и далъ своимъ тремъ дочерямъ большія приданья. Его внукъ имѣлъ, какъ говорятъ, 200 талантовъ (около 444.000 руб.). Онъ оставилъ это состояніе своему сыну Гиппонику, который просилъ, кажется, разрѣшенія построить на Акрополѣ домъ, чтобы хранить тамъ въ безопасности свои сокро-

¹⁾ Критовулъ—одинъ изъ учениковъ Сократа.

²⁾ Тридцать Тиранновъ—олигархи, захватившіе власть въ Аѣинахъ послѣ Пелопоннесской войны въ 404—403 г. до Р. Х., ознаменовавшіе свое правленіе казнями и захватомъ имущества богатыхъ людей.

вища; дочь Гиппоника, вышедшая замужъ за Алкивіада, получила въ приданое 10 талантовъ (222.000 руб.), что по тѣмъ временамъ было громадной суммой. Сынъ же богача расточилъ это огромное наслѣдство, и къ 385 году у него осталось, какъ утверждаютъ, только не болѣе двухъ талантовъ (около 4.440 руб.). Состояніе Алкивіада достигало сотни талантовъ (около 222.000 руб.). Во второй половинѣ IV вѣка конфискованное имущество нѣкоего Дифила составляло 160 талантовъ (около 355.000 руб.). По слухамъ, Эпикрату¹⁾ приписывалось состояніе въ 600 талантовъ (около 1.332.000 руб.).

Въ общемъ, хотя въ Аѣинахъ и бывали крупныя состоянія, но встрѣчались они рѣдко, а кромѣ того, не сохранялись долго. Преобладающимъ явленіемъ были средняя и мелкая собственность. Бѣдняки были въ высшей степени многочисленны, если правда, что въ 322 г. только 9.000 гражданъ изъ 21.000 владѣли состояніемъ, равнымъ 520 рублямъ и болѣе; надо, правда, прибавить, что эти 520 руб. равнялись бы теперь суммѣ около 1.600 руб.

(По В ѳ с к h. *Économie politique des Athéniens*, IV, III).

23. Подробности относительно имущества нѣкоторыхъ аѣинянъ.

1. Имущество Стратокла (Исей²⁾). О наслѣдствѣ Гagnéя, 42—43).

Земля стоимостью въ 2½ таланта (около 5.550 руб.), сдающаяся въ аренду за 12 минъ (около 445 руб.).

Домъ въ Мелитѣ, стоимостью въ 30 минъ (около 1.110 руб.), и домъ въ Елевзинѣ, цѣною въ 5 минъ (около 185 руб.), сдающіеся въ наемъ оба за 3 мины (110 руб.).

4.000 драхмъ (около 1.480 руб.), помѣщенные изъ 18%.

Движимость, стада, съѣстные припасы, стоимостью все въ 4.900 драхмъ (около 1.725 руб.).

Девять минъ серебра въ кассѣ (243 руб.).

1.000 драхмъ (370 руб.). отданныя займы друзьямъ.

Всего около 11.000 руб.

¹⁾ Э п и к р а т ъ — поэтъ аттической комедіи IV вѣка.

²⁾ И с е й — см. вып. I, стр. 53, прим. 2.

2. Имущество Эвктемона (Исей. О наслѣдствѣ Филоктемона, 33—34).

Земля стоимостью въ 75 минъ (2.765 руб.).

Бани—3.000 драхмъ (1.110 руб.).

Городской домъ—44 мины (около 1.630 руб.).

Стадо козъ и пастухъ—13 минъ (около 480 руб.).

Двѣ упряжки муловъ—1.350 драхмъ (около 500 руб.).

Рабы.

Итого болѣе 3 талантовъ (около 6.660 руб.).

3. Имущество отца Тимарха (Эсхинъ. Противъ Тимарха, 97—99).

Городской домъ—20 минъ (740 руб.).

Земля въ Сфетѣ—стоимость неизвѣстна.

Земля въ Алопекѣ—2.000 драхмъ (740 руб.).

10 рабовъ-кожевниковъ, доставляющіе ежедневно 21 оболъ (около 1 р. 25 коп.).

Ткачиха.

Ткачъ.

Векселя.

Движимость.

4. Имущество отца Демосѳена (Демосѳенъ. Противъ Афоба, I, 9—11).

Двѣ мастерскихъ, дающія 42 мины (около 1.550 руб.) чистаго дохода.

Сырые продукты—150 минъ (около 555 руб.).

Домъ—3.000 драхмъ (1.110 руб.).

Движимость—10.000 драхмъ (3.700 руб.).

Капиталь—около 11.800 руб.

Всего 14 талантовъ (около 31.100 руб.).

24. Соціализмъ.

Въ Греціи существовали соціалистическія теоріи, но онѣ появлялись только въ видѣ философскихъ ученій и, повидимому, не имѣли большого вліянія. Самъ Платонъ въ своемъ сочиненіи „Республика“¹⁾ высказывается за общность имущества, но въ другомъ сочиненіи, „Законы“, т. е. въ

¹⁾ „Республика“ Платона—см. вып. II, стр. 47, прим. 2.

трудѣ, въ которомъ онъ стремился опредѣлить учрежденія дѣйствительно-существующаго государства, твердо устанавливаетъ частную собственность.

Однако греки прилагали меньше заботъ, чѣмъ современные народы, для огражденія правъ частной собственности. Они не допускали мысли, чтобы общественный интересъ могъ когда-нибудь отступить на второй планъ передъ интересомъ частнымъ; такимъ образомъ, всякое покушеніе на право частной собственности казалось имъ законнымъ, если общество могло извлечь изъ него какую-нибудь выгоду. Во-вторыхъ, гражданскія права были неприкосновенны въ ихъ глазахъ только до тѣхъ поръ, пока самъ гражданинъ выполнялъ свои обязанности по отношенію къ государству; если же какой-нибудь человѣкъ былъ или казался дурнымъ гражданиномъ, то законъ переставалъ оказывать ему покровительство.

Отсюда слѣдуетъ, что въ древней Греціи богатство было гораздо менѣе прочно, чѣмъ въ настоящее время. Такой человѣкъ, какъ Демосѳенъ, который, разумѣется, не былъ революціонеромъ, желая добиться конфискаціи имущества своего противника Мидія, основывался на слѣдующемъ доводѣ: богатство дѣлаетъ Мидія надменнымъ по отношенію къ простому народу. „А такъ какъ оно даетъ ему средства причинять намъ оскорбленія“, говоритъ онъ, „то было бы неосторожно оставлять это средство въ его рукахъ“. Отнять у него богатство значитъ лишить его „орудія его преступленій“. Сверхъ того, прибавляетъ ораторъ, „нѣтъ основанія особенно жалѣть Мидія, если его состояніе будетъ равняться состоянію большинства изъ васъ, которыхъ онъ теперь оскорбляетъ и съ которыми обращается, какъ съ нищими; нечего жалѣть его, когда онъ лишится тѣхъ богатствъ, избытокъ которыхъ внушаетъ ему преступную гордость“. Въ Аѳинахъ организація налоговъ и правосудія была такова, что государство могло, не нарушая законности, завладѣть частью—и въ иныхъ случаяхъ значительной—имущества частнаго лица и затѣмъ обратить его въ какой-либо формѣ въ пользу толпы. Во многихъ

другихъ государствахъ-городахъ прибѣгали откровенно къ насилію.

Хотя жить въ Греціи было гораздо легче, чѣмъ въ современныхъ государствахъ, однако каждый бѣдный гражданинъ былъ скрытымъ социалистомъ. Эти люди съ простыми и практическими умами не прикрывали своихъ побужденій никакими теоретическими основаніями; они не придумывали для разрѣшенія подобныхъ важныхъ задачъ никакихъ возвышенныхъ системъ, изобрѣтенныхъ новѣйшими народами. Ихъ единственной мыслью было ограбить богатыхъ и занять ихъ мѣсто. Для этого они пытались устраивать революціи; если революція была успѣшной, то совершались убійства, побѣжденные изгонялись, ихъ имущества конфисковались и распредѣлялись среди приверженцевъ партіи побѣдителей. Все въ концѣ концовъ сводилось къ перемѣнѣ лицъ.

Исторія эллинскихъ государствъ-городовъ полна событій такого рода. Въ IV вѣкѣ Спарта одна могла похвалиться, что избѣгла этого бича, а Аристотель заявляетъ, что причиной всѣхъ раздоровъ являются вопросы, связанные съ собственностью. Къ концу царствованія Александра Македонскаго (т. е. въ двадцатыхъ годахъ IV вѣка) на востокѣ образовалась блуждающая масса людей безъ роду, безъ племени, единственнымъ средствомъ существованія которыхъ была война. Это были не искатели приключеній и не воины по профессіи; почти всѣ они являлись изгнанниками, оторванными отъ своей родины и ввергнутыми въ нищету благодаря случайностямъ революцій; ихъ было около 20.000. Александръ далъ имъ возможность возвратиться въ ихъ отечество; нѣсколько позднѣе то же самое сдѣлалъ Полиперхонъ ¹⁾; но такія изгнанія постоянно повторялись.

Зло особенно возрасло въ III и во II вѣкахъ. Полибій ²⁾ въ нѣсколькихъ словахъ даетъ намъ объясненіе этого явленія: „Подобные факты“, говоритъ онъ, „происходятъ и въ

¹⁾ Полиперхонъ—одинъ изъ военачальниковъ Александра Македонскаго; послѣ смерти послѣдняго онъ одно время управлялъ Македоніей и Греціей.

²⁾ Полибій—греческій историкъ II в. до Р. Х.

городахъ и въ отдѣльныхъ семействахъ, когда они испытываютъ нужду“. Греція въ то время очень обѣднѣла, и естественно, что неимущіе классы сдѣлались еще жаднѣе, чѣмъ раньше. Споръ теперь велся не о власти; настоящимъ предметомъ борьбы партій было богатство и особенно—земельное, а властью стремились завладѣть только для того, чтобы наложить руку на чужое имущество. „Каждый государственный переворотъ“, говорили тогда, „ознаменовывался конфискаціей или насильственнымъ возвращеніемъ награбленнаго раньше“.

Жестокости и насилія были постоянными спутниками этихъ конфискацій. Аратъ ¹⁾ вызвалъ удивленіе своихъ современниковъ, когда послѣ паденія сикіонскаго тиранна удовлетворилъ собственниковъ, которые должны были уступить мѣсто изгнанникамъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ не стѣснялись ничѣмъ, и происходилъ настоящій разгулъ грабежа. Многіе демагоги подражали нѣкому Мольпагору Кіосскому, который убивалъ или изгонялъ состоятельныхъ людей, а ихъ имущество раздавалъ народу. Многіе города, какъ, напримѣръ, Кинееа въ Аркадіи, въ теченіе долгаго времени переживали постоянныя потрясенія благодаря убійствамъ, преслѣдованіямъ и грабежамъ.

Простонародье постоянно жаждало овладѣть имуществомъ богатыхъ и осуществляло это желаніе при малѣйшемъ поводѣ. Аристократы, со своей стороны, охотно давали другъ другу клятву „всегда быть врагами народа и насколько возможно причинять ему вредъ“. Короче говоря, богатство было причиной глубокой ненависти и постоянныхъ волненій и въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли охранить его и когда стремились завладѣть имъ.

¹⁾ Аратъ Сикіонскій—греческій политическій дѣятель III вѣка до Р. Х.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Общественная жизнь.

1. Жизнь въ Аѣинахъ на открытомъ воздухѣ.—2. Уличные типы.—3. Черты греческихъ нравовъ.—4. Общительность аѣинянъ.—5. Приглашеніе.—6. Сообщества.—7. Общества взаимопомощи.—8. Нѣкоторыя греческія игры.—9. Коттабъ.—10. Пѣтушій бой.—11. Танцы.—12. Вокальная и инструментальная музыка.—13. Музыка въ Спартѣ.—14. Лавочки парикмахеровъ.—15. Ссора между молодыми людьми.—16. Охота.—17. Путешествія.—18. Гостепріимство.

1. Жизнь въ Аѣинахъ на открытомъ воздухѣ.

Въ нѣкоторые моменты дня, въ особенности утромъ до полудня и вечеромъ до ужина, аѣиняне отправляются гулять на берега Илисса и кругомъ города, наслаждаясь необычайной чистотой воздуха и восхитительными видами, открывающимися со всѣхъ сторонъ; но наиболѣе посѣщаемымъ мѣстомъ въ городѣ была общественная площадь (агора), которая обыкновенно привлекала много народу. Почти всѣхъ побуждаютъ итти туда или личныя или общественныя дѣла. Многіе направляются на агору также съ цѣлью развлечься, иные—по обязанностямъ службы. Въ извѣстные часы, когда прекращается рыночная толкотня, площадь представляетъ удобное мѣсто для тѣхъ, кто хочетъ любоваться зрѣлищемъ толпы или стремится показать себя другимъ.

Вокругъ площади располагаются лавочки парфюмеровъ, мѣнялъ, цирюльниковъ и т. д., открытыя для всѣхъ желающихъ; тамъ идутъ шумныя обсужденія политическихъ вопросовъ, анекдотическихъ семейныхъ происшествій, не-

достатковъ и смѣшныхъ свойствъ разныхъ лицъ. Народъ непрерывно то приливаетъ, то расходится. Собравшіеся группами люди въ разговорахъ какъ бы мечутъ тысячи заостренныхъ и ядовитыхъ стрѣлъ противъ тѣхъ, кто появляется на прогулкѣ въ небрежномъ костюмѣ или одѣтъ съ вызывающей пышностью; шутки эти тѣмъ убійственнѣе, что ими этотъ чрезвычайно насмѣшливый народъ старается замаскировать свою злобу. Иногда подъ разными портиками, разбросанными по городу, встрѣчаются группы избранныхъ людей, ведущихъ поучительные разговоры.

Ненасытная жадность аеинянъ къ новостямъ, какъ слѣдствіе живости ихъ ума и праздной жизни, заставляетъ ихъ искать общенія другъ съ другомъ. Эта жажда новостей во время войны принимаетъ чудовищные размѣры. Разговоры среди публики вертятся тогда на военныхъ передвиженіяхъ; при встрѣчахъ всѣ жадно спрашиваютъ другъ друга о разныхъ слухахъ; повсюду множество людей, напиканныхъ вѣстями, чертятъ на землѣ или на стѣнѣ планъ мѣстности, гдѣ находится войско, объявляютъ громко объ удачахъ и по секрету—о пораженіяхъ, собираютъ и раздуваютъ слухи, которые то вызываютъ въ городѣ немѣренное ликованіе, то погружаютъ его въ самое ужасное отчаяніе...

Въ городѣ и въ окрестностяхъ жители обыкновенно ходятъ пѣшкомъ. Люди богатые то передвигаются въ колесницахъ или на носилкахъ, вызывающихъ порицаніе и зависть болѣе бѣдныхъ, то ходятъ въ сопровожденіи слуги, который несетъ за ними складной стулъ, чтобы они могли присѣсть на общественной площади или когда почувствуютъ усталость во время прогулки. Мужчины почти всегда появляются на улицѣ съ палкой въ рукахъ, женщины очень часто ходятъ съ зонтиками. Ночью рабъ освѣщаетъ своимъ господамъ дорогу разноцвѣтнымъ фонаремъ.

Въ первые дни по пріѣздѣ я охотно пробѣгалъ надписи надъ дверями домовъ. На однихъ было написано: „Домъ продается, или домъ отдается внаймы“; на другихъ: „Это домъ такого-то; да не проникнетъ въ него ничего дур-

ного“. Мнѣ дорого обошлось удовлетвореніе своего любопытства. На главныхъ улицахъ происходитъ постоянная толкотня и давка благодаря множеству всадниковъ, повозокъ, разносчиковъ воды, глашатаевъ, нищихъ, рабочихъ и прочихъ людей изъ народа.

Однажды я съ Діогеномъ смотрѣлъ маленькихъ собачекъ, обученныхъ разнымъ штукамъ, какъ вдругъ рабочій, несшій громадное бревно, сильно ударилъ имъ Діогена и закричалъ ему: „Берегись!“ Діогенъ отвѣтилъ ему сейчасъ же: „Развѣ ты хочешь ударить меня вторично?“

Если, выходя на улицу ночью, вы не берете съ собою нѣсколькихъ слугъ, то вы рискуете быть ограбленнымъ ворами, несмотря на бдительность общественныхъ властей, обязанныхъ совершать каждую ночь обходы города. (Barthélemy. Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, гл. XX).

2. Уличные типы.

Среди терракотовыхъ статуэтокъ, найденныхъ въ Малой Азіи, многія воспроизводятъ типы людей, которые чаще всего встрѣчались на улицѣ.

„Вотъ рабъ-поваръ съ бритой головой и лицомъ безъ всякой растительности; въ одной рукѣ онъ держитъ блюдо, вѣроятно, предназначенное на обѣдъ его господамъ, другую руку подноситъ ко рту, какъ бы поѣдая что-то съ жадностью. Другіе повара возвращаются съ рынка, держа въ рукахъ молодыхъ кроликовъ и корзины винограда. Три статуэтки напоминаютъ о невинныхъ удовольствіяхъ уженія рыбы. Во-первыхъ, изображенъ ворчливаго вида старикъ; онъ опирается на высокую палку и держитъ въ рукѣ сплетенную изъ тростника корзину, въ которую кладутъ рыбу; онъ выскиваетъ, конечно, удобное для рыбной ловли мѣстечко. Затѣмъ мы видимъ второго рыбака: въ плохонькой шапчонкѣ безъ полей, съ тѣсно сдвинутыми ногами и съ вытянутой правой рукой, онъ весь поглощенъ созерцаніемъ своего поплавка. Наконецъ, третій, приподнявъ лѣвую ногу и запрокинувъ голову, повидимому, вытаскиваетъ порывистымъ движеніемъ удочку: рыба клюнула,

и, если судить по комическимъ усилямъ рыболова, добыча богатая. Вотъ идущій въ городъ крестьянинъ: дорога длинна и пыльна, солнце палитъ, поэтому путникъ дѣлаетъ частыя остановки и садится, чтобы подкрѣпить силы и набраться бодрости изъ тыквенной бутылки, которую онъ предусмотрительно взялъ съ собой.

Подымемся ступеню выше. Вотъ разбогатѣвшій горожанинъ, прогуливающийся по улицамъ съ презрительной усмѣшкой на губахъ. Плащъ на немъ лежитъ по всѣмъ правиламъ хорошаго тона; онъ смотритъ свысока на чернь и имѣетъ очень забавный видъ греческаго Прюдомма ¹⁾.

Вотъ карикатура на ярмарочнаго торговца: онъ одѣтъ только въ нижнее бѣлье и держитъ, оперши о свой животъ, широкую корзину, отъ которой сохранились, впрочемъ, на статуэткѣ лишь остатки; корпусъ у него запрокинутъ назадъ, грудь расширена, голова задрана кверху, ротъ открытъ: онъ выкрикиваетъ свой товаръ. Вотъ гуляющій ребенокъ, заботливо закутанный въ плащъ, съ шапочкой на головѣ; его держитъ за руку старая, сгорбленная нянька. Вотъ дѣвочка, идущая съ матерью; она двигается нѣсколько позади и, поднявъ лицо кверху, засыпаетъ мать вопросами; чтобы не потеряться, она держится за подолъ материнскаго платья и тащится какъ на буксирѣ. Вотъ еще статуэтка, изображающая школьника, который возвращается домой: онъ почти заснулъ на плечѣ у раба, взявшаго его на руки и освѣщающаго путь фонаремъ.

(Pottier. Les Statuettes de terre cuite dans l'antiquité, стр. 169—173).

3. Черты греческихъ нравовъ.

Болтунъ.—„Болтунъ, сидя рядомъ съ незнакомымъ человѣкомъ, примется расхваливать свою собственную жену, расскажетъ сонъ, который онъ видѣлъ въ предшествующую ночь, и сообщитъ подробное меню съѣденнаго

¹⁾ Прюдоммъ — безсмертный типъ глубоко-самодовольнаго и духовно-ничтожнаго человѣка, созданный французскимъ писателемъ Монье.

имъ обѣда. Затѣмъ онъ прибавить, что нынѣшніе люди не годятся въ подметки жившимъ въ старину, что хлѣбъ снова подорожалъ, что море открыто для плаванія съ праздника Діонисій, что если еще пройдетъ дождь, то урожай будетъ лучше, что въ будущемъ году онъ примется за обработку своей земли, и что жить вообще очень трудно“.

Скупой.—„Скряга самъ ходитъ собирать у своихъ должниковъ проценты за мѣсяцъ, будь это хоть поль-обола (3 коп.). Онъ высчитываетъ во время трапезы, сколько кубковъ выпиваетъ каждый собутыльникъ. Если рабъ разобьетъ горшокъ или блюдо, онъ стремится возмѣстить цѣнность ихъ экономіей въ ѣдѣ. Если жена его потеряетъ трихалкъ (около 2 коп.), передвигается вся мебель, кровати, сундуки, и перевертываются всѣ покрывала. Онъ не позволяетъ сорвать фигу въ своемъ саду, перейти черезъ свое поле, подобрать упавшую съ дерева маслину. Каждый день онъ провѣряетъ, на мѣстѣ ли границы его владѣній. Онъ не позволяетъ своей женѣ одолжить кому-нибудь соли, свѣтильни для лампы, тмину, душицы, ячменя, вѣнковъ, говоря, что изъ всѣхъ этихъ мелочей за годъ выйдетъ крупная сумма. Онъ носитъ плащъ, доходящій только до бедеръ; натирается масломъ изъ крохотнаго флакончика; стрижетъ голову догола и разувается средь бѣла дня“...

На халъ.—„Покупая въ самый разгаръ торговли орѣхи, мирты, каштаны, онъ поѣдаетъ ихъ и заводитъ въ то же время разговоръ съ продавцомъ. Онъ позоветъ по имени какого-нибудь прохожаго, не будучи даже знакомъ съ нимъ; если увидитъ спѣшащаго куда-нибудь человѣка, то попроситъ подождать его. Если ему на глаза попадетъ человѣкъ, только-что проигравшій на судѣ крупный процессъ, онъ подойдетъ къ нему и поздравитъ его. Онъ остановится около мастерской парикмахера или лавочки косметическихъ принадлежностей и заявить, что желаетъ хорошенько напиться. Если онъ пойдетъ съ матерью къ прорицателю, то будетъ лишь кощунствовать. Во время молитвы или возліянія онъ нарочно уронитъ вазу и примется хохотать, будто тутъ есть что-то удивительное. Онъ то станетъ аплодировать флейтисткѣ въ такой моментъ, когда всѣ соблюдаютъ

тишину, то—напѣвать вполголоса исполняемую арію или просить, чтобы ее поскорѣе окончили. А когда онъ отплевывается, то плюнетъ прямо черезъ столъ въ виночерпія“.

Франтъ.—„Онъ часто стрижется, заботится о бѣлизнѣ своихъ зубовъ, всегда имѣетъ прекрасные плащи и сильно надушенъ. На агорѣ онъ держится около банкирскихъ конторъ и постоянно посѣщаетъ гимназіи эфебовъ; въ театрѣ во время представленій садится около стратеговъ. Для себя онъ не покупаетъ самъ ничего, но посылаетъ своимъ друзьямъ прекрасные подарки: въ Кизикъ—лаконскихъ собакъ, въ Родосъ—гиметскій медъ, и старается распуścić объ этомъ слухъ по городу. Онъ держитъ обезьянъ, которыхъ умѣетъ обучать, имѣетъ сицилійскихъ голубей, бабки изъ костей серны, флакончики для благовоній изъ Туріума, крученныя палки изъ Лаконіи, персидскіе обои съ фигурами; у него есть даже помѣщеніе для игры въ мячъ и маленькая палестра съ необходимымъ количествомъ пыли. Если, прогуливаясь по городу, онъ встрѣчаетъ философовъ, софистовъ, учителей фехтованія или музыкантовъ, то предлагаетъ имъ свой домъ для упражненій въ ихъ искусствѣ“...

Гордецъ.—„Если кто-нибудь хочетъ поговорить съ нимъ, онъ, не останавливаясь, замѣчаетъ, что застать его можно дома послѣ обѣда. Если народъ выбираетъ его должностнымъ лицомъ, онъ отказывается, клянясь, что у него нѣтъ времени для общественныхъ дѣлъ. Онъ никогда не подойдетъ къ кому-нибудь первымъ. Если приходится обратиться къ нему за дѣломъ, онъ назначитъ свиданіе на разсвѣтѣ. На улицѣ онъ не вступаетъ съ прохожими въ разговоры и ходитъ съ опущенной головой. Когда онъ приглашаетъ друзей на обѣдъ, то не садится съ ними, а поручаетъ кому-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ занимать ихъ. Если онъ идетъ въ гости, то посылаетъ предупредить объ этомъ“.

(Θεοφραστῆς. Характеры, гл. 3, 10, 11, 12, 21, 24).

4. Общительность аѳинянъ.

Грекъ былъ общителенъ отъ природы, и дружба казалась ему драгоцѣннымъ достояніемъ. Въ одной граціозной пѣсенкѣ, распѣваемой на пирахъ (такъ называемой сколіи), перечисляются условія, при которыхъ смертный можетъ считаться счастливымъ: на первомъ мѣстѣ ставится здоровье, на второмъ—красота, на третьемъ—честно пріобрѣтенное богатство, наконецъ, на четвертомъ—дружба, которую въ юности питаютъ къ людямъ своего возраста. Вѣроятно, это опредѣленіе счастья принадлежитъ аѳинянамъ, настолько оно согласуется съ ихъ понятіями и нравами. Дѣйствительно, въ Аѳинахъ болѣе, чѣмъ-гдѣ либо, цѣнили дружбу и старались развивать ее. Безъ нея — нѣтъ удовольствій: она придаетъ очарованіе жизни и украшаетъ послѣднюю.

Вспоминается нарисованная Аристофаномъ картина сельскихъ радостей среди мирной и полной изобилія обстановки: «Можетъ ли быть что-либо пріятнѣе, когда, любуясь застѣянной нивой, которой богъ посылаетъ орошеніе, говоришь своему сосѣду: „Эй, Комархидъ, что бы намъ сдѣлать сейчасъ хорошаго? Не выпить ли, разъ боги даруютъ намъ свою благосклонность?“».

Дружба, доставляющая наслажденіе во всякомъ возрастѣ, была распространена даже среди дѣтей и служила для нихъ источникомъ живыхъ удовольствій. Особенно часто нѣжныя дружескія отношенія, продолжавшіяся за предѣлы юношескаго возраста, завязывались между дѣтьми въ то время, когда они были у педотриба ¹⁾; позднѣе, когда юноши дѣлались эфебами ²⁾, они любили запечатлѣвать свои дружескія чувства, начертывая на мраморѣ эпитеты, которые они давали другъ другу.

Сократъ, глядя на дружбу двухъ молодыхъ людей, Менексена и Лизія, сдѣлалъ добродушное признаніе: „Съ дѣтства я стремился къ одному благу, такъ какъ всѣ люди

¹⁾ Педотрибъ—см. вып. I, стр. 70, § 4.

²⁾ Эфебъ—см. вып. I, стр. 87, § 10.

желаютъ для себя блага, понимая его каждый по-своему: одинъ желаетъ лошадей, другой—собакъ; этотъ—богатства, тотъ—почестей. Что касается меня, то я совершенно равнодушенъ ко всѣмъ этимъ вещамъ, но я очень горячо желаю пріобрѣсти друзей, и я скорѣе предпочелъ бы имѣть добраго друга, чѣмъ лучшаго перепела или самаго лучшаго на свѣтѣ пѣтуха, клянусь Зевсомъ! и болѣе того, другъ мнѣ пріятнѣе прекрасной лошади и прекрасной собаки. И клянусь собакой! я думаю, что мнѣ больше хотѣлось бы имѣть друга, чѣмъ сокровища Дарія и самого Дарія на придачу, такъ страстно я жажду дружбы. Поэтому, когда я вижу тебя и Лизія, я проникаюсь удивленіемъ по поводу вашего счастья: какъ это, будучи столь молодыми, вы оказались способными пріобрѣсть съ такою легкостью и быстротою подобное сокровище“.

(P. Girard. L' Éducation athénienne, стр. 261 — 262).

5. Приглашеніе.

Сократъ рассказываетъ слѣдующее: „Вчера я отправился съ Главкономъ въ Пирей съ цѣлью помолиться богинѣ Бендисъ и посмотрѣть, какъ будетъ устроено торжество, празднуемое въ первый разъ. Процессія мнѣ очень понравилась... Когда мы совершили нашу молитву и посмотрѣли на церемонію, мы двинулись обратно въ городъ. Полемархъ, сынъ Кефала, замѣтивъ насъ издали, приказалъ сопровождавшему его рабу побѣжать за нами и попросить подождать ихъ. Рабъ догналъ насъ и, дернувъ меня за плащъ, сказалъ: „Полемархъ проситъ васъ подождать его“.— Я обернулся и спросилъ, гдѣ же его господинъ. „Онъ“, отвѣтилъ рабъ, „идетъ сзади; подождите его минутку“.— „Хорошо, подождемъ“, отвѣтилъ Главконъ.

Немного погодя, мы увидали Полемарха съ Адимантіемъ, братомъ Главкона, и Никерата, сына Никія, которые возвращались съ церемоніи. Полемархъ, догнавъ насъ, сказалъ мнѣ: „Сократъ, вы, кажется, возвращаетесь въ городъ?—Ты не ошибся, —отвѣтилъ я ему.—Ты видишь, сколько насъ?—Да.—Такъ пересильте насъ или останьтесь здѣсь. — Есть

еще одинъ исходъ: убѣдить васъ, что насъ слѣдуетъ отпустить.—Какъ же вы насъ убѣдите, если мы не хотимъ слушать вашихъ доводовъ?—Вѣрно,—сказалъ Главконъ,—тогда это невозможно.—Ну, такъ знайте же,—сказалъ Полемархъ,—что васъ никто не слушаетъ.—Развѣ вы не знаете,—замѣтилъ Адимантъ,—что сегодня въ честь богини будетъ шествіе со свѣтильниками на коняхъ, а кромѣ того устраивается ночное бдѣніе, которое стоитъ посмотрѣть? Мы пойдемъ туда послѣ ужина и побесѣдуемъ тамъ съ разными молодыми людьми, которые явятся на зрѣлище.—Очевидно, придется остаться,—сказалъ Главконъ.—Если ты хочешь этого,—прибавилъ я,—то мы останемся“.

Тогда мы пошли въ домъ Полемарха, гдѣ застали двухъ его братьевъ, Лизія и Эвидема, а также Тразимаха Халкидонскаго, Хармантида и Клитофона; былъ тамъ и Кефаль, отецъ Полемарха. Я не видѣлся съ нимъ уже очень давно, и мнѣ показалось, что онъ сильно постарѣлъ. Онъ сидѣлъ, опершись на подушку; на головѣ его былъ вѣнокъ, потому что въ этотъ день онъ совершалъ жертвоприношеніе домашнимъ богамъ. Мы сѣли на расположенныя кругомъ него сѣдалища. Какъ только Кефаль увидѣлъ насъ, онъ призѣтствовалъ меня и сказалъ: „Сократъ, ты очень рѣдко бываешь въ Пирей, а намъ твои посѣщенія доставляютъ большое удовольствіе. Если бы я былъ еще въ состояніи ходить въ городъ, ты былъ бы избавленъ отъ труда являться къ намъ, потому что я самъ сумѣлъ бы найти тебя. Но теперь ты долженъ почаще приходить сюда, такъ какъ да будетъ тебѣ извѣстно, что по мѣрѣ утраты физическихъ удовольствій я болѣе, чѣмъ когда-либо, нахожу наслажденіе въ бесѣдахъ. Сдѣлай же для меня это одолженіе. Ты можешь также поговорить и съ этими молодыми людьми, но не забывай горячо преданнаго тебѣ друга“.

(П л а т о н ъ. Республика, кн. I).

глав 6. Сообщества.

Среди аѳинянъ были распространены совершенно частные кружки, члены которыхъ должны были имѣть добрыя то-

варищескія отношенія и оказывать другъ другу взаимныя услуги. Одна рѣчь Лизія даетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ. Изъ нея явствуется, что члены этихъ сообществъ имѣли обыкновеніе поддерживать другъ друга на судѣ; каждый изъ нихъ охотно свидѣтельствовалъ въ пользу своихъ сотоварищей и защищалъ ихъ. Если кто-нибудь испытывалъ нужду въ деньгахъ, то обращался преимущественно къ членамъ своего кружка, хотя, кажется, при случаѣ не считалъ предосудительнымъ и обмануть ихъ.

„Вы заставили меня“, говоритъ одинъ изъ членовъ такого кружка, „дать взаймы Поликлету 12 минъ (около 445 руб.), при условіи, что я возьму подъ залогъ его лошадь. Поликлетъ привелъ мнѣ лошадь, которая во время войны была разбита на ноги. Я рѣшительно заявилъ, чтобы онъ взялъ ее обратно; но Діодоръ уговорилъ меня принять ее, увѣряя, что, если лошадь падетъ, Поликлетъ возвратитъ мнѣ мои 12 минъ безъ всякихъ возраженій. Но, когда лошадь въ самомъ дѣлѣ пала, тотъ же самый Діодоръ сталъ на сторону моихъ противниковъ и доказываетъ теперь, что я не имѣю права требовать денегъ“. (Лизія, VIII рѣчь, 10).

Когда членъ сообщества вызывалъ чье-нибудь неудовольствіе своимъ поведеніемъ, на него можно было жаловаться въ общемъ собраніи, и рѣчь Лизія какъ разъ и была произнесена при подобныхъ обстоятельствахъ. Надо отмѣтить, что каждый членъ имѣлъ право когда угодно выйти изъ сообщества.

7. Общества взаимопомощи.

Эти общества по своей благотворительной организаціи и религіозному характеру можно было бы принять за совершенно современныя учрежденія. Каждое общество имѣло общую кассу, пополнявшуюся двумя источниками доходовъ: прежде всего, добровольными вкладами, затѣмъ— членскими взносами, называемыми *ἐρανος*. Тотъ, кто отказывался отъ уплаты этого взноса, исключался изъ общества, если у него не было смягчающихъ обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, денежныхъ затрудненій или болѣзни. Члены общества, или

эранисты, устраивали совместно нѣкоторыя празднества, собирались для жертвоприношеній и для пиршествъ; въ то же время они оказывали другъ другу взаимную поддержку.

Если членъ общества подвергался какимъ-нибудь несчастіямъ имущественнаго характера, онъ получалъ отъ со товарищей ¹⁾ помощь съ обязательствомъ возвратить долгъ, когда условія его жизни сдѣлаются болѣе благоприятными. Общества эти устраивали собранія и выносили постановленія, которыя записывались на каменныхъ плитахъ, стоящихъ въ святилищѣ: это былъ ихъ архивъ.

Собранія были закрытыми: никто посторонній не пользовался правомъ входа на нихъ. Тамъ долженъ былъ царствовать самый строгій порядокъ; уставъ воспрещалъ производить шумъ; нарушителей устава подвергали или денежнымъ штрафамъ или тѣлеснымъ наказаніямъ. Во главѣ общества находилось извѣстное число должностныхъ лицъ, избираемыхъ большею частью по жребію. Главнѣйшими изъ нихъ были: предсѣдатель, затѣмъ, такъ называемый археранистъ, наблюдавшій за финансовымъ управленіемъ, секретарь, казначей, старшины, комиссары, жертвоприносители, глашатай, жрица, управлявшая женскимъ отдѣленіемъ общества.

Когда эти должностныя лица выходили въ отставку, добросовѣстно выполнивъ свои обязанности, наградой имъ служили почести, какими окружали ихъ благодарные сочлены. Эти общества почти всегда носили названія по именамъ чтимыхъ ими боговъ.

(Wescher. *Revue archéol.*; nouv. série, т. X, стр. 460—461).

8. Нѣкоторыя греческія игры.

1. Игра въ пять камешковъ.

„Для этой игры“, говоритъ Поллуксъ²⁾, „бралось пять ма-

¹⁾ Вешеръ (Wescher), у котораго заимствованъ этотъ отрывокъ, неправильно говоритъ: „изъ общей кассы“. (Прим. автора).

²⁾ Поллуксъ—см. вып. I, стр. 31, прим. 1.

ленькихъ камешковъ (λίθια), кубиковъ (ψήφαι) или маленькихъ бабокъ (ἀστράγαλοι). Ихъ подбрасывали и старались поймать на верхнюю часть кисти руки. Если не удавалось поймать всѣхъ ихъ, остальные нужно было подбирать съ земли пальцами“. Это совершенно соотвѣтствуетъ современной игрѣ въ камешки.)

Игра въ бабки.

На одной картинѣ въ Неаполитанскомъ музеѣ изображены пять богинь, изъ которыхъ двѣ—Аглая и Гилеэра, находя-

щіяся на переднемъ планѣ, играютъ въ эту игру. Три бабки лежатъ на землѣ; одна, четвертая,—подъ большимъ пальцемъ Аглаи, а пятая закрыта, несомнѣнно, ея одѣянiями или находится въ ея лѣвой рукѣ. Очередь играть за Гилеэрой. Она подбросила свои пять бабокъ, поймала изъ нихъ три на верхнюю часть кисти руки, а двѣ упали на землю.

2. Игра въ жмурки.

Поллуксъ описываетъ нѣсколько однородныхъ игръ, называя ихъ игрой въ слѣпого; всѣ онѣ имѣютъ одну общую черту, состоящую въ томъ, что одинъ изъ играющихъ долженъ былъ непременно зажимать глаза. Но всѣ эти игры подходятъ подъ ту современную игру, которая называется жмурками. Ихъ было три.)

1. „Одинъ изъ играющихъ, ставъ съ закрытыми глазами, кричитъ: „Берегись!“ и бросается въ догонку за убѣгающими. Тотъ, кого онъ поймаетъ, занимаетъ его мѣсто и въ свою очередь зажимаетъ глаза“.

2. „Одинъ изъ играющихъ зажимаетъ глаза, а остальные прячутся. „Слѣпой“ ищетъ ихъ, пока ему не удастся найти кого-нибудь“.

3. „Требуется, чтобы „слѣпой“ или дотронулся до одного изъ своихъ сотоварищей, или указалъ на него и, догадавшись, кто это, назвалъ его по имени“. (Pollux, IX, 113).

3. Игра въ мячъ.

„Играющіе раздѣляются на два лагеря“, говоритъ Пол-

луксъ; „посрединѣ проводятъ осколкомъ камня черту и на нее кладутъ мячъ. Позади каждаго лагеря проводятъ двѣ другихъ черты. Схватившій мячъ бросаетъ его черезъ головы игроковъ противнаго лагеря, которые стремятся поймать его и кинуть обратно. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока одной изъ партій не удастся отбросить другую за дальнюю черту“.

Евстафій ¹⁾ добавляетъ нѣсколько подробностей. Сначала играющіе затѣваютъ настоящую борьбу; оба лагеря, находящіеся, вѣроятно, вначалѣ на заднихъ чертахъ, бросаются къ лежащему въ центрѣ мячу. Тотъ, кто сумѣлъ схватить мячъ, бросаетъ его затѣмъ изо всѣхъ силъ, а противная партія въ свою очередь старается отбросить его назадъ. Играющіе пользовались для этого всѣми средствами: они ударили мячъ на лету или ловили его и снова бросали рукой; а если онъ катился по землѣ, то ударомъ ноги отбивали его обратно. Каждая партія двигалась то впередъ, то назадъ, въ зависимости отъ движеній мяча, пока какая-нибудь изъ сторонъ не переходила крайней черты.

Эта игра требовала одновременно и ловкости и силы. Передъ игрой участвующіе въ ней натирались масломъ, чтобы придать членамъ бѣльшую гибкость и удобнѣе выскальзывать изъ рукъ своихъ противниковъ.

Разновидностью игры въ мячъ была такъ называемая фенинда. Тутъ лагерь, который долженъ былъ бросать мячъ съ опредѣленнаго мѣста, стремился забросить его какъ можно дальше отъ этого пункта; противный лагерь, наоборотъ, отбиваетъ его такъ, чтобы онъ упалъ возможно ближе къ мѣсту своего первоначальнаго нахожденія. Если брошенный мячъ не былъ отбитъ до паденія на землю или послѣ перваго удара его о землю, игра пріостанавливалась; отмѣчалось то мѣсто, куда упалъ мячъ, и лагери играющихъ мѣнялись мѣстами. Теперь съ того же мѣста бросалъ мячъ противный лагерь, стараясь, чтобы онъ упалъ дальше отмѣченнаго мѣста.

¹⁾ Евстафій Солунскій—церковный дѣятель и писатель XII вѣка, изучавшій жизнь грековъ.

Такимъ образомъ, въ первой игрѣ предѣльныя границы были опредѣлены и извѣстны заранѣе; въ фениндѣ же онѣ мѣнялись въ зависимости отъ ударовъ противниковъ.

4. Игра въ кости.

Греки очень любили игру въ кости. По словамъ Тео-помпа ¹⁾, вессалійцы большую часть времени проводили за игрой въ кости и за выпивкой. Это увлеченіе раздѣлялось и спартакцами. Въ Аѣинахъ игра получила такое распространеніе, что два комическихъ поэта вывели игроковъ въ кости на сценѣ. Игорные дома встрѣчались тамъ, несмотря на строгія запрещенія законовъ, на каждомъ шагу. Игроки прятались, уходили за городъ. Евстафій утверждаетъ, что они находили убѣжище даже въ храмахъ, особенно въ храмѣ Аѣины Скирады. „Потому-то“, прибавляетъ онъ, „игорные дома и стали называться скирафїями“.

Игральныя кости (κύβες) изготовлялись изъ слоновой и простой кости, изъ дерева, золота или изъ драгоценнаго матерьяла и были очень похожи на современные. На каждой изъ шести сторонъ кубика по бѣлому полю дѣлались углубленія, которыя окрашивались въ черный цвѣтъ. Эти углубленія были расположены, какъ и на нашихъ костяхъ: одно очко—въ центрѣ, два и три—по діагональной линіи, четыре и шесть—по двумъ параллельнымъ линіямъ, а пять—по перекрещивающимся діагоналямъ. Сначала кости бросали рукой, впослѣдствіи для этой цѣли стали пользоваться особымъ стаканчикомъ. Ихъ бросали и на землю и на другія поверхности. Игра велась по желанію—одной, двумя или тремя костями. Ударъ, которымъ выбрасывались сразу три шестерки, назывался „самымъ счастливымъ ударомъ“.

5. Игра въ бабки.

Бабки у грековъ носили названіе астрагаловъ. Обыкновенно пользовались натуральными бабками, но часто ихъ выдѣлывали искусственно изъ слоновой кости, бронзы и золота. Форма ихъ была такова, что онѣ не могли при

¹⁾ Тео пом пъ — греческій историкъ, родившійся въ 380 г. до Р. Х.

падєніи лечь на два крайнихъ конца; поэтому въ счетъ шли только четыре стороны, а не шесть, какъ въ предыдущей игрѣ. Хотя на сторонахъ и не было обозначено количество очковъ, однако каждая изъ нихъ имѣла опредѣленное численное значеніе: 1, 3, 4 и 6. Сторона, получившая значеніе одного очка, называлась собакой или *Хіосомъ*; противоположная сторона, означавшая 6, носила наименованіе *Коса*. Бабки бросались или рукой или изъ стаканчика.

Игры въ бабки и въ кости были азартными. Игра велась четырьмя бабками. Насчитывалось 35 комбинацій, которыя могли произойти при ударахъ, а поэтому послѣдніе дѣлились на счастливые, несчастливые и посредственные. Каждый ударъ имѣлъ свое особое названіе. Напримѣръ, если всѣ бабки падали на различныя стороны, то это называлось „ударомъ Афродиты“; онъ считался самымъ удачнымъ, тогда какъ худшимъ былъ тотъ ударъ, при которомъ бабки давали четыре стороны съ однимъ очкомъ.

(*Beccq de Fouquières. Les jeux des anciens*, стр. 51, 84, 185—189, 309 и сл., 327 и сл.).

9. Коттабъ.

Эта игра, заимствованная изъ Сициліи, сдѣлалась необходимой принадлежностью каждаго пира. Ею занимались во время той части пиршества, которая носила названіе симпосіона¹⁾. Коттабъ состоялъ въ слѣдующемъ: пирующій, выпивая свой кубокъ, оставлялъ всегда на днѣ немного вина; затѣмъ, придерживая кубокъ однимъ пальцемъ, просунутымъ въ отверстіе ручки, онъ дѣлалъ рукой движеніе, какъ при метаніи пращи; вино выплескивалось со дна кубка и попадало или въ противоположную стѣну пиршеской залы или въ опредѣленную цѣль. Въ это время задумывали или произносили громко имя любимой особы и слѣдили, насколько точно жидкость попадала въ намѣченную цѣль, или какова была сила звука, производимаго при

¹⁾ Симпосіонъ—см. вып. II, стр. 43.

паденіи вина; въ зависимости отъ этого играющій надѣялся узнать, платятъ ли ему взаимностью или онъ долженъ разсчитывать только на равнодушіе.

Игра въ коттабъ.

Изъ такого первоначальнаго способа игры воображеніе пьющихъ создало сотни различныхъ комбинацій. Выбирался распорядитель коттаба, царь; устраивалось своего рода состязаніе, гдѣ были и побѣдители и призы, даже ставки и штрафы. Вино выплескивали въ тактъ звукамъ флейты. Мишенью иногда служили вѣсы, на чашки которыхъ надо было попасть виномъ и такимъ образомъ раскатать ихъ; иногда же воздвигалось цѣлое сооруженіе изъ разныхъ предметовъ съ такимъ разсчетомъ, что, когда одинъ изъ нихъ падалъ подъ ударомъ жидкости, то вызывалъ паденіе и ряда другихъ.

Коттабъ сдѣлался модной игрой, и имъ очень увлека-

лись въ теченіе цѣлаго столѣтія Аѣины, Коринѣ, Оивы и всѣ города, которые любили удовольствія и кичились своимъ изяществомъ. Ни одинъ хорошо устроенный пиръ не обходился безъ этой игры; для нея стремились заводить самые дорогіе и красивые кубки, а еще болѣе роскошныя чаши служили наградой побѣдителямъ.

(Rayet et Collignon. Hist. de la céram. grecque, стр. 161—162).

✓ 10. Пѣтушійные бои.

Греки страстно любили этотъ видъ развлеченій. И юноши и взрослые мужчины всѣхъ возрастовъ воспитывали и обучали пѣтуховъ для боевъ. Танагрскіе и родосскіе пѣтухи, считавшіеся самыми воинственными, цѣнились особенно высоко; за ними шли мелосскіе и халкидскіе. Для возбужденія въ нихъ воинственнаго пыла ихъ кормили чеснокомъ и лукомъ.

Во время борьбы ихъ ставили другъ противъ друга на особомъ столѣ или на платформѣ съ возвышенными краями, а на шпоры имъ надѣвали бронзовые наконечники. По постановленію закона въ Аѣинахъ ежегодно устраивались въ театрѣ пѣтушійные бои; молодые люди должны были присутствовать при этомъ зрѣлищѣ, чтобы учиться на примѣрѣ этихъ птицъ вести борьбу до послѣдней крайности. Воспоминаніе объ этомъ установленіи запечатлѣно на одной аѣинской монетѣ (тетрадрахмѣ) изображеніемъ пѣтуха съ пальмой. Подобные символы встрѣчаются и на монетахъ другихъ городовъ, какъ Дарданы Троадской, Кариста на о. Эвбеѣ, Антиохіи Писидійской, Клазоменъ, Галатіи, Калеса и Неаполя.

Иногда устраивали еще сраженія перепеловъ; греки питали не меньшую страсть и къ этимъ птицамъ, которыя не уступали въ воинственномъ пылѣ пѣтухамъ. Были люди, создавшіе себѣ специальное занятіе изъ ловли, вскармливанія и обученія перепеловъ бою. Для птичьихъ боевъ употребляли также куропатокъ. Призомъ побѣдителя была

или побѣжденная птица или деньги; ставки часто были очень высоки и даже разорительны для проигравшаго.

(Saglio. Dict. des antiquités, т. I, стр. 180—181).

11. Танцы.

Танцы занимали у грековъ очень важное мѣсто среди другихъ искусствъ. Эллиновъ приводили въ восторгъ ритмическія, стройныя и выразительныя движенія. И лирика, и затѣмъ драма, стремясь придать себѣ больше блеска, ввели въ свой обиходъ танцы. Атеней (XIV, стр. 629) и Лукіанъ (О танцахъ) знакомятъ насъ со множествомъ традиціонныхъ танцевъ. Ихъ было нѣсколько видовъ: одни исполнялись отдѣльными танцорами, другіе—цѣлыми хорами; одни были печальными, другіе—веселыми; одни—мирными, другіе—воинственными. Кромѣ танцевъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, были въ ходу еще марши, которые иногда очень напоминали танцы. Можно было бы сдѣлать безконечное перечисленіе всякаго рода ритмическихъ движеній, примѣнявшихся греками.

Греки предъявляли къ этимъ танцамъ два требованія: во-первыхъ, они должны были отличаться красотой пластики, во-вторыхъ—ясно выражать различныя чувства и извѣстныя мысли.

Пластическая красота танца воплощалась прежде всего въ каждомъ танцорѣ, взятомъ въ отдѣльности. „Есть танцы“, говоритъ Платонъ, „имѣющіе въ виду по преимуществу самое тѣло; они служатъ развитію силы, гибкости, красоты; они учатъ каждый членъ сгибаться и расправляться, въ легкихъ, граціозныхъ движеніяхъ послушно выполнять всякія фигуры и принимать всякія положенія, какія только можно требовать“. Это былъ видъ гимнастики, но гимнастики ритмической, въ тактъ музыкѣ.

Развитіе тѣлесной красоты являлось главною цѣлью не только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ танцевъ, но можно сказать, что это само собой разумѣлось по отношенію ко

всѣмъ танцамъ. Греческіе писатели говорятъ объ этомъ совершенно опредѣленно. Танцоръ не долженъ быть ни слишкомъ высокимъ ни слишкомъ низкимъ, ни толстымъ ни худымъ; необходимо было, чтобы движенія его отличались красотой и правильностью; если онъ взмахивалъ руками, то въ этотъ моментъ долженъ былъ напоминать ловкостью и силой Гермеса, Геркулеса или Поллукса, занимающихся кулачнымъ боемъ.

Въ хоровахъ лирическихъ танцахъ къ красотѣ каждого отдѣльнаго танцора присоединялась прелесть движеній хора, который развѣтывался то въ прямая, то въ волнистыя линіи, то въ параллельныя и встрѣчныя, причемъ эти движенія устраивались и разнообразились на тысячи ладовъ; иногда хоръ состоялъ наполовину изъ юношей, наполовину изъ дѣвушекъ; группы ихъ переплетались, стройно и въ тактъ исполняя простыя и сложныя фигуры.

Лукіанъ даетъ красивое описаніе двухъ такихъ хоровахъ танцевъ. Эти танцы—спартанскіе, т. е. дорическіе по преимуществу; кромѣ того, они носятъ характеръ лирическихъ, потому что рѣчь идетъ объ аккомпанементѣ пѣнія. Одинъ изъ этихъ танцевъ исполнялся только юношами. Онъ начинался борьбой, которая постепенно переходила въ танцы. „Флейтистъ садится тогда среди хора и играетъ, ударяя ногой о полъ. Танцоры двигаются рядами и танцуютъ въ тактъ; они выполняютъ самыя разнообразныя фигуры, которыя сначала носятъ воинственный характеръ, но, впрочемъ, вскорѣ измѣняются подъ вліяніемъ Діониса и Афродиты“. Другой танецъ носилъ названіе „ожерелья“. Хоръ составлялся пополамъ изъ эфебовъ и изъ дѣвушекъ. „Всѣ танцоры“, говоритъ Лукіанъ, „слѣдуютъ другъ за другомъ вереницей, какъ бы образуя ожерелье; одинъ изъ юношей ведетъ танецъ, при чемъ принимаетъ воинственныя позы, вродѣ тѣхъ, какія онъ долженъ былъ бы имѣть на войнѣ; одна дѣвушка граціозно слѣдуетъ за нимъ, подавая примѣръ своимъ подругамъ; такимъ образомъ, ожерелье сплетается изъ дѣвической скромности и мужской силы“.

Танецъ долженъ отличаться не только красотой, но и выразительностью. Онъ, согласно словамъ Платона, „подражаетъ рѣчамъ Музы“. Аристотель говоритъ о танцахъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ: „Они въ ритмическихъ движеніяхъ выражаютъ переживанія, страсти, дѣйствія“. „Танецъ“, говоритъ Лукіанъ, „есть подражательное искусство, которое какъ бы даетъ воплощеніе нашимъ идеямъ, служитъ ихъ выраженіемъ и придаетъ видимую форму невидимымъ мыслямъ“.

Что надо разумѣть подъ этимъ? Идетъ ли здѣсь рѣчь о пантомимѣ, т. е. о точномъ воспроизведеніи движеній, которыя соотвѣтствуютъ извѣстнымъ, выраженнымъ словами положеніямъ, или же говорится о подражаніи болѣе общаго характера?

Несомнѣнно, что танецъ очень часто носилъ чисто подражательный характеръ въ самомъ точномъ значеніи этого слова. Напримѣръ, танцоры изображали подобіе битвы: они совершали въ тактъ всѣ движенія, какія имѣютъ мѣсто въ сраженіи: дѣлали видъ, что мечутъ стрѣлы или уклоняются отъ нихъ, бросаютъ копье и отражаютъ ударъ; они бѣжали впередъ, отступали, нагибались, падали на землю, какъ бы раненые или убитые, быстро подымались и мѣняли фронтъ.)

Въ сочиненіи Ксенофонта „Пиръ“ два лица—юноша и дѣвушка—изображаютъ въ танцѣ свадьбу Діониса и Аріадны. Они танцуютъ и поютъ подъ звуки флейты. Своими позами, движеніями, жестами они воспроизводятъ всю сцену; это настоящая маленькая драма, разыгрываемая передъ пирующими.

Подражаніе въ танцѣ можетъ быть и иного рода. Медленность или быстрота движеній танца, болѣе или менѣе строгая гармоничность ихъ могутъ просто пробудить въ душѣ чувства, соотвѣтствующія общему характеру этихъ движеній. Въ такомъ смыслѣ это также подражаніе: спокойный, благородный танецъ какъ бы подражаетъ нравственной красотѣ, благородству, спокойствію не смущаемой страстями души. Наоборотъ, чрезчуръ разнообразныя

движенія, быстро смѣняющія другъ друга, служатъ выраженіемъ величайшей радости или сильныхъ страстей, какова бы ни была, впрочемъ, сущность и этихъ страстей и этой радости.

Но даже и въ вышеописанныхъ танцахъ подражаніе заключается не только въ отдѣльныхъ жестахъ, съ помощью которыхъ танцоры изображаютъ дѣйствіе во всей его реальности, заставляя его какъ бы оживать передъ глазами зрителей; оно зависитъ еще—и, пожалуй, въ гораздо большей степени—отъ общаго характера этихъ движеній и отъ печальныхъ или веселыхъ, нѣжныхъ или страстныхъ чувствъ, которыя они вызываютъ въ душѣ зрителя своей особой гармоничностью, независимо отъ всякаго спеціальнаго отношенія ихъ къ тому или иному частному событію.

Среди безконечнаго разнообразія греческихъ танцевъ можно выдѣлить небольшое число основныхъ типовъ, къ которымъ примыкали всѣ второстепенныя разновидности ихъ. Одни танцы носили важный, спокойный, религіозный характеръ; другіе—живой и веселый; были, наконецъ, танцы страстные, стремительные, увлекающіе.

Въ драмѣ эти три основныхъ типа находили воплощеніе въ эммеліи, кордакѣ и сикиннидѣ. Въ лирическихъ представленіяхъ въ собственномъ значеніи этого слова они назывались гимнопедіей, гипорхемой и пиррихой.

Эммелія—это танецъ хора въ трагедіи, дышавшій благородствомъ и достоинствомъ; спартанская гимнопедія была, несомнѣнно, лишь разновидностью эммеліи. Кордакъ исполнялся хоромъ въ комедіи и своимъ живымъ и легкимъ темпомъ напоминалъ гипорхему; но часто въ этотъ танецъ, въ зависимости отъ общаго духа греческой комедіи, вносился оттѣнокъ извѣстной вольности, тогда какъ въ гипорхемѣ ничего подобнаго не было.

Равнымъ образомъ, пирриха и сикиннида походили другъ на друга захватывающей стремительностью движеній; но первая была чисто воинственнымъ танцемъ и возбуждала лишь

гордые страсти; вторая же, исполняемая хоромъ въ сатирической драмѣ, выражала часто опьяненіе совѣмъ другого рода.

(A. Croiset. La Poésie de Pindare, стр. 65—70).

12. Вокальная и инструментальная музыка.

Греческая музыка раздѣлялась, какъ и наша, на вокальную и инструментальную.

Голоса разбивались на мужскіе и женскіе, а каждый изъ этихъ двухъ видовъ въ свою очередь подраздѣлялся на разряды: высокіе, низкіе и средніе голоса. Но такъ какъ греки, въ противоположность намъ, ноты низкія называли высокими, а ноты высокія — низкими, то ихъ разрядъ низкихъ голосовъ соотвѣтствовалъ регистру тенора или сопрано, ихъ средніе голоса — регистру баритона или меццо-сопрано, а высокіе — басовому или контральтовому регистру. Древнимъ казалось, что сильныя и страстныя чувства лучше всего могутъ выражаться наиболѣе высокими голосами; средніе голоса производили впечатлѣніе спокойствія и важности. Наши понятія въ этомъ отношеніи близки къ древнимъ, особенно если допустить, что это дѣленіе не было вполне опредѣленнымъ и неизмѣннымъ.

Киваристка.

Инструменты, какими пользовались греки, наоборотъ, рѣзко отличались отъ нашихъ. Съ точки зрѣнія тембра и силы звука они были необычайно просты и безцвѣтны. Если оставить въ сторонѣ, во-первыхъ, ударные инструменты, употребленіе которыхъ допускалось только въ рѣдкихъ случаяхъ, во-вторыхъ, мѣдные инструменты, предназначавшіеся для войска, наконецъ, пневматическіе или гидравлическіе органы ¹⁾, сравнительно поздняго происхожденія, то въ V вѣкѣ въ Греціи можно видѣть въ употребленіи

¹⁾ Т. е. органы, въ которыхъ воздухъ приводится въ движеніе давлениемъ воды.

только два рода инструментовъ: прежде всего струнные—типа кифары, и духовые—типа флейты.

Кифара была однимъ изъ наиболѣе бѣдныхъ и наименѣе выразительныхъ инструментовъ, какіе только можно вообразить себѣ. Ее сравниваютъ съ арфой безъ педали. Она звучала сухо, монотонно и слабо, и, играя на ней, нельзя было ни усилить, ни ослабить звуковъ, а также ни задерживать, ни ускорить ноты. Однимъ словомъ, она была лишена и разнообразія, и движенія, и звуковой силы. Что же ей оставалось? Одно, но основное, по мнѣнію грековъ, свойство: опредѣленная и строгая чистота звука и какая-то совершенно мужественная ясность.

Греки не требовали отъ своей кифары ни блестящаго и страстнаго воспроизведенія наслажденій, борьбы, страданій, наполняющихъ жизнь, ни измѣнчиваго отраженія тѣхъ мечтаній, въ которыя насъ погружаютъ иногда наши радости и печали; они желали ясныхъ и простыхъ впечатлѣній, являющихся какъ бы эхомъ того Олимпа, гдѣ царствовало вѣчное блаженство. Платонъ изгналъ изъ своей воображаемой республики ¹⁾ слишкомъ богатые звуками и выразительные инструменты, но кифару оставилъ. Это былъ инструментъ національный по преимуществу.

Флейта обладала большимъ блескомъ, разнообразіемъ и гибкостью, болѣе (древнее изображеніе) пріятными звуками. Ею главнымъ образомъ пользовались солисты-виртуозы, потому что безъ аккомпанемента она одна звучала красивѣе, чѣмъ кифара. Въ соединеніи съ кифарой она лучше поддерживала голоса хора, сливалась съ ними, а въ случаѣ необходимости—затушевывала даже ихъ легкіе недостатки. Ею пользовались какъ необходимой принад-

¹⁾ См. вып. II, стр. 47, прим. 2.

лежностью блестящихъ празднествъ; обыкновенно она служила аккомпанементомъ любовнымъ и страстнымъ пѣснямъ. Однако не надо впадать въ заблужденіе. Сама по себѣ флейта, которая, какъ казалось Платону, отличалась такой выразительностью, на самомъ дѣлѣ обладала указаннымъ свойствомъ только по сравненію съ китарой.

Флейта.

Такимъ образомъ, эта возбуждающая страсти флейта представляла собой ни болѣе ни менѣе, какъ кларнетъ съ меньшимъ количествомъ высокихъ нотъ, чѣмъ у современнаго. Впослѣдствіи стали дѣлать флейты съ болѣе сильными звуками, которыя могли соперничать съ настоящими трубами; Гораций ¹⁾ сообщаетъ, что въ его время флейты обкладывали внутри мѣдью. Но древняя флейта служила лишь для того, чтобы направлять и поддерживать пѣніе хоровъ.

Переходя отъ музыкальныхъ инструментовъ къ самой музыкѣ, мы должны отмѣтить не менѣе поразительную разницу между искусствомъ древнихъ грековъ и современныхъ народовъ.

Прежде всего въ греческой музыкѣ почти не примѣнялась гармонія. Это не значитъ, что греки не знали и даже не пользовались на практикѣ аккордами; нѣкоторые аккорды они знали и употребляли. Но эта гармонія отличалась крайней ограниченностью и упрощенностью. Она слегка проявлялась въ аккомпанементѣ и совершенно отсутствовала въ самомъ пѣніи.

Единственный аккордъ, который, повидимому, допускался греками, носилъ у нихъ названіе антифоніи, т. е. октавы. Эту антифонию, казавшуюся грекамъ самымъ прекраснымъ изъ всѣхъ аккордовъ, образовывали соединенные въ одномъ хорѣ мужскіе и женскіе или дѣтскіе голоса. Надо замѣтить, что намъ трудно судить объ этомъ пѣніи: то,

¹⁾ Гораций Флаккъ (65 г. до Р. Х.—8 по Р. Х.)—римскій поэтъ.

что они находили благороднымъ, кажется намъ грубымъ. Ихъ музыкальный вкусъ создавался подъ давленіемъ такихъ религіозныхъ и нравственныхъ понятій, привычекъ ума и воображенія, которыя чужды намъ. Въ музыкѣ, какъ и во всемъ другомъ, они любили ясность и спокойствіе, скорѣе чистоту тона, чѣмъ богатство колоратуры.

Они пѣли обыкновенно въ унисонъ; если же вводили аккордъ, то только самый простой и ясный. Грекамъ были пріятны отчетливыя впечатлѣнія, которыя они предпочитали

Киѳара и флейта.

и съ точки зрѣнія художественной, и какъ моралисты; они какъ бы питали страхъ къ слишкомъ богатой и слишкомъ чувствительной мелодіи, которая казалась имъ сладострастной и недостаточно мужественной.

Тѣмъ не менѣе въ инструментальной музыкѣ они предоставляли гармоніи нѣсколько больше мѣста. Къ антифоніи они прибавили симфонію, къ аккорду въ октаву—аккордъ въ кварту и квинту, а можетъ быть, и нѣсколько другихъ. Эти аккорды создавались иногда при созвучіи различныхъ инструментовъ, чаще—инструментовъ и голосовъ. Но все это отличалось еще большою простотою и было только робкими попытками на такомъ пути, ко-

торый мало соотвѣтствовалъ самому духу древности и по которому греки слѣдовали лишь съ большими колебаніями. Въ древне-греческихъ текстахъ, дающихъ намъ свѣдѣнія относительно употребленія извѣстныхъ аккордовъ, выказывается въ то же время рѣшительное предпочтеніе болѣе строгой красотѣ унисона.

Эта простота обнаруживается также и въ мелодіи. Окончательное признаніе октавы произошло у грековъ въ очень позднее время, изобрѣтеніе семиструнной лиры также не было особенно древнимъ. Тѣмъ не менѣе, грековъ приводили въ восторгъ ихъ простенькія аріи. Онѣ заключали въ себѣ для нихъ не только живое очарованіе, но оказывали на ихъ души крайне разнообразное дѣйствіе и могучее вліяніе. Древніе авторы постоянно обсуждаютъ вопросъ о спокойной красотѣ дорическаго лада, нѣжности лидійскаго, гордой энергіи эолійскаго и патетическомъ характерѣ фригійскаго...

Оригинальность этихъ разнообразныхъ ладовъ состояла не только въ заключительной нотѣ ихъ мелодій, но и въ извѣстныхъ каденцахъ ¹⁾ и мотивахъ, свойственныхъ странамъ, откуда произошли тѣ или иные лады; въ послѣдствіи эти каденцы слились съ гаммами, которыя первоначально служили для ихъ выполненія. Все это теперь ускользаетъ отъ насъ. Наши музыканты удивляются, что дорическій ладъ, соотвѣтствующій нашему минорному тону, почитался за его твердую и мужественную важность. Можетъ быть, такое различіе сужденій сильно зависитъ отъ измѣненія нравственныхъ понятій; то, что греки разумѣли подъ мужественнымъ тономъ, разумѣется, не вполне соотвѣтствовало понятію, вызываемому въ насъ этими самыми словами.

(A. Croiset. La Poésie de Pindare, стр. 72—83).

13. Музыка въ Спартѣ.

Спартанцы обращали большое вниманіе на музыку и пѣніе. Ихъ собственная музыка отличалась чѣмъ-то про-

¹⁾ Каденца—вводный эпизодъ въ музыкальномъ произведеніи, не имѣющій неразрывной связи съ основной темой.

никновеннымъ, возбуждающимъ мужество и великодушныя чувства, внушающимъ великіе порывы энтузіазма. Слова пѣсенъ были просты и мужественны. Они лишь восхваляли тѣхъ, кто жилъ благородно и имѣлъ счастье умереть за Спарту, или же порицали людей, проявившихъ трусость, обрекая ихъ на жалкое и несчастное существованіе. Наконецъ, въ пѣсняхъ прославлялась и воспѣвалась въ соотвѣтствующихъ выраженіяхъ храбрость, приличествующая разнымъ возрастамъ.

Сообразно съ тремя возрастами человѣка, у спартацевъ было три хора. На празднествахъ эти хоры соединялись, и старцы начинали пѣть:

„Въ прежнія времена и мы были
Молоды, сильны и смѣлы!“

Послѣ нихъ хоръ мужей подхватывалъ:

„Мы сильны и смѣлы теперь
И можемъ доказать это всякому встрѣчному!“

Третій хоръ, дѣтскій, доканчивалъ затѣмъ:

„Наступитъ день, когда и мы будемъ такими же
И даже превзойдемъ васъ во многомъ“.

Наконецъ, военныя пѣсни спартацевъ внушали мужество, увѣренность въ себѣ и презрѣніе къ смерти. При столкновеніи съ непріателемъ эти пѣсни пѣли хоромъ подъ аккомпанементъ флейты. Ликургъ использовалъ любовь къ музыкѣ для военныхъ упражненій, чтобы избытокъ воинственнаго пыла упорядочивался мѣрными звуками и чтобы въ него были внесены совершенная гармонія и согласованность дѣйствій. Въ виду этого царь передъ началомъ битвы приносилъ жертву Музамъ, чтобы сражающіеся совершили подвиги, о которыхъ стоило бы рассказать и передать со славою потомству.

Но видоизмѣнять старую музыку строго воспрещалось. Самъ Терпандръ ¹⁾, искуснѣйшій музыкантъ своего времени, пѣвецъ героическихъ подвиговъ, былъ приговоренъ эфорами къ штрафу, потому что онъ, стремясь къ разно-

¹⁾ Терпандръ—греческій музыкантъ и поэтъ VII в. до Р. Х.

образію аккордовъ, прибавилъ одну струну къ лирѣ: до такой степени пользовались любовью самыя простыя мелодіи.

(Плутархъ. Обычаи спартанцевъ, 14—17).

14. Лавочки парикмахеровъ.

Забота о наружности заставляла аѳинянь высшаго общества часто заглядывать въ лавочки своихъ парикмахеровъ, и въ то время, какъ одинъ изъ посѣтителей, закутанный въ халатъ, былъ занятъ стрижкой волосъ и бороды, а другой ожидалъ своей очереди, языки остальныхъ работали во всю: греки всегда были большими любителями поболтать. Лавочки парикмахеровъ въ Аѳинахъ были, такимъ образомъ, мѣстомъ свиданій праздныхъ людей; онѣ играли роль нашихъ современныхъ кафе. Туда приходили даже безъ всякаго дѣла—просто, чтобы повидать пріятелей, узнать или рассказать сплетни, поговорить о политикѣ...

Каждое сословіе, каждый отдѣльный человѣкъ имѣлъ свои собственныя привычки, и тотъ, кто хорошо былъ знакомъ съ Аѳинами, зналъ, что въ такой-то лавочкѣ была вѣроятность встрѣтить такихъ-то и такихъ-то людей...

Въ высшей степени похвальное желаніе развлечь своихъ посѣтителей, привычка постоянно слышать вокругъ себя болтовню праздныхъ людей развили въ парикмахерахъ страсть говорить обо всемъ, судить вкривь и вкосъ. За ними была твердо установлена репутація болтуновъ и легковѣрныхъ людей, и Плутархъ (*De garrulitate*, 13) рассказываетъ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ, чтобы доказать справедливость этого...

(Rayet. *Monuments de l'art antique*, т. II).

15. Ссора между молодыми людьми.

„Однажды вечеромъ я, по своему обыкновенію, прогуливался по агорѣ съ Фаностратомъ, молодымъ человѣкомъ моихъ лѣтъ. Вдругъ мимо насъ проходитъ сынъ Конона Ктесій, который былъ пьянъ. Онъ замѣчаетъ насъ, вскри-

киваетъ и, говоря самъ съ собой, какъ это случается съ пьяными, такъ что нельзя было разобрать, о чемъ онъ говоритъ, — идетъ впереди насъ къ кварталу Мелита. Тамъ у валяльщика Памфила собралась для выпивки довольно большая компанія. Ктесій заставляеть ихъ встать и идти на агору.

Они встрѣтились съ нами; тутъ-то и возгорѣлась ссора. Одинъ изъ нихъ—кто именно, я не могъ узнать—бросился на Фанострата и схватилъ его. Ктесій, его отецъ Кононь и нѣкій Θεогенъ окружили насъ, набросились на меня, сорвали сначала мой плащъ, а затѣмъ, подставивъ мнѣ ногу, столкнули въ канаву и надавали такихъ ударовъ ногами и палками, что у меня оказалась разбитой губа и глаза затекли до такой степени, что я не могъ раскрыть ихъ. Однимъ словомъ, они оставили меня въ такомъ ужасномъ состояніи, что я не могъ ни подняться, ни говорить. Лежа на землѣ, я слышалъ, какъ они осыпали меня разными оскорбленіями...

Кононь закричалъ, подражая пѣтуху, выпускающему свой побѣдный крикъ; другіе говорили ему, чтобы онъ изобразилъ съ помощью рукъ хлопанье крыльевъ.

Въ это время мимо шли прохожіе, которые подобрали меня, а тѣ люди убѣждали съ моимъ плащомъ. Когда меня доставили домой, моя мать и служанки подняли крикъ отъ ужаса. Меня не безъ труда отнесли въ баню и, когда хо-рошенько помыли, то показали врачамъ.

(Демосѳенъ. Противъ Конона, 7—9).

16. Охота.

Въ сочиненіи Бартелеми ¹⁾ скиѳъ Анахарсисъ попадаетъ къ Ксенофонту въ его Скиллонское помѣстье; авторъ

¹⁾ Бартелеми (Barthélemy)—французскій ученый XVIII вѣка, описавшій въ формѣ живого повѣствованія бытъ древнихъ грековъ. Фабулой его произведенія „Путешествіе молодого Анахарсиса въ Грецію“ служитъ воображаемое странствованіе молодого скиѳа по Греции и его впечатлѣнія отъ греческой жизни.

пользуется этимъ пріемомъ, чтобы описать греческую охоту по сочиненію самого Ксенофонта.

„Иногда“, рассказываетъ Анахарсисъ, „хозяинъ помѣстья убѣждалъ насъ пойти на охоту, которую онъ настойчиво рекомендовалъ молодымъ людямъ въ качествѣ упражненія, лучше всего пріучающаго къ военнымъ трудностямъ.

„Діодоръ (его сынъ) часто водилъ насъ на охоту за перепелами, куропатками и другими птицами. Мы вынимали птицъ изъ клѣтокъ и привязывали среди нашихъ сѣтей. Птицы той же породы, привлеченныя ихъ криками, попадались въ ловушку и утрачивали жизнь или свободу.

„За этими развлеченіями слѣдовали другія, болѣе живыя и разнообразныя. У Діодора было нѣсколько собачьихъ своръ: одна—для зайцевъ, другая—для оленей, а третья, вывезенная изъ Лаконіи или Локриды,—для дикихъ кабановъ. Онъ зналъ всѣхъ своихъ собакъ по именамъ, зналъ также ихъ недостатки и достоинства. Никто лучше его не былъ знакомъ съ пріемами этого вида войны, и онъ говорилъ о ней такъ же хорошо, какъ отецъ его описывалъ ее.

„Вотъ какъ происходила охота на зайца. По тропинкамъ и въ нѣкоторыхъ скрытыхъ проходахъ, куда животное могло скрыться, разставили сѣти разной величины. Мы отправились легко одѣтые и съ палкой въ рукѣ. Доѣзжацій спустилъ одну изъ собакъ, а какъ только онъ замѣтилъ, что она напала на слѣдъ, онъ спустилъ и другихъ, и заяцъ вскорѣ былъ выгнанъ.

„Съ этого момента интересъ удвоился: вниманье было привлечено лаемъ собакъ, криками ободрявшихъ ихъ охотниковъ, скачками и уловками зайца, который во мгновеніе ока пронесся по долинамъ и холмамъ, перескочилъ черезъ рвы и скрылся въ рощѣ; онъ появлялся и исчезалъ нѣсколько разъ и въ концѣ концовъ попался въ одну изъ ловушекъ, разставленныхъ на его пути. Сторожъ, стоявшій поблизости, схватилъ его и отдалъ охотникамъ, которыхъ онъ созвалъ криками и жестами. Подъ впечатлѣніемъ торжества побѣды охотники начинали новую травлю. Мы устраивали ее нѣсколько разъ въ день. Иногда заяцъ скрывался отъ насъ, бросаясь вплавъ въ рѣчку Селинунтъ.

„Для охоты на кабановъ мы запаслись копьями, дротиками и толстыми сѣтями. Оставшіеся на землѣ свѣжіе слѣды животнаго, отпечатки его зубовъ на древесной корѣ и другіе признаки привели насъ къ густымъ зарослямъ. Спустили лаконскую собаку, которая, попавъ на слѣды, дошла до логовища, гдѣ скрывался звѣрь, и оповѣстила насъ о своей находкѣ громкимъ лаемъ; ее сейчасъ же отозвали; въ разныхъ мѣстахъ натянули сѣти, и мы заняли свои мѣста.

„Кабанъ выскочилъ съ моей стороны. Онъ не бросился въ сторону сѣтей, а остановился и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ выдерживалъ нападеніе цѣлой своры собакъ и охотниковъ, которые метали въ него стрѣлами и камнями. Затѣмъ онъ вдругъ кинулся на Мосхіона, который хладнокровно ждалъ его, намѣреваясь пронзить копьемъ; но копье это скользнуло по плечу и выпало изъ рукъ охотника, который внезапно рѣшилъ броситься на землю лицомъ внизъ.

„Я былъ увѣренъ въ его гибели. Кабанъ, не находя за что ухватить его, чтобы подбросить вверхъ, сталъ уже топтать его ногами, когда увидѣлъ Діодора, спѣшащаго на помощь товарищу. Онъ сейчасъ же ринулся на новаго врага, который, благодаря большей ловкости или удачѣ, вонзилъ копье звѣрю между лопатками. При этомъ мы были свидѣтелями страшной свирѣпости этого животнаго. Пораженный смертельнымъ ударомъ, онъ продолжалъ съ яростью наступать на Діодора и своими движеніями лишь вонзалъ желѣзо себѣ въ тѣло все больше и больше. При этомъ нѣсколько нашихъ собакъ были убиты или ранены; но еще больше ихъ погибло на второй охотѣ, когда мы сражались съ кабаномъ цѣлый день. Другіе кабаны, преслѣдуемые собаками, попали въ ловушки, скрытыя вѣтвями.

„На слѣдующій день такимъ же образомъ погибли олени. Мы выгнали многихъ оленей изъ ихъ убѣжищъ, и наши собачьи своры утомляли ихъ до такой степени, что они останавливались на разстояніи полета нашихъ стрѣлъ или бросались въ озера или въ море“.

(Barthélemy. Voyage du jeune Anacharsis en Grèce,
гл. XXXIX).

17. Путешествіе.

Греки совершали путешествія главнымъ образомъ моремъ. Внутри страны дорогъ было мало, а тѣ, какія имѣлись, были едва проложены. Однако, въ низменныхъ и болотистыхъ мѣстахъ встрѣчаются слѣды дорогъ; въ этихъ случаяхъ онѣ имѣютъ видъ насыпи или плотины; особенно интересна одна такая дорога въ Беотіи, имѣющая 6,6 метра въ ширину. Хорошо содержимая дорога проходила между Аѳинами и Элевзиномъ: она служила для религіозныхъ

Упряжка.

процессій. Около главныхъ международныхъ святилищъ—какова, примѣръ, Олимпія—тянулась цѣлая сѣть священныхъ дорогъ, по которымъ двигались паломники; для колесъ экипажей прокладывались колеи. Многія рѣчки лѣтомъ пересыхали, а потому мосты были не такъ нужны, какъ въ другихъ странахъ. Въ большинствѣ случаевъ мосты строились деревянные; каменные встрѣчались рѣдко.

Обыкновенно путешествіе совершалось пѣшкомъ или верхомъ на лошади. Иногда для передвиженія пользовались и экипажами, которые дѣлались или въ видѣ двухколесной одноколки, на оси которой находился закрытый съ трехъ сторонъ кузовъ, или же въ видѣ четырехколес-

ной повозки, которая отличалась большей величиной и могла вмѣстить путниковъ съ багажомъ.

Въ Греціи существовали постоянные дворы, но въ нихъ не всегда можно было найти пропитаніе, а потому благоразумнѣе было брать провизію съ собой, и рѣдко кто пренебрегалъ этой предосторожностью. По прибытіи въ какой-нибудь городъ чаще всего останавливались у знакомыхъ. Гостепріимство считалось обязанностью, и всякій богатый или состоятельный человѣкъ имѣлъ особыя комнаты для своихъ друзей. Если же у путешественника не было никого знакомыхъ, онъ охотно проводилъ ночь подъ портиками на свѣжемъ воздухѣ; въ Греціи это не представляло большихъ неудобствъ.

Путешествіе обходилось очень дешево, по крайней мѣрѣ моремъ. Въ IV вѣкѣ проѣздъ изъ Эгины въ Пирей (около 6 миль) стоилъ 2 обола (около 12 коп.), а переѣздъ изъ Египта въ Пирей (200 миль) съ „женою, дѣтьми и багажомъ“ обходился въ 2 драхмы (около 75 коп.).

Сцена изъ греческой жизни.

18. Гостепріимство.

Телемакъ отправляется на розыски отца своего Одиссея и прїѣзжаетъ въ сопровожденіи сына Нестора къ спартанскому царю Менелая.

„Къ царскому дому прибывъ, на дворѣ изъ своей колесницы
Вышли; имъ встрѣтился прежде другихъ Этеонъ много-
читимый,

Спальникъ проворный царя Менелая, великаго славой.

Съ вѣстью о нихъ ко дворцу побѣжалъ онъ къ владыкѣ
Атриду;

Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ крылатое слово:

—Царь Менелай, благородный питомецъ Зевеса, два гостя
Прибыли, два иноземца, конечно, изъ племени Діа.

Что повелишь намъ? Отпрячь ли ихъ быстрыхъ коней?

Отказать ли

Имъ, чтобъ они у другихъ для себя угощенья искали? —

Съ гнѣвомъ великимъ ему отвѣчалъ Менелай златовласый:

—Ты, Этеонъ, сынъ Воэтовъ, еще никогда малоумень

Не былъ, теперь же бессмысленно сталъ говорить, какъ
младенецъ;

Сами не разъ испытывъ гостолюбіе въ странствіи нашемъ,

Мы напоследокъ покоимся дома, и Діи да положить

Бѣдствіямъ нашимъ конецъ. Отпрягите коней ихъ; самихъ же

Странниковъ къ намъ пригласить на семейственный пиръ
нашъ обоихъ.—

Такъ говорилъ Менелай. Этеонъ побѣжалъ, за собою

Слѣдовать многимъ изъ царскихъ проворныхъ рабовъ
повелѣвши.

Иго съ ретивыхъ коней, опѣненное пѣтомъ, сложили;

Къ яслямъ въ царевой конюшнѣ голодныхъ коней при-
вязали;

Въ ясли же полбы насыпали, смѣшанной съ яркимъ ячме-
немъ;

Къ свѣтлой наружной стѣнѣ прислонили потомъ ко-
лесницу.

Странники были въ высокій дворецъ введены; озираясь,

Дому любезнаго Зевсу царя удивлялися оба:

Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ,

Было въ палатахъ царя Менелая, великаго славой.

Очи свои наконецъ удовольствовавъ сладостнымъ зрѣньемъ,

Начали въ гладкихъ купальняхъ они омываться; когда же

Ихъ и омыла, и чистымъ елеемъ натерла рабыня,

Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ косматыя мантии, оба

Рядомъ они съ Менелаемъ властителемъ сѣли на стульяхъ.
Тутъ поднесла на лохани серебряной руки умыть имъ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня;
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ
запаса

Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, поднявъ ихъ высоко,
Мяса различнаго кравчій принесъ и, его предложивъ имъ,
Кубки златые на браномъ столѣ передъ ними поставилъ.
Сдѣлавъ рукою привѣтствіе, свѣтлый сказалъ имъ хо-
зяинъ:

—Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же
Свой утолите вы голодъ, спрошу я, какіе вы люди“.

Послѣ обѣда

„ Елена велѣла немедля рабынямъ
Въ сѣняхъ кровати поставить, постлатъ тюфяки на
кровати,
Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же
Мягкимъ покровомъ для тѣла косматая мантия бросить.
Факелы взявши, пошли изъ столовой рабыни; когда же
Все приготовлено было гостямъ, проводилъ ихъ глашатай“...

При отъѣздѣ Телемака Менелай даритъ ему „пировую
кратеру ¹⁾ богатую; эта кратера вся изъ серебра, но края
золотые, искусной работы“. Самъ Менелай получилъ ее
въ подарокъ отъ сидонскаго царя. Елена также даритъ
ему покрывало „шитьемъ богатѣйшее, блескомъ какъ
солнце“, самое лучшее и большее изъ всѣхъ.

(Гомеръ. Одиссея, пѣснь IV, 20—62; 296—301; XV, 101
и сл.).

¹⁾ Кратера или кратеръ—чаша (см. вып. II, стр. 16).

П. Гиро.

Частная и общественная жизнь грековъ.

(Историческія чтенія).

Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія
Н. И. ДИХАРЕВОЙ.

Выпускъ I.

Содержаніе: Глава первая. **Общія свѣдѣнія.** 1. Эллинскій типъ.—2. Греческій геній.—3. Счастье по понятію аѳинянина.—4. Сравненіе аѳинянъ со спартамцами.—5. Спартакское остроуміе.—6. Характеръ ѳиванцевъ.—7. Простота греческой жизни.—8. Дѣленіе времени.—9. Мѣры, вѣсъ и монеты.—10. Способъ счисленія.

Глава вторая. **Семья.** 1. Первобытная семья.—2. Религія какъ основа семьи.—3. Безбрачіе.—4. Цѣль брака въ Греціи.—5. Религіозные свадебные обряды.—6. Приданое.—7. Аѳинская женщина.—8. Роль женщины въ домѣ по Ксенофонтѣ.—9. Спартакскія женщины.—10. Энергія спартакскихъ женщинъ.—11. Мужество аргивянокъ.—12. Разводъ.—13. Обряды на 7-й и на 10-й день послѣ рожденія ребенка.—14. Собственныя имена.—15. Усыновленіе.—16. Отцовская власть.—17. Обязанности дѣтей по отношенію къ родителямъ.—18. Правила наслѣдованія.—19. Духовное завѣщаніе.—20. Завѣщаніе Платона.—21. Дочь-наслѣдница.—22. Опека.

Глава третья. Воспитаніе. 1. Ребенокъ до семилѣтняго возраста.—2. Отсутствіе правительственной школы въ Аѳинахъ.—3. Правительственная школа въ Теосѣ и въ другихъ мѣстахъ.—4. Литературное и музыкальное образованіе.—5. Гимнастика.—6. Высшее образованіе.—7. Модный учитель.—8. Внѣшкольное воспитаніе ребенка.—9. Аѳинская дѣвушка.—10. Эфебія.—11. Клятва эфебовъ.—12. Эфебы внѣ службы.—13. Спартанское воспитаніе.—14. Спартанская дѣвушка.—15. Общественное воспитаніе на островѣ Критѣ.

Съ 20-ю рисунками. Цѣна 60 коп.

Выпускъ II.

Содержаніе: Глава четвертая. Частная жизнь. 1. Дворцы гомеровской эпохи.—2. Общій видъ греческихъ городовъ.—3. Богатый домъ въ V и IV вѣкахъ.—4. Обстановка дома.—5. Измѣненія женскаго костюма.—6. Мужской костюмъ IV вѣка.—7. Женскій костюмъ.—8. Борода и волосы.—9. Драгоцѣнные украшенія.—10. Женскій туалетъ.—11. Бани.—12. Ъда.—13. Повара.—14. Пиръ.—15. Паразиты.—16. Роскошь въ Сибарисѣ.—17. Цѣны на съѣстные припасы.—18. Цѣны одежды и мебели.—19. Бюджетъ аѳинской семьи.—20. Медицина.—21. Врачи-жрецы.—22. Исцѣленія въ святилищѣ Эпидавра.—23. Общественные врачи.—24. Частные врачи.—25. Похороны.—26. Необходимость погребенія.—27. Двойкій способъ погребенія.—28. Предметы, клавшіеся въ могилу.—29. Культъ могилъ по изображеніямъ на надгробныхъ памятникахъ.—30. Посмертное распоряженіе.

Съ 49-ю рисунками. Цѣна 50 коп.

Изданія Т-ва О. Н. Поповой.

Погодинъ, А., проф. Варш. унив. **Боги и герои Эллады.** Съ 15 рисунк. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Миѣъ какъ олицетвореніе природы.—Міровоззрѣніе дикарей.—Древнѣйшая космогонія грековъ.—Первые боги: Уранъ, Кроносъ, титаны и гиганты.—Борьба Зевса съ Кроносомъ и гигантами.—Зевсъ, Гера, Афина-Паллада, Аполлонъ, Артемида, Посейдонъ и др.—Аргонавты, Гераклъ, Тезей, Персей, Эдипъ.—Основатели царствъ и городовъ.—Герои Троянской войны—Ахиллесъ и Одиссей.

Уч. комит. М. Н. П. допущена въ бесплатныя народныя библіотеки.

Книга А. Погодина является полезнымъ вкладомъ въ нашу все еще далеко не богатую литературу для юношества. Тонъ изложенія, при нѣкоторой суховатости, простъ, безъ преувеличенной популяризаціи, т. е. порчи языка, и достаточно серьезенъ. Обширный міръ вѣчно юной эллинской мифологіи охваченъ полно, несмотря на небольшой сравнительно объемъ книги, и освѣщенъ съ истинно-научной точки зрѣнія.

Изъ отзыва журн. „Русская Мысль“, 1904 г., № 7.

Мезіеръ, А. На поворотѣ. Алексѣевская и Петровская Русь. Историч. хрестоматія. Съ 55 рис. Цѣна 2 р. 50 к.

Содержаніе: Часть I. Московская Русь наканунѣ реформъ. Отд. I. Какъ жили московскіе государи.—Отд. II. Городъ и деревня въ Московскомъ государствѣ.—Отд. III. Кѣмъ и какъ управлялось Московское государство.—Отд. IV. Исправленіе книгъ и начало раскола.—Отд. V. Бунтъ Стѣнки Разина. Часть II. Эпоха Петра. Отд. I. Царь Петръ и правительница Софія.—Отд. II. Царь-преобразователь и новая Россія за работой.—Отд. III. Кто были противники петровскихъ реформъ.—Отд. IV. Смерть Петра Великаго.

Уч. Комит. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. среднихъ учебныхъ заведеній.

Товарищество О. Н. Поповой
издательство и книжный магазинъ

(С.-Петербургъ, Гороховая, 51).

Каталоги изданій Т-ва высылаются по требованію бесплатно.
